Добровольцы, шаг вперед!

Михаил Александрович Николаев

SHOUT
SHARE
IT

- Николаев Михаил Александрович

Николаев Михаил Александрович Добровольцы, шаг вперед!

Николаев Михаил Александрович

Добровольцы, шаг вперед!

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Михаил Александрович Николаев демобилизовался из армии в 1946 году, стал журналистом, работал на Крайнем Севере. И все эти годы не порывал и не порывает связи со своими боевыми друзьями - летчиками прославленного 930-го Комсомольского авиаполка легких ночных бомбардировщиков.

Об авторе: НИКОЛАЕВ Михаил Александрович. Родился в 1920 году. Участник Великой Отечественной войны. Окончил 4-й Московский техникум гражданского воздушного флота и Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Награжден орденами Красной Звезды, Великой Отечественной войны II степени, многими медалями. \\\ Андрей Мятишкин

Содержание

Становление
Фронт
Смирно! Равнение на знамя!
В затишье
Особое задание
Боевое братство
Февральские дни и ночи
Компаньерос
Под Яссами и Кишиневом
Рядом с Дебреценом
В небе над Будапештом
Последний боевой вылет
Примечания

Становление

Кто из авиаторов в то время побывал здесь, в Чувашии, тот на всю жизнь запомнил военный городок ЗАПа{1} как место неожиданных встреч и таких же неожиданных расставаний.

Мекка "королевской авиации"{2} с каждым днем пополнялась, численно росла. Сюда приезжали и старые "воздушные волки" - летчики, отдавшие небу лучшие годы жизни, но волею случая оставшиеся не у дел, и необстрелянные, "неоперившиеся птенцы", успевшие пройти лишь короткий курс

обучения в аэроклубах да курс самолетовождения в военных летных школах.

Встречи порой получались до того поразительными, что старые "кореши" для пущей важности и убедительности позволяли ущипнуть себя - не во сне ли все это.

За каких-то два-три дня я нашел здесь до десятка давних друзей. С техником-прибористом, щеголеватым москвичом (вместе учились в Тушине), встретился в столовой. С молодым летчиком, однокашником по учебной эскадрилье, где мы проходили курс первоначальной летной подготовки, нос к носу столкнулся на берегу реки. А Виктора Климова, бывшего школьного инструктора, быть может, и не узнал бы - бороду отпустил. Тот сам окликнул меня в городском саду. Я долго всматривался в лицо бородача. Что-то очень знакомое - и карие пронзительные глаза, и редкие каштановые волосы, и немного развязная манера держаться в обществе - но кто же это такой?

- Климов, - назвался наконец тот. - Не узнал?

- Разве узнаешь. Борода... Ты что, в партизанах был?

- Пока нет. На всякий случай отпустил. Может, пригодится.

А жизнь в запасном полку между тем продолжала идти своим чередом. Кто-то каждую ночь проводил на аэродроме, обучаясь самолетовождению вслепую. Кого-то уже провожали на фронт. Находилось дело и для тех, кто еще не определился. То учеба в классах, то дни работы на матчасти, а то и выгрузка-погрузка, благо железнодорожная станция находилась рядом.

В тот день рядом со своей койкой в казарме, на втором ярусе, я обнаружил новичка. Длинный, как жердь, младший лейтенант распластался во весь свой рост, перегородив ногами проход между нарами. При тусклом свете керосиновой лампы я не заметил этой "преграды", задел головой.

- Кого еще там несет? - протянул басом верзила.

- Что, новичок? - в свою очередь, спросил я. И тут же предложил: Познакомимся?

- Можно, - ответил тот, садясь и чуть было не задев головой низкий потолок. Спрыгнул на пол, представился, протянув руку: - Ивановский, Павел Иванович.

"Да, такого детину просто Павлом не назовешь", - подумалось мне. Отрекомендовался тоже по имени-отчеству.

Обычные "откуда?., где?., когда?" Павлу Ивановичу надоели, и он резко переменил разговор:

- Не знаешь ли, где здесь харчевня?

- Столовая - в городе. Но кормят неважно. Лучше взять сухим пайком.

Вечером пошли в городской парк. "Отдохнуть малость", - как

сказал Павел Иванович. А там, "сбившись с азимута", разошлись в разные стороны-Воина в такие часы забывалась. Молодость брала свое.

* * *

- Сват приехал! - эта весть для обитателей военного городка была долгожданной и желанной. Ее принес в казарму всегда все знающий сержант Тима Мосякин. - Пойду проситься. Надоело напрасно казенные харчи есть.

- Я тоже пойду. Сегодня же, - пробасил Павел Иванович.

- За мной, если понадоблюсь, придут, - картинно повалившись на свою постель, высокомерно произнес красавец старшина, прозванный за свои манеры Графом. Посмотрел, какое впечатление на окружающих произвела эта фраза. Эффекта, которого ждал Граф, его слова почему-то не произвели.

- А туда графов не берут, - съязвил сержант Егор Холявкин, высокий подтянутый белорус. Его замечание рассмешило компанию.

Графа сие ничуть не смутило. Он медленно приподнялся и, приняв артистическую позу, бросил:

- Значит, я здесь более необходим.

После обеда штаб ЗАПа уже осаждали молодые летчики и штурманы.

Майор Еренков - он же Сват был ростом не высок, но крепко сбит, широкоплеч, подтянут. На груди - два боевых ордена: Красного Знамени и Красной Звезды. В запасном полку людей с такими наградами мы еще не видели

Держался Сват, на мой взгляд, демонстративно независимо от командования ЗАПа. Подполковник Мухин, командир запасного полка, казалось, даже побаивался его.

- Выбирайте сами, кто вам подходит, - сказал Мухин Еренкову и почти умоляюще добавил: - Только не грабьте.

- Какой грабеж? - удивился тот. - Я же буду брать в полк исключительно молодежь, комсомольцев.

- Но среди инструкторов тоже много комсомольцев. - Мухин этого и опасался. - Вон они, уже явились. Всем воевать с фашистами хочется. А с кем я буду другие полки для фронтов готовить?

Гость от такого поворота разговора решил пока уклониться:

- Вы мне сначала хорошего заместителя по летной части подберите, попросил он. - Ведь я - штурман. И начальника штаба толкового.

- Думаю, вы сами как-нибудь найдете себе помощников по душе, - сказал командир ЗАПа.

В это время в кабинет Мухина без стука ворвался, а вернее -

вкатился, как колобок, шустрый, разбитной летчик со шпалой в петлицах и с двумя боевыми орденами на груди. Тут же представился:

- Капитан Кузовиткин. - И, как бы вспомнив, что не спросил разрешения войти, выпалил скороговоркой: - Надеюсь, примете, товарищ подполковник?

- Проходи, проходи, капитан, - ответил Мухин, бросив мимолетный взгляд на вошедшего, и опять повернулся к Еренкову.

Кузовиткин подошел к ним так, словно без него тут обойтись было никак нельзя.

- Новый полк формируете? Надеюсь, меня не забудете?

Те двое посмотрели в его сторону. И, конечно же, заметили награды.

- Кто по профессии-то? - спросил Мухин.

- Летчик.

- Награды за что получил?

- Воевал в Китае.

- Ну вот, - повернулся Мухин к будущему комполка. - Лучшего заместителя вам не найти.

Майор и капитан протянули друг другу руки.

- Еренков, - назвался первый и многозначительно добавил: - Прислан сюда Центральным Комитетом комсомола формировать Комсомольский полк.

- Еренков... Еренков... Постойте-постойте! - Кузовиткин почесал за ухом. Нет, что-то не припомню.

- Я в Китае не воевал, - сказал Еренков, улыбнувшись. И уже серьезно: - Но за границей бывал.

- В Испании?

- Да.

- Что ж, бери, - по привычке обращаться ко всем запанибрата на "ты", выпалил Кузовиткин, но тут же поправился: - То есть берите к себе. Будем теперь вместе Россию защищать.

Еренкову капитан Кузовиткин пришелся по душе. Особенно подкупали его решимость и умение быстро ориентироваться в обстановке. Однако майор решил не торопиться:

- Зайдите ко мне завтра, с утра.

- Что ж, утро вечера мудренее.

Разошлись. Каждый со своей думой. Казалось, что не заметили даже толпу летчиков, осаждавшую штаб ЗАПа.

В квартире на Московской улице майор Еренков пытался привести в порядок свои чувства и мысли. Как он оказался в этом провинциальном городке? Что его "перевернуло" из флаг-штурмана дивизии в командира полка тихоходной "королевской

авиации"? Что ждет его впереди?

События недавнего прошлого выстраивались перед ним, словно на прокрученной не один раз кинопленке.

Незадолго до начала войны он служил штурманом на Сахалине. Дальний Восток всегда оставался дальним. Еренкову же хотелось быть поближе к центру, к Москве.

На очередном пленуме ЦК ВЛКСМ он встретился с одним из высших командиров ВВС, вместе с которым воевал в Испании. Попросил замолвить о нем словечко в штабе. В конце работы пленума ему сообщили, что принято решение о переводе его в Смоленск флаг-штурманом 52-й авиадивизии.

После пленума Еренков отгулял отпуск и вернулся на Сахалин, чтобы оформить необходимые в таких случаях документы. А когда ехал в поезде Хабаровск Москва к новому месту назначения, услышал весть о начале войны.

Война... Он знал, что рано или поздно с ней придется столкнуться, что называется, лицом к лицу. Знал и коварные повадки фашистов. Но никогда и в мыслях не допускал, что так трагичны будут первые ее месяцы. Не доехав до места назначения, в Брянске, майор Еренков попал под страшную бомбежку пикировщиков. Чуть не потерял семью.

Свою авиадивизию нашел не сразу. А когда нашел, то с горечью узнал: от дивизии не осталось и полка.

Формирования, переформирования... Почти за год войны он, боевой штурман, имевший опыт сражений с фашистскими летчиками в небе Испании, совершил лишь 18 боевых вылетов.

Да, не все гладко было у нас в начале войны. Даже в любимом роде войск, в авиации.

Но вот наконец долгожданный день настал: ему, члену ЦК ВЛКСМ, поручено сформировать Комсомольский авиационный полк легких ночных бомбардировщиков.

Решив вопрос с заместителем по летной части, Еренков не переставал думать о начальнике штаба полка. В четвертой части ЗАПа, или отделе кадров, он долго перелистывал личные дела старшего комсостава, производя своего рода разведку. И все безрезультатно. Один, казалось, подходит по всем статьям - и образование (академию закончил), и звание подходящее (майор), и возраст... Но не имеет фронтового опыта. Другой, хоть и с военными заслугами, но без достаточной теоретической подготовки.

Нашел Еренков начальника штаба случайно, в столовой. После ужина остался за столом немного посидеть и среди многоликой и говорливой толпы заметил, как с группой молодых летчиков вошел высокий худощавый капитан со шрамом на

нижней губе. Лицо его показалось майору очень знакомым. "Где-то я с ним встречался. Но вот где и когда?.."

Не спуская с капитана глаз, Еренков перебирал в памяти все свои пути-дороги. И вспомнил.

Вспомнил 1934 год, Белую Церковь, свой взлет по служебной лестнице быстро стал штурманом звена, потом - эскадрильи. А этот капитан - как он похож на того лейтенанта, штурмана экипажа... "Как же его фамилия? Какая-то украинская. Ах, да..." Он почти выкрикнул:

- Чухно!

Капитан поднялся и, не веря глазам своим, двинулся навстречу Еренкову... По пути из столовой Чухно рассказал, что прибыл только что с Юго-Западного фронта, что служил начальником штаба полка легких ночных бомбардировщиков...

"Кажется, это тот, кто мне нужен", - подумал Еренков и, поинтересовавшись, как показали себя летчики на тихоходных У-2, как бы между прочим спросил:

- В тылу долго думаете отдыхать?

- Кто сейчас об отдыхе думает? Воевать надо!

- Тогда давайте-ка ко мне начальником штаба,

- Формируете полк?

- Да. И необычный.

- То есть?

- От всех остальных он отличается тем, что формируется почти полностью из авиаторов-комсомольцев.

- Я готов.

* * *

Подполковник Мухин потерял покой. Хотя Еренков и не "грабил" его, не забирал инструкторов-летчиков, те сами каждый день вместо отдыха после ночных полетов часами простаивали у кабинета командира ЗАПа, чтобы попроситься в Комсомольский полк. Старшина Даев, старшина Шмелев, младший лейтенант Ершов с большой группой летчиков прямо-таки выводили Мухина из терпения.

- Куда я вас отпущу! - кричал он на них. - Кто будет новичков натаскивать в ночных полетах?

На другой день штаб Комсомольского авиаполка, представленный пока лишь капитаном Чухно, начал уже действовать. Михаил Андреевич - так звали капитана - оказался человеком с редким талантом организатора. Люди к нему тянулись, как к магниту железо. А он, спокойный, рассудительный, умудренный фронтовым опытом, отбирал в полк летчиков и техников с настоящими бойцовскими характерами. С некоторых чересчур горячих тактично снимал налет романтики,

объясняя всю многотрудность работы, именно работы, легкомоторной авиации в ночных условиях, под яростным огнем врага. Других же, которые, казалось, и слышать не хотели о тихоходах У-2, буквально зажигал рассказами о лихих и дерзких налетах "королевской авиации" на ближние тылы оккупантов.

В полк уже зачислены двое из тех, кто вместе с Чухно "нюхал порох" на юге. Первый - немного мрачноватый и резкий, словно с какой-то сильной внутренней пружиной мгновенного действия, штурман старшина Иван Дубовиченко. Старшина по званию, он в кругу равных, но не испытанных огнем, чувствовал себя по меньшей мере лейтенантом. Чухно, вероятно, специально приглашал Ивана на свои беседы с молодыми летчиками и штурманами. Его рассказы о том, каков фриц в деле и какими возможностями располагает маленький "кукурузник" в борьбе с сильным противником, новобранцы, еще не видавшие настоящей опасности, всегда слушали очень внимательно и с большим интересом.

Вместе с Дубовиченко был зачислен в полк штурман звена со знаменитой фамилией - Суворов. Тоже фронтовик. Громкая фамилия никак не подходила к спокойному, неразговорчивому парню, мордвину по национальности. Он мог сутками сидеть в веселой компании и за это время не проронить ни слова, оставаясь в тени. И внешностью своей он не выделялся. Рост - немного выше среднего. Плечи, хоть и широкие, но покатые - явный признак увальня, лежебоки. Нескладно сидящая, еще довоенного образца суконная гимнастерка. На узком продолговатом лице - крупный острый нос. Словом, внешность непривлекательная. Но зато Иван был отличным штурманом, с особым, суворовским, характером, который позднее он покажет не раз.

Из обстрелянных, повидавших войну во всех ее суровых ипостасях, влились в полк летчики Григорий Катиловский и Михаил Герди, штурманы Георгий Маслов, Иван Хорошайло, Сергей Кудрявцев...

* * *

В один из вечеров, оказавшихся для меня по какой-то чистой случайности свободным, я еще раз встретился со своим бывшим инструктором Виктором Климовым.

- Что-то тебя на "посиделках" не видно да и в городском парке ты в последнее время не появляешься, - сказал он.

- Сосватан.

- Кому?

- Служу в Комсомольском полку, - с гордостью ответил я.

- А кто у вас командиром?

- Какой-то Еренков, майор.

- Еренков? - с удивлением переспросил Виктор. - И ты говоришь "какой-то". Да как же ты не знаешь своего начальника?!

И Климов рассказал мне удивительную историю. Оказывается, наш командир еще в 1935 году, в мирное время, совершил настоящий подвиг, предотвратив, рискуя жизнью, аварию самолета. Впоследствии об этом героическом поступке был снят документальный фильм, вошедший в киносборник "Новеллы о героях-летчиках".

...В зимний солнечный день на аэродроме выполнялись обычные тренировочные полеты. Молодые летчики отрабатывали посадку с боковиком, а штурманы тренировались в полетах по маршруту. Все шло по обычному установленному порядку. Казалось, ничто не предвещало беды. И вдруг - тревога: у одного экипажа в воздухе произошла серьезная поломка самолета. Возвратившийся из зоны Р-5 уже заходил на посадку, когда стоявший у посадочного Т командир части заметил, что передний амортизатор правой лыжи на самолете оборвался и лыжа стала вертикально. Немедленно выложили крест - посадка запрещена. Самолет ушел на второй круг.

На земле в это время решали, как спасти экипаж. На одну лыжу сажать самолет рискованно: торчащая вертикально "нога" помешает, и быть аварии, а то и... Жизнь людей дороже любой машины. И на земле принимают решение - экипаж должен покинуть самолет с парашютами.

Полеты срочно прекратили. Над аэродромом кружился лишь один Р-5 с поврежденной "ногой". Он выполнял одну "коробочку" за другой. В воздух поднялся самолет, на борту которого было написано: "Прыгайте с парашютами".

Но летчики, находившиеся в аварийном Р-5, тоже успели передумать о многом. Они понимали, что машина создана руками людей, на нее затрачены большие народные деньги. И вот из-за пустяка, разрыва амортизатора, из-за какого-то резинового жгута через минуту-другую самолет превратится в груду обломков.

- Спасти машину все-таки можно, - сказал командиру экипажа Петру Высокосу Михаил Еренков.

- Что ты придумал? - спросил летчик.

Штурман подробно изложил свой план. Он хотя и рискованный, но вполне осуществимый. Можно попробовать. Летчик согласился: попытка - не пытка.

На земле с волнением следили за действиями смельчаков. Вот летчик уменьшил скорость самолета. Из второй кабины, как для прыжка с парашютом, но только не на левое, а на правое крыло выбрался штурман.

- Что они там, перепутали все, чему учили?

- Куда, куда тебя повело?!

Штурман шагнул вперед, нагнулся, достал правой рукой до передней кромки крыла и лег.

Ледяной ветер обжигал Еренкову лицо, руки. Казалось, еще мгновение - и ветер сбросит этого презревшего опасность человека.

- Прыгай же, прыгай! - кричали с земли.

- Что он там выкамаривает?!

- Эх, мать честная!..

Ничего этого Еренков, конечно, не слышал. Сантиметр за сантиметром, все ближе и ближе подбирался он к тому месту на крыле, где была расположена стойка шасси. Наконец цель достигнута. Теперь нужно осторожно спуститься вниз.

Больших усилий, огромного напряжения воли стоило старшему лейтенанту Еренкову добраться до стойки шасси. Не сразу аварийная "нога" пошла на свое место. Сильный воздушный поток как бы увеличил ее вес. Но пилот и штурман учли и это. Командир экипажа еще больше сбавил обороты мотора, одновременно выбирая рули высоты на себя. Самолет стал парашютировать. И мертвая "нога" ожила. Передний конец лыжи плавно пошел вверх, пошел, пошел... И вот уже поврежденная "нога" на своем обычном месте. Еренков привязался к стойке шасси, чтобы не сорваться. Теперь все зависело от летчика: сумеет ли он посадить плавно машину. Сделав над аэродромом еще один круг, самолет уверенно пошел на посадку. Летчик выполнил ее мастерски.

Потом был разбор. И случившееся назвали своим именем - подвигом. Тогда и пришла к Еренкову его первая награда - орден Красной Звезды.

* * *

3 июля 1942 года, в день годовщины исторического выступления по радио И. В. Сталина, всех зачисленных в Комсомольский авиаполк впервые построили на плацу ЗАПа. После короткого рапорта начальника штаба капитана Чухно с речью к нам обратился майор Еренков.

Я стоял в строю первой эскадрильи, в новом для себя коллективе. И, как всегда в таких случаях, смотрел на всех изучающе. С техниками звеньев (техником в первую зачислили и меня), с механиками самолетов, оружейниками, механиками спецслужб я уже познакомился. Среди летчиков же знал только командира третьего звена младшего лейтенанта Ивановского и его штурмана старшину Дубовиченко. Что за люди остальные, предстояло еще узнать.

А вечером, уже на аэродроме, состоялось и первое комсомольское собрание полка, на котором были избраны руководящие органы нашей организации.

Фронт

Во второй половине дня 28 июля 1942 года в строгом соответствии с шифрованной телеграммой штаба ВВС МВО, полученной накануне, наш полк в полном составе прибыл на Калининский фронт и влился в 3-ю воздушную армию.

Было еще светло, когда стая "кукурузников" приземлилась в пригороде Калинина.

До этого все шло, как при обычных полетах в ЗАПе, в глубоком тылу. А тут все сразу изменилось. Капитан Дозмаров, командир первой эскадрильи, вернувшись с короткого совещания от командира полка, собрал экипажи у своего самолета.

- Помните: в 20-25 километрах отсюда - фронт. Фашистские истребители могут появиться в любое время. Будьте внимательны. Следите за воздухом. - Он прошелся вдоль строя. - Мы прибыли сюда работать. Ра-бо-тать, понимаете? А работа наша - бить фашистов. И, я думаю, никто из вас не хочет, чтобы немцы били нас.

С аэродрома то и дело взлетали истребители, заглушая своим ревом голос комэска. Летчики завистливо провожали их взглядом.

- Сейчас мы полетим к месту нашего базирования, - продолжал Дозмаров. Взгляните на карту: вот - Старица, от нее недалеко деревня Обухово. Наша посадочная площадка на восточной окраине, у лесочка. Вылетаем по одному. Над аэродромом "коробочку" не строить. Высота полета - 50 метров максимум. Прошу визуально держаться ведущего. После посадки сразу же замаскировать самолеты: рядом фронт. Наш прилет сюда немцы заметить не должны. Может быть, сегодня кто-то уже полетит на выполнение боевого задания. Все. По самолетам!

Полк приземлился за околицей Обухова под вечер, в лучах заходящего солнца, на площадке возле лесочка, специально подготовленной для ночных полетов батальоном аэродромного обслуживания (БАО). Машины рассредоточили в сосновом подлеске.

Немного погодя над деревней с востока на запад прошла пара "мессеров". А через какой-то час, когда ночь фиолетовым покрывалом окутала все вокруг, небо наполнилось рокотом самолетов-ночников, наших соседей.

На первое боевое задание полетели только самые опытные летчики и штурманы. И то не самостоятельно. Из соседнего полка таких же легких ночных бомбардировщиков командующий 3-й

воздушной армией генерал М. М. Громов прислал три экипажа, уже не раз летавших на бомбежку вражеских позиций. С каждым штурманом-старожилом здешнего ночного неба полетел наш летчик. С видавшими виды летчиками из соседней части отправились не менее опытные, но еще не летавшие в этом районе наши штурманы.

В воздух поднялись только шесть смешанных экипажей. А переживал за исход каждого вылета весь полк. Как же иначе! Ведь это первая боевая ночь, первые боевые вылеты полка.

Об этой ночи значительно позже безвестный летописец напишет: "Так в ночь на 30 июля 1942 года состоялось боевое крещение полка".

* * *

После второй ночи коллектив третьей эскадрильи пережил мучительную тревогу: не вернулись с боевого задания самый молодой летчик подразделения сержант Анисимов со штурманом сержантом Томиловым.

Прошел день. Миновал другой - друзей все нет. Эскадрилья загрустила: неужели погибли?

Только на третьи сутки возвратился в расположение полка Анисимов. Пришел пешком. Сразу же явился в штаб.

- Где пропадал? - строго спросил командир полка.

- Сели на вынужденную, на передовой...

- Причина?

- Рассыпался мотор, - объяснил летчик. - Штурмана я оставил у самолета, а сам пошел домой

- Почему так долго добирался? И тут выяснилось следующее.

Когда Анисимов был уже на полпути к своему аэродрому, близ Старицы его задержал полевой патруль:

- Кто такой? - спросили.

- Летчик 930-го Комсомольского...

- Летчик? - удивились патрульные. - Кому-нибудь другому расскажи эту сказку.

- Летчик - это во! - второй патрульный большим пальцем правой руки провел по груди, что должно было означать много наград. - Летчик весь в хроме. А ты?..

Саша Анисимов, да и не только он, внешне не отвечал тогда предполагаемому "стандарту". Наград не было - это еще куда ни шло: они впереди. А вот одежда... Гимнастерка, о которой говорили х/б и б/у, то есть хлопчатобумажная, бывшая в употреблении. На ногах - стыдно сказать - обмотки.

Повезли патрульные нашего молодца в полевую комендатуру - там разберутся, что за птичка попалась.

Анисимов никак не хотел мириться с такой участью, старался

доказать, что он все-таки летчик, представитель гордого племени крылатых. А стражи порядка и слушать ничего не хотели.

Когда автомашина проезжала мимо полевого аэродрома, на котором размещались истребители, Саша упросил-таки своих конвоиров, чтобы летчики-истребители устроили ему экзамен. Они-то уж смогут точно сказать, летчик перед ними или какой-то проходимец, дезертир. Патрульные согласились на "эксперимент".

Майор-авиатор тоже не признал в сержанте, обутом в ботинки с обмотками, боевого летчика:

- Откуда такой "сокол"? - съязвил командир.

- Да вы не смотрите на мою амуницию, - настаивал Анисимов. - Устройте мне любой экзамен. Летчик летчика должен сразу узнать.

- Ну-ка, "летчик", скажи, что это такое? - экзаменатор показал на выступающий из правого крыла приемник указателя скорости.

- Трубка Пито, - смущенно проговорил Анисимов: мол, кто ж этого не знает.

- А это? - рука потянулась к выступу на правом борту.

- Трубка Винтури.

- Как называется такая фигура высшего пилотажа? - истребитель продемонстрировал ее движением ладони.

- Иммельман.

- А ну-ка нарисуй мне кривые ПИНО.

Саша прутиком на пыльной дорожке вычертил диаграмму. Ее мог знать только летчик.

- Ну что ж ты, старшина, - обратился майор к старшему из патрульных, - не смог отличить летчика от какого-то дезертира? Летчик он, никаких сомнений. - И спросил у Анисимова: - Откуда ты?

- Ночник. Стоим в Обухове. Только что начали боевую работу. Сел на вынужденную: мотор разбило

Так сержант Анисимов был реабилитирован. На место вынужденной посадки из нашего полка срочно отрядили команду авиаспециалистов. Через день экипаж Анисимова снова встал в боевой строй.

Скажу больше: этот случай помог нам, почти всему составу полка, получить новое обмундирование. А летчикам и штурманам, не имевшим личного оружия, вооружиться новенькими пистолетами ТТ. Поначалу мы летали без огнестрельного оружия - с кинжалами и финками.

Немецкое командование заметило-таки подкрепление, пришедшее наземным войскам Калининского фронта с воздуха. Самолеты Комсомольского полка с каждым днем наращивали бомбовые удары по врагу. От вечерней зари до утренней наши У-2

висели над переправами через Волгу, железнодорожными станциями, опорными пунктами врага. И высшее командование противника отдало приказ - найти базу "русс-фанер" и разгромить ее.

В ночь с 5 на 6 августа 1942 года полк получил боевое задание - нанести удар по скоплению живой силы и техники противника на шоссейной и железной дорогах - участок Ржев - Зубцов - и на железнодорожном узле Ржев-Южный. Экипажи только что ушли в ночное небо. Аэродром затих. И вдруг...

Непривычное, какое-то прерывистое урчание в вышине. Бывалые фронтовики очень хорошо знают этот звук - моторы выговаривают: "Ве-зу, ве-зу, ве-зу". А молодежи все в диковинку.

- Воздух! - крикнул стартех Александр Антонович Дегтярев (Он был старейшиной нашей первой эскадрильи, и его все звали по имени-отчеству.)

Находившиеся на аэродроме механики самолетов, оружейники, прибористы, электрики, да и оказавшиеся без дела летчики и штурманы бросились врассыпную кто куда.

"Хеншель-123" прошел поперек аэродрома. К счастью, огни на посадочном Т не горели.

Засвистели бомбы, и через несколько секунд раздались сильные взрывы. Хорошо еще, что ни одна бомба не упала на аэродром. Серия из пяти фугасок легла на юго-восточной части площадки, где не было ни машин, ни людей.

Хотя бомбежка урона не нанесла, с непривычки было страшновато. Один штурман, услыхав вой падающих бомб, дал такого стрекача, что его, вероятно, и заяц не догнал бы. И ведь нашел укрытие - нырнул под старую автомашину. Но как же он растерялся после отбоя воздушной тревоги, когда увидел, что укрытием ему служила автомашина-бензозаправщик! Товарищи еще потом долго подтрунивали над ним в связи с этой историей.

Одну из ночей, хотя она в числах и не совпадала с католическим праздником святого Варфоломея, в полку нарекли "варфоломеевской". А все почему? Вылетели на боевое задание 15 экипажей, а вернулись на свой аэродром только девять. Погода подвела.

Когда самолеты уходили в ночное небо, ничто, казалось, не предвещало ухудшения метеообстановки. По крайней мере синоптики такого ухудшения не прогнозировали.

В 22.10 взлетал последний экипаж. Обычно я подходил к каждому самолету, заглядывал в кабину летчика, проверял показания приборов - поставлен ли на нуль высотомер, работает ли манометр масла, тахометр, другие приборы. Просил пилота посмотреть, будет ли отклоняться стрелка указателя скорости,

если я дуну в трубку Пито.

- Не надо, не проверяй, - крикнул мне летчик. - Мы уже проверили все сами. - И добавил озорно: - Садись с нами - в полете убедишься.

Самолет скрылся в чернильной темноте ночи, а я не переставал думать о только что шутливо высказанном предложении. В самом деле, разве это порядок! Я, можно сказать, подготовленный летчик, хожу по земле и досматриваю, как работают приборы на самолетах. И какие это приборы - ни одного солидного. А изучать приходилось когда-то и автопилоты, и авиасекстанты... Тут они ни к чему. "Хожу, а они и без меня, без моих обходов за приборами смотрят, - лезло в голову. - Я такой же летчик, как и эти ребята. Правда, они обучились летать ночью. Полеты по приборам... Но зато я ведь еще и приборист, стало быть, знаю все приборы лучше любого из них. Они летают, а я?.."

Вылетевшим первыми экипажам пора бы уже возвращаться домой. Но погода стала быстро портиться С запада, или, как говорят в авиации, с "гнилого угла", быстро надвигалась мощная грозовая облачность. Чуть позже начальник штаба полка запишет в оперативной сводке: "С 23 часов 20 минут облачность слоисто-кучевая, 6-7 баллов, высотой 400-600 метров. Ветер порывистый до 12-13 метров в секунду. Прохождение осадков ливневого характера, грозовые разряды".

Приземлились "воздушные волки" - Дозмаров с Домановым и Герди с Кудрявцевым. Зарулили на стоянку и сразу же на КП, в землянку штаба полка.

- Задание выполнено, - доложил комэск-1 и тут же поинтересовался: - Кто еще вернулся?

- Прошли по всему участку дороги от Ржева до Сычевки, - отрапортовал командир звена Герди. - Бомбы сбросили по железнодорожному мосту через Осугу. Еле ноги унесли.

- Что так?

- Взрыватели на бомбах были поставлены на моментальный взрыв. А нас облачность прижала до 300 метров. Взрывом подбросило самолет аж в облака. Цель, к сожалению, не поражена.

Вышло расчетное время - бензин в баках кончился. А механики все ждут и ждут своих летчиков...

Под утро стало известно, что пять экипажей благополучно совершили вынужденные посадки - кто где. К полудню следующего дня все они прибыли в родной полк. Не вернулись лишь летчик младший лейтенант Григорий Григорьевич Шапошников и штурман лейтенант Федор Алексеевич Поляруш. Как удалось выяснить, они сгорели над Ржевом.

Первая наша боевая потеря.

Я зашел в штаб полка и услышал, как капитан Чухно диктовал машинистке Асе Ячменевой:

"Не вернулся на аэродром экипаж младшего лейтенанта Шапошникова. Факт гибели подтвержден очевидцами".

Боевые потери... Они всегда потрясают. Был человек - и нет. И никакими мольбами не вернешь его в строй.

Эти летчики погибли как герои. Но были у нас потери, о которых говорили с сожалением - могло их и не быть, если бы...

Да, не все в полку шло гладко на первых порах. Всякое бывало. И теряли ориентировку, возвращаясь домой только на другой день, после опроса местных жителей. И самолеты ломали... Нет, это не издержки в организации полетов и не следствие молодости летного состава Все ЧП - от стремления вырваться вперед, сделать все как можно быстрее. Спешка и подводила.

Быстрота в выполнении приказов и распоряжений, безусловно, очень похвальна. Но нельзя путать быстроту со спешкой. В народе говорят: поспешишь людей насмешишь. На войне же за такие ошибки платят кровью и жизнями.

Вскоре после памятной "варфоломеевской ночи" на одну цель с нами летали летчики соседнего 701-го полка. И надо же было такому случиться! Командир третьей эскадрильи старший лейтенант Григорий Катилевский, опытный, всеми уважаемый летчик, вместе со штурманом эскадрильи лейтенантом Иваном Хорошайло, уже имевшим на своем счету более ста ночных боевых вылетов на У-2, при возвращении на свой аэродром пренебрегли установленной высотой полета и столкнулись в воздухе с экипажем соседнего полка. Оба экипажа погибли. Горькая и невосполнимая потеря.

После гибели друзей я, уже в который раз, написал на имя командира полка рапорт: "Прошу перевести..." Но опять получил отказ.

* * *

Ржев... И сейчас, спустя четыре с лишним десятилетия, при одном упоминании этого старинного города на Верхней Волге у ветеранов войны, которым довелось здесь сражаться, начинает тревожно биться сердце, перехватывает дыхание. Люди, родившиеся после войны, должны знать, как нелегко давался воинам каждый метр отбитой у врага родной земли.

Ржев... В нем до войны проживало всего лишь 30 - 35 тысяч человек. Обыкновенный средний провинциальный город. А во время боев за него в 1942-1943 годах погибли более ста тысяч солдат и офицеров.

Семнадцать месяцев - почти треть всей Великой Отечественной - полыхал над Ржевом огненный смерч, не смолкая ни днем, ни ночью, гремели жестокие бои. Много немеркнущих подвигов совершили советские воины на ржевской земле, грудью своей закрывая врагу путь на Москву.

Каждую ночь самолеты Комсомольского авиаполка вылетали на выполнение боевых заданий. Каждый экипаж совершал по три-четыре вылета. Между экипажами развернулось даже соревнование, негласное, но действенное - кто больше сделает вылетов, кто эффективнее поразит врага.

Тима Мосякин, прославившийся как истребитель вражеских артиллерийских и минометных батарей, заходит на посадку, прибирает газ и кричит:

- Бомбы! Давайте скорее бомбы!

Посадит самолет, зарулит на "красную линию" - сам же поможет оружейникам подвесить бомбовый груз. Развернется - и снова в небо.

О методике Мосякина вскоре узнали в других эскадрильях. И многие летчики стали повторять его прием. Михаил Герди с Сергеем Кудрявцевым, например, так "наставляли" своего механика:

- Если нас Мосякин обойдет, душа из тебя вон!

И техник звена добросовестно выполнял наказ. Он по "почерку" узнавал самолет командира, мигал электрическим фонариком, показывая направление, куда надо рулить, чтобы быстрее подготовить машину к следующему вылету, помогал подвешивать бомбы.

Вскоре в соревнование экипажей за эффективность вылетов включились буквально все летчики и штурманы. Важную роль в этом сыграло решение Секретариата ЦК ВЛКСМ от 3 сентября 1942 года, которым был утвержден переходящий Красный вымпел ЦК для награждения особо отличившейся эскадрильи.

Перед этим, 1 сентября, командование полка доложило в ЦК комсомола о результатах боевых действий части с 28 июля по 31 августа: произведено 1070 вылетов, сброшено на врага 188 тонн бомб, разбросано более миллиона листовок в тылу врага, разрушено десять переправ, уничтожено несколько железнодорожных эшелонов, остановлено движение поездов через станции Ржев-Белорусский, Панино, Есиповская, Мелехов, Осу-га. В ознаменование Международного юношеского дня в ночь на 1 сентября 1942 года летчики полка произвели 115 боевых вылетов. "

Переходящий Красный вымпел ЦК ВЛКСМ первым был вручен коллективу второй эскадрильи. А в ней особо отличились

командир звена старший лейтенант Герди и его штурман лейтенант Кудрявцев, молодые пилоты сержант Дмитрий Климанов, старшина Александр Токарь, старший сержант Николай Тарасов.

Члены Бюро ЦК ВЛКСМ писали в полк: "Обрушивайте больше бомб на головы фашистов. Смерть немецким оккупантам!"

И комсомольцы-летчики делом отвечали на этот призыв.

Смирно! Равнение на знамя!

Комсомольский авиаполк уже показал свой боевой характер. Маленькие самолеты-тихоходы не пропускали ни одной погожей ночи, чтобы не потревожить врага. С вечера до утра бомбили укрепления противника, железнодорожные узлы, речные переправы, артиллерийские и минометные батареи, летали на разведкучвойск противника, добывая ценные сведения для командования...

О славных делах комсомольцев-летчиков узнали молодые рабочие и колхозники Татарской АССР. Они решили взять шефство над нашим полком.

В августе 1942 года комсомольцы Татарии на сбереженные средства приобрели шесть боевых самолетов и послали их в дар Комсомольскому полку. Вот что по этому поводу писала газета "Комсомольская правда":

"ПРИНИМАЙ, РОДИНА, ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

Город Н., 17 августа (наш корр.). На территории Н-ского завода состоялась передача боевых самолетов, построенных на средства комсомольцев и молодежи Татарии.

В 16 часов начинается митинг на одном из аэродромов. Выступает лучший мастер завода комсомолец Черпаков.

Ответное слово держит заместитель командира Н-ской части, дважды орденоносец капитан Кузовиткин. Он сердечно благодарит трудящихся Татарии за подарок и заверяет, что эти машины будут вручены лучшим экипажам.

Митинг окончен. Подается команда:

- По самолетам!

Поле наполняется рокотом моторов. Девушки преподносят экипажам букеты полевых цветов.

Из-под колес убраны колодки. Полный газ. Взмах флажка - и первая машина "Комсомолец Татарии" понеслась по зеленому ковру аэродрома. Опять взмах флажка - и "Пионер Татарии" начинает свой разбег. За второй машиной поднимается в воздух третья, четвертая, пятая, шестая... "Кзыл Татарстан", "Казанский комсомолец", "Зеленодольский комсомолец" - читают стоявшие на земле дорогие сердцу надписи на фюзеляжах машин.

Последний самолет взмыл в воздух. Машины развернулись и

сомкнутым строем проплыли над головами провожающих.

- Курс на запад...

Счастливого пути, молодые пилоты!"

* * *

Самолеты с дарственными надписями были вручены лучшим экипажам: Михаилу Герди, Трофиму Мосякину, Павлу Ивановскому, Александру Анисимову, Александру Токарю, Сергею Безбородову.

Вскоре после возвращения нашей делегации из Казани в полк от шефов пришла посылка. Молодые казанцы прислали нам баян, трубки, мундштуки, кинжалы. На внутренней стороне крышки изящной металлической коробки, в которой были упакованы подарки, шефы написали:

"Родные соколы! После боевых вылетов закуривайте эти трубки, вспоминайте, что их послали вам комсомольцы, мысли и чувства которых неразрывно связаны с вашими ратными делами".

А потом к нам приехала делегация комсомольцев Татарии. Летчики и штурманы выстроились перед командным пунктом полка.

- По-олк! Под знамя смирно!

Авиаторы застыли в торжественной тишине. Из землянки вышли знаменосец и ассистенты. Каждый поворотом головы и взглядом провожал их до правого фланга. Затем выступил командир полка, член ЦК ВЛКСМ майор Еренков. За ним секретарь Татарского обкома комсомола А. В. Шафиков. Потом взял слово батальонный комиссар А. Д. Шрамко. Он говорил, кажется, самые простые слова о дружбе и товариществе, о верности воинской присяге, о чести воевать под Красным знаменем, которое только что нам вручили шефы. Но каждая фраза приобретала для летчиков особый смысл. Ведь они собирались лететь через линию фронта, в тыл врага. И когда комиссар сказал: "Поклянемся же, товарищи, что мы никогда не запятнаем чести этого знамени!", летчики дружно отчеканили:

- Клянемся!

И эту клятву они гордо пронесли через все бои, через все испытания.

* * *

29 сентября 1942 года полк получил боевую задачу - взорвать крупный армейский склад боеприпасов близ железнодорожной станции Оленино. Разведка донесла, что этот склад расположен примерно в шестистах метрах южнее станции, в лесу; сотни автомашин с ящиками артиллерийских снарядов прибывают туда ежедневно, и столько же отправляется от склада по всем дорогам. Надо было во что бы то ни стало уничтожить этот арсенал и

нарушить снабжение войск противника боеприпасами.

Как всегда перед вылетом, летчики и штурманы изучали цель. На этот раз по карте-километровке. Вычерчивали даже схему станционных построек, чтобы на память знать все ориентиры у цели Уточнили расположение средств противовоздушной обороны и, конечно же, направление и силу ветра. Ведь все это влияет на результаты бомбометания. Наметили, с какой стороны заходить на цель, - боевой курс.

И вот уже подвешены бомбы. Баки заправлены горючим.

- Самолет к вылету готов! - доложил младшему лейтенанту Ивановскому техник звена Сергей Рычков.

Летчик вместе со штурманом Георгием Масловым (старшина Дубовиченко постоянный напарник Ивановского - находился в госпитале) проверили загрузку самолета.

- А это что такое? - спросил Павел Иванович у техника, обнаружив в кабине штурмана большие свертки.

- Это листовки, товарищ командир.

- Уж не думаешь ли ты, что мы ими немецкий склад взорвем? - удивился летчик.

- А вы сначала поагитируйте фрицев, - шутливо ответил Рычков. - Может, на пользу пойдет.

- Что с тобой поделаешь, так уж и быть, попробуем.

На задание вылетело восемнадцать экипажей. За какие-то считанные минуты аэродром Фелистово опустел. Гул моторов растворился в ночном небе, стало тихо.

Механики самолетов, оружейники, прибористы, электрики, проводив самолеты на задание, всматривались в темноту, куда ушли их боевые друзья, с нетерпением ожидая их возвращения.

В 23.15 на юге горизонт полыхнул пожаром. Пламя то увеличивалось, то уменьшалось, разливаясь по небу темно-вишневым заревом.

- Наверно, опять каратели подожгли какое-нибудь село, усмиряют несогласных с "новым порядком", - предположил кто-то

- Нет, братцы, - сказал сержант Николай Подзерей, прозванный Пегим за клочки седых волос на висках и затылке. - Это наши ребята склад взорвали. По времени они уже должны быть там.

- И верно!

- Одно только смущает - видно уж больно хорошо, будто рядом где-то.

- Так ведь склад-то армейский. Понимаешь, для целой армии склад!

- Смотри-ка, смотри, как полыхает!..

- Это, братцы, дело рук моего Мосякина, - так и не смог

уняться Подзерей.

- Как же! - подковырнул его известный в полку юморист, оружейник второй эскадрильи Юрий Каневский. - Твой Мосякин, больше некому...

- А что, разве Тима плохой летчик?

- Другие не хуже.

Спор механиков и оружейников разрешился сам собой. Сел самолет, другой, третий... Каждый экипаж докладывал, что видел, как рвались боеприпасы, как горит склад. Но кто поразил цель, еще не выяснено. Приземлились Ивановский с Масловым.

- В какое время бомбили? - спросили их.

- В 23.15, - ответил Маслов.

- Молодцы, ребята!

Наутро в полку получили приказ командующего 3-й воздушной армией генерала М. М. Громова. Всему личному составу за успешное выполнение боевого задания была объявлена благодарность. А Ивановский и Маслов награждены орденами Красного Знамени (летчик) и орденом Ленина - штурман.

На очередном построении полка с выносом Красного знамени шефов, а делалось это всегда, когда перед полком ставилась особо важная задача, - у древка с алым бархатом произошла смена караула - знаменосцем стал первый в полку кавалер ордена Ленина, один из лучших стрелков-бомбардиров части лейтенант Георгий Маслов. Замечу, кстати, что этот почетный пост остался за ним до конца войны.

* * *

- Под знамя, смирно! - звучит команда. И мы знаем: сегодня опять будем работать на пределе возможного.

Командованию фронта срочно потребовались разведывательные данные о продвижении немецких войск в ближнем тылу. Обычно такие сведения добываются общевойсковой разведкой. Делаются вылазки за "языком". Запрашиваются сведения о противнике, которыми располагают партизаны. На этот раз обычные средства сбора данных не дали желаемых результатов. И тогда было принято решение перебросить разведчиков в ближний тыл с помощью "малой авиации".

Выполнение сложного боевого задания командование полка поручило комсомольцам - командиру звена второй эскадрильи старшему лейтенанту Михаилу Герди со штурманом лейтенантом Сергеем Кудрявцевым и заместителю командира второй эскадрильи старшему лейтенанту Алексею Дорошенко.

Выбор на эти экипажи пал не случайно. Герди и Кудрявцев по праву считались любимцами полка. У них учились мастерству

ночных бомбовых ударов, им подражали во всем, даже в походке И совсем недавно они, как наиболее достойные, получили самолет - подарок от шефов, комсомольцев Татарии, - "Зеленодольский комсомолец". На этой машине Михаил и Сергей уже совершили несколько успешных боевых вылетов. Кому, как не им, доверить и этот полет!

Алексей Дорошенко - тоже заслуженный пилот, и у него свой счет с фашистами.

К нам на аэродром приехали трое разведчиков с радиостанцией. Еще до построения полка летчики обстоятельно побеседовали с ними. Договорились о совместных действиях, проиграли все возможные варианты действий на земле, в тылу у противника. Выбрали по карте площадку для посадки, недалеко от леса. Решили вылететь на задание затемно, перед рассветом, и идти. к цели бреющим полетом.

Все в полку понимали, что этот короткий полет может стоить жизней и разведчикам и летчикам. На всякий случай ребята отвинтили от гимнастерок ордена, с петлиц сняли знаки различия и вместе с комсомольскими билетами сдали на хранение в штаб.

В шесть часов утра в середине октября еще темно. Именно в это время две машины - Герди со штурманом Кудрявцевым и одним разведчиком во второй кабине и Дорошенко с двумя разведчиками - поднялись в воздух.

Линию фронта самолеты прошли, когда начало светать. Но для противника этот визит "русс-фанер" оказался полной неожиданностью. Немцы не успели сделать по храбрецам ни одного выстрела.

Машины нырнули за кромку леса, и рокот моторов затих. Фрицы опомнились и открыли по площадке, где сели самолеты, огонь из всех видов оружия. Заговорила даже тяжелая полевая артиллерия.

В боевом донесении штаба полка о том полете говорится так:

"Два экипажа в составе командира звена Герди Михаила Николаевича, заместителя командира эскадрильи старшего лейтенанта Дорошенко Алексея Андреевича и стрелка-бомбардира лейтенанта Кудрявцева Сергея Сергеевича в 6.00 12 октября 1942 года вылетели на выполнение боевого задания и обратно не вернулись. Причины невозвращения неизвестны".

Погибли? Да не может быть такого!

О том, что комсомольцы-летчики успешно справились с поставленной задачей высадили разведчиков в тылу врага, - стало известно из поступивших сведений о передвижении немецких войск. Задание выполнено. А где же летчики? Что с ними?

14 долгих, очень долгих дней ждали их в полку боевые друзья. И дождались!

Через неделю Герди, Дорошенко и Кудрявцев, измотанные длительными переходами по лесам и болотам, с боем миновали линию фронта и вышли к своим. А еще через неделю, 26 октября, как раз в день рождения Алексея Дорошенко, они были уже дома, в родном полку, среди друзей.

- Еще раз родился, - сказал Алексей, когда друзья поздравляли его с двадцатипятилетием.

Возвращение летчиков в полк после длительного "небытия" всегда большое событие. И вполне естественно поэтому желание всех подробней узнать о том, что же произошло.

- Линию фронта перелетели довольно спокойно, - рассказывал Сергей Кудрявцев. - Быстро нашли "пятачок" для посадки. Площадка оказалась довольно удачной. Правда, на ней было много сухой травы, а в траве "замаскировались" окопы и воронки от разрывов снарядов. Но нам повезло - миновали все "рифы". Первым сел Алексей Дорошенко. За ним - мы с Герди. Разведчики, захватив с собой рацию, немедленно отправились в лес, как и было обговорено до вылета. Мы им на прощание пожали руки и пожелали удачи. В ответ, как у студентов перед экзаменом, услышали: "К черту!"...

Первым на взлет повел самолет Герди. Но в это время летчиков обнаружили немцы. Вокруг самолета начали рваться снаряды.

"Зеленодольский комсомолец" вот-вот должен был оторваться от земли. Но не оторвался. Левым колесом самолет угодил в воронку и скапотировал.

Алексей Дорошенко быстро подрулил к попавшим в беду товарищам:

- Живо ко мне на самолет! Жалко расставаться с машиной, которая могла бы еще служить и служить. Но врагу ее, даже израненную, отдавать нельзя. Летчики подожгли свой У-2 и запрыгнули во вторую кабину самолета Дорошенко.

- Жми, Алеша!

Немцы продолжали яростный обстрел площадки. На пробеге самолет Алексея тоже перевернуло - то ли в него снаряд попал, то ли он о воронку "споткнулся". Выбрались из-под обломков - и в лес, в тыл к немцам.

Гитлеровцы, конечно, организовали поиск наших летчиков. Но тройка храбрецов сумела оторваться от преследования и добраться до своих.

* * *

Самолет с дарственной надписью на борту "Пионер Татарии"

в торжественной обстановке вручили летчику, одному из первых в полку кавалеров ордена Красного Знамени, старшему сержанту Трофиму Мосякину, стрелку-бомбардиру старшему сержанту Владимиру Шаховцову и механику сержанту Николаю Подзерею. Очень дружный был экипаж. При формировании командование полка учло, видимо, что летчик и штурман - земляки, с Орловщины. В деревне Трофимове Дмитровского района у Мосякина осталась мать - Василиса Егоровна. У Володи Шаховцова родные успели эвакуироваться на Волгу, в Саратовскую область. Другом летчику и штурману стал механик Микола Подзерей, украинец из деревни Кикова Новоград-Волынского района Житомирской области, высокий, стройный парень, аккуратист, делающий все основательно, надежно, с любовью. Ми-кола часто вспоминал родные вишневые места, своих учителей, друзей-одногодков. К нему в эскадрилье все относились уважительно и не обижались, когда Пегий кому-либо строго выговаривал за допущенный промах. Мосякин и Шаховцов именовали его не иначе, как "наш телохранитель", вкладывая в эти слова большой смысл: механик так старательно работал на земле, что летчик и штурман в воздухе могли быть уверенными - мотор и самолет не подведут.

Именные, то есть имеющие почетное наименование, самолеты в полку вручались самым лучшим экипажам. Этой чести Мосякин и Шаховцов были удостоены как неутомимые труженики, чернорабочие ночного неба, смелые и находчивые в воздухе, в бою с врагом, инициативные и трудолюбивые на земле. Мосякин и Шаховцов, а за ними и другие обычно брали в полет не только бомбовый комплект, который оружейники подвешивали под фюзеляж и нижние крылья самолета. Мосякин попросил своего механика, чтоб тот сшил объемистый мешочек из перкаля и пристроил его в кабине с правого борта - для мелких зажигательных бомб. Такую же "тару" Подзерей смастерил и в кабине штурмана. И для орловских ребят стали правилом не только бомбовые удары, но и "гранатометание". Обычно Трофим и Владимир снижались очень низко и, что называется, в упор забрасывали батареи противника своими зажигалками.

К середине октября 1942 года, по сути дела, за два месяца, экипаж "Пионера Татарии" совершил более ста вылетов в тыл врага. О своих успехах на фронте Мосякин решил рассказать молодым патриотам Татарии - написал письмо в Казань. В обкоме комсомола посчитали, что такое письмо должно стать достоянием всей молодежи республики. Оно было опубликовано в газете "Кзыл Татарстан" 28 октября 1942 года:

"Мне доверили самолет, подаренный вами фронту. Большое

спасибо вам! На нем я совершил 110 ночных боевых вылетов, сбросил на головы гитлеровцев 25000 килограммов бомб и более 100000 листовок". Свое письмо командир экипажа "Пионера Татарии" закончил обращением к детям республики: "Здесь, на фронте, мы воюем за ваше счастье, дорогие ребята. Учитесь, родные, на "отлично". Крепите узы интернациональной дружбы. Пишите нам письма, мы с радостью их читаем".

Много боевых вылетов ночью на самолете "Пионер Татарии" совершил отважный экипаж. И счастье, боевая удача неизменно сопутствовали Мосякину и Шаховцову. Но однажды...

Первая эскадрилья получила боевое задание нанести удар по скоплению живой силы и техники противника на железнодорожной станции Никитинка и в населенном пункте Васильевском. Мосякин и Шаховцов, выйдя на цель одними из первых, удачно отбомбились и начали охоту за артиллерийскими и минометными батареями, которые обстреливали нашу пехоту.

Гитлеровские зенитчики вели интенсивный заградительный огонь. Один снаряд попал в самолет. Многие экипажи первой эскадрильи видели, как Мосякин и Шаховцов боролись с огнем, держа курс на север, к линии фронта. Но помочь ничем не могли. На высоте около ста метров пылающий факел взорвался. Так погиб экипаж самолета "Пионер Татарии".

Один самолет с надписью на борту "Пионер Татарии" сгорел. Но вскоре комсомольцы Казани прислали в полк второй точно такой же самолет, с точно такой же дарственной надписью. Он был вручен комсомольцам Ивану Карпушкину и Михаилу Морозову - экипажу второй эскадрильи. Перед строем полка Карпушкин сказал:

- Будем бить фашистов беспощадно, так же, как их бил экипаж Мосякина!

И началась у "Пионера Татарии" вторая боевая жизнь. Короткая, но такая же яркая, как и первая.

Хорошо летали Иван .и Михаил. Они поднимались в воздух, одержимые особенной страстью - быть в самом пекле боя. Придут на цель - зенитки хлещут по ним, а они знай себе не спеша выбирают объект бомбежки, чтобы как можно больше фашистов поразить.

Другие после таких переделок, как правило, привозили много пробоин. А Карпушкин с Морозовым - только одиночные.

- Вы, наверно, какой-то секрет знаете? - спрашивали друзья.

- Да какой там секрет, просто меня бабка в детстве заговорила, отшучивался обычно Иван.

В одну из ночей экипаж самолета "Пионер Татарии" вместе с другими поднялся в звенящую от мороза ночь, чтобы разбомбить

немецкий бронепоезд на железнодорожном перегоне Оленине - Нелидово.

Погода внезапно стала портиться. Сплошная облачность, сильный ветер могли помешать выполнению задания. Но все экипажи пробились сквозь облака и нашли цель. Осталось преодолеть еще одну преграду - плотный зенитный огонь противника.

"Пионер Татарии" смело пошел на сближение с разрывами снарядов, маневрируя по высоте и по курсу. Так экипажу всегда удавалось незамеченным подойти к противнику и точно отбомбиться.

Но на этот раз не удалось.

Горящий самолет в пасмурной предрассветной мгле видели боевые друзья Ивана и Михаила - летчики второй эскадрильи, подходившие в это время к цели.

- Кто-то из наших, - сказал в переговорное устройство Сергей Кудрявцев, показывая своему командиру Михаилу Герди на шлейф дыма, прочертивший белесоватое небо.

Яркая вспышка взрыва.

- Прощайте, ребята, - проглотив комок в горле, выговорил Герди.

Штурман Сергей Кудрявцев сделал на полетной карте отметку близ деревни Подорваново.

Никто из нас тогда и предположить не мог, что Иван Карпушкип и Михаил Морозов не погибли при взрыве самолета, что они остались живы. Об этом станет известно только через 25 лет.

Летчик попытался сбить пламя скольжением. Убрал газ до малого и положил самолет на крыло. Но погасить огонь не удалось. И здесь Карпушкин увидел заснеженную поляну.

- Иду на посадку! - крикнул он штурману- - Как только самолет коснется снега - выпрыгивай из кабины! Я - за тобой!

Иван каким-то чудом посадил горящую машину на поляну близ проселочной дороги. Самолет еще подскакивал на пробеге, когда Морозов выпрыгнул из кабины на крыло и с него кубарем скатился в снег. То же самое сделал и Карпушкин. А в следующее мгновение самолет взорвался.

Взрыв самолета видели наши летчики. Прилетев на базу, они доложили, что были свидетелями героической гибели экипажа. На основании этих докладов заместитель командира полка по политчасти отправил донесение в политотдел 3-й воздушной армии.

Казалось бы, все в том документе было верно. Но... До гибели боевых друзей с момента взрыва самолета оставалось еще трое

суток.

Летчики в ту же ночь выбрались из леса и вышли к околице деревни Подорваново. Подошли к крайней избе, постучали в окно. На стук вышла хозяйка дома, женщина уже в годах, и ее 15-летняя дочка. Увидев на крыльце двоих парней в меховых комбинезонах и унтах, Анна Семеновна Никифорова растерялась. Только и спросила:

- Кто вы?

- Мы советские летчики, - ответил Карпушкин.

- Как вы здесь очутились?

- Вынужденная посадка.

- Миленькие вы мои, - зачастила Анна Семеновна, - вам надо отсюда уходить: у нас в деревне немцы.

- А где их тут нет?

- В соседней деревне, в Красном Лесу...

- Сколько дотуда?

- Километров пять-шесть.

- Все семь будут, - уточнила девушка. - Я могу показать дорогу.

Анна Семеновна ушла в дом и через пару минут вернулась:

- Вот, возьмите на дорогу, - протянула она летчикам краюху хлеба. - Как говорится, чем богаты...

- Спасибо, мамаша! - от души поблагодарил ее Карпушкин. - Мы вас никогда не забудем.

Катя, так звали дочку Анны Семеновны, накинув на плечи пальтишко, проводила летчиков до опушки леса:

- Вот по этой дорожке - прямо к Красному Лесу и выйдете.

В деревне Красный Лес Ивана и Михаила приютила семья бывшего председателя колхоза Тихона Петровича Самусева. Летчиков посадили за стол, накормили чем могли. Расспросили о жизни на Большой земле.

Карпушкин и Морозов подробно рассказали о наступлении Красной Армии, об окружении немцев под Сталинградом, о своем полете, о том, как очутились здесь.

Они пробыли в доме Самусева двое суток. Мела метель, и идти пока было нельзя. А когда буран немного улегся, ребята сказали:

- Пора в путь.

- Если надо, возражать не смею, - ответил Тихон Петрович. - Присядем на дорожку.

Михаил и Иван по-сыновьи обняли его:

- Спасибо, отец, спасибо за все...

- Ну что вы...

Тихон Петрович дал ребятам на дорогу кое-чего из съестного

и объяснил, как добраться до партизан.

- Оттуда вы скорее попадете на Большую землю, - сказал он летчикам. И предупредил: - Только, сынки, будьте осторожны. Не ровен час, на фрицев напоретесь. Да и из местных есть тут сволочи.

Знал старый колхозный активист, что на территории Шиздеровского сельсовета в ту пору действовал немецкий карательный отряд под командованием палача Баха. Его штаб находился в деревне Староселье.

Имел он сведения и о том, что фашисты завербовали в свой отряд всякого рода отребье из местных жителей. Были в том отряде и бывшие кулаки - отец и сын Колосовы. Те самые Колосовы, что выдали фашистам бесстрашную партизанку Лизу Чайкину.

На младшего из них - Николая - и нарвались Карпушкин с Морозовым. Когда они выходили из деревни, их окликнул незнакомый мужчина. Иван и Михаил оглянулись. На крыльце дома стоял человек в красноармейской форме без знаков различия. Они подошли к нему, поздоровались. А тот, узнав, что ребята советские летчики, вскинул автомат и почти в упор расстрелял их. Потом снял с убитых теплые меховые унты, комбинезоны и ушел с "добычей" в штаб карателей.

Несколько женщин и подростков тайно похоронили летчиков за околицей деревни, на берегу ручья

Через несколько дней в Красный Лес нагрянули фашисты. Немцы и их прислужник Колосов расстреляли Тихона Петровича Самусева и его сына за связь с партизанами. А деревню сожгли.

Через четверть века после этой кровавой трагедии советские чекисты, анализируя преступную деятельность фашистского палача Баха, а также "работу" его прислужников, размотали клубок злодеяний карателей и в том числе предателей Колосовых. Тогда же жители Оленинского района Калининской области узнали о двух летчиках Комсомольского полка.

12 июля 1967 года оленинцы перезахоронили останки советских воинов из безвестной могилки, что оставалась на окраине уже несуществующей деревни Красный Лес, в поселке Пенском.

Пройдут годы и годы. Но не зарастет тропа к памятнику героям. Их подвигу жить вечно.

В затишье

Обманчиво оно на фронте, это затишье. День-другой тихо, а на третий - жди бури.

...У нас после крупной наступательной операции, завершившейся освобождением городов Великие Луки и

Новосокольники, наступила передышка испортилась погода. Низкие облака. Снег вперемешку с моросящим дождем. Полетов в такую хмарь ожидать не приходилось. Но все мы понимали - затишье это временное.

Было получено сообщение, что немцы перебрасывают к линии фронта новые силы. Что за силы? Какова их численность? Какое имеет вооружение? Направление их движения? Разрешением этих вопросов и занималось командование фронтом. Надо было срочно разведать с воздуха район сосредоточения войск противника.

Погода не позволяла выполнить эту задачу на скоростных самолетах. Температура воздуха: ноль - минус два градуса. Следовательно, опасность обледенения. Но на У-2 попробовать все-таки было можно.

Это сложное боевое задание командование фронтом поручило нашей части. Комсомольцы никогда не подводили. А в полку выбор командира пал на старшину Даева.

Экипажам до этого еще не приходилось летать в глубокий тыл противника днем. Появиться над позициями немцев на У-2 в светлое время суток было равносильно самоубийству. Ведь по самолету будут стрелять из всех видов оружия. А "кукурузник" абсолютно ничем не защищен. И вполне понятно, что все мы очень переживали за своего товарища. Иван тоже волновался, хотя виду не подавал. Приказ есть приказ, его надо выполнять.

Только Даев в облаках перетянул через линию фронта, как самолет перестал слушаться рулей и перешел в беспорядочное падение.

Иван провел рукой по стойке центроплана - лед. Все ясно: обледенение. Делать нечего, надо садиться Но куда? Кругом немцы.

Гитлеровцы отлично видели неуклюжие маневры русского летчика. Но почему-то не стреляли. Видимо, решили взять экипаж живьем.

Самолет приземлился недалеко от вражеских позиций. Ваня Даев и его штурман Василий Рудяк вылезли из кабин и на виду у противника быстро сбили лед с крыльев и стабилизатора. Не успели фашисты прийти в себя, как "русс-фанер", уйдя у них буквально из-под носа, взмыл в небо и скрылся в облаках.

Смелому летчику пришлось еще раз сажать свой самолет на территории, занятой противником, чтобы освободиться ото льда. И все же он нашел колонну гитлеровцев, которая двигалась к линии фронта. Прилетел, подробно обо всем доложил. Не сообщил только о своих вынужденных посадках.

Командование фронтом немедленно приняло меры, чтобы

уничтожить свежие силы фашистов до ввода их в бой.

За этот подвиг комсомолец Иван Даев первым в нашем полку был награжден орденом Отечественной войны II степени.

* * *

А однажды, тоже в затишье, случилась вот какая история. Она мне памятна не только потому, что произошла с моим очень хорошим другом, механиком самолета Валентином Тупицыным. Дело в том, что после этого случая я был переведен из механиков в летчики.

...Начальник штаба 3-й воздушной армии генерал Дагаев уже побывал на КП, на стоянках самолетов, в столовой. Вернулся в штаб полка, чтобы дать последние указания капитану Чухно по ведению отчетности о боевой работе, рассказать о новинках, появившихся у противника, и наших технических новшествах, обратить внимание на подготовку и проведение разведывательных полетов. В это время в штабную избу буквально влетел заместитель командира полка капитан Кузовиткин. Не заметив находившегося там генерала, он подбежал к окну и крикнул:

- Тупицын в воздухе!

Фамилия летчика генералу ни о чем не говорила. Он знал наперечет всех асов фронта, но о Тупицыне не слыхал. Кто это еще такой? Вместе с другими командирами штаба Дагаев подошел к окну.

Кузовиткин, который, казалось, не терялся ни при каких обстоятельствах, на этот раз, увидев генерала, смутился.

- Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! - пробормотал он и выскользнул на улицу.

- Что случилось? - спросил генерал у начальника Штаба полка.

Капитан Чухно, конечно, отлично знал, кто такой Тупицын, и даже догадывался, почему именно сейчас тот оказался в воздухе. Но, чтобы как-то замять это ЧП, сказал, стараясь быть внешне спокойным:

- Сейчас выясню, - и тоже вышел на заснеженный двор.

Над деревней кружил самолет У-2, принадлежность которого мог бы в полку определить каждый. Все машины у нас были на лыжах, а эта, командирская, - еще на колесах. То есть нелетающая. Самолет командира обслуживал механик Валентин Тупицын. По "ногам" и узнали, кто находится в воздухе.

Командир полка, естественно, начал метать громы и молнии, когда ему доложили о случившемся. Вспыльчивый по складу характера, он не находил себе места в тесной землянке. Его, казалось, раздражал не столько сам факт самовольного взлета,

сколько то, что случилось это не ко времени, когда в полк прибыл высокий гость - начальник штаба воздушной армии.

В землянку вошли капитан Дозмаров и старший лейтенант Кричевский, вызванные Еренковым чуть ли не по тревоге.

- Прибыли по вашему приказанию, - доложил капитан.

- Видели? - комполка показал рукой на потолок, что должно было, видимо, означать небо и Тупицына. - Мальчишка!

Дозмаров и Кричевский понимали, конечно, состояние командира, но не могли уяснить, зачем они-то понадобились.

- Сейчас же вылетайте и посадите этого негодяя! По-са-ди-те!

Самолет виражил над деревней с какой-то особой лихостью и удалью. Или мне только так казалось? Ведь можно же было, наверное, почувствовать, что управляет самолетом новичок. Хотя летчик и старался не допускать нарушений наставления по производству полетов. Не снижался до недозволенной высоты, держался своей зоны и не рвал мотор на форсаже.

Механик самолета комэска-1 сержант Бояркин не удивился внезапному появлению командира эскадрильи на стоянке. Не только он - все на аэродроме уже знали или догадывались, куда полетят сейчас Дозмаров и Кричевский.

- Товарищ капитан, самолет к вылету готов, - доложил Бояркин.

Пара самолетов поднялась в воздух и, не строя традиционной "коробочки", направилась прямо в зону, где Тупицын продолжал демонстрировать свое искусство пилотажа.

Валентин заметил их еще на взлете. Но не догадался, что взлетают его преследователи. Когда же они подошли совсем близко, понял: "Все, отлетался". Попробовал было подняться выше и скрыться в облаках, но не успел. Дозмаров подошел к нему слева и жестами стал объяснять, что надо немедленно садиться. Кричевский прижал справа. Так и повели они Тупицына на аэродром.

* * *

Валька, Валька, Валентин Иванович, друг ты мой закадычный. Твой переход в летный состав мог, конечно, быть иным. Ты продолжал бы гонять на стоянке мотор командирского самолета и изводить начальство рапортами. Один отказ, второй, третий... А там, глядишь, и надоело бы отказывать. К. концу войны, возможно, ты стал бы летчиком. Но у тебя не такой характер.

Помню, как мы с тобой ехали из Москвы в ЗАП. У тебя уже тогда была заветная мечта: "Пока - механик, а буду обязательно летчиком!" - говорил ты мне. Я тоже мечтал о своем месте в летном строю. На том мы и сошлись, стали друзьями.

Посадка у Тупицына получилась не блестящей, но, в общем-

то, неплохой. Посадил самолету Т. Подошел к командиру полка и четко доложил:

- Товарищ майор, машина опробована на земле и в воздухе!

Майор Еренков не смог сдержаться и сорвался на крик:

- Пятнадцать суток ареста! За самовольничанье!

Вальку под конвоем отправили на гауптвахту, под которую ради такого случая отвели одну из землянок.

Генералу Дагаеву не довелось увидеть всех подробностей этого ЧП. Да вряд ли он к тому и стремился. Узнал только, что механик самовольно поднялся на самолете в воздух и что за дерзкий поступок командир полка посадил нарушителя под арест. Прилетел в расположение армии, доложил командующему о случившемся.

- Вот это новость! - возмутился Михаил Михайлович Громов. - Надо бы посмотреть на этого ухаря.

Дней через пять за Валькой прислали из штаба армии самолет. Привезли к командующему. Тупицын вошел в кабинет и, смело, без тени смущения глядя в глаза Михаилу Михайловичу, отчеканил:

- Сержант Тупицын по вашему вызову прибыл!

Генерал Громов, знаменитый Громов, не сразу нашелся что сказать. Видывал сорванцов, но такого, пожалуй, впервые.

- Ты что же, братец, воинскую дисциплину нарушаешь? - спросил он наконец.

- Я летать хочу, товарищ генерал. А мне не дают.

- Но ведь, чтобы поднять самолет в воздух, надо быть...

- А я летчик. Механиком стал случайно. Ведь я же... хотел доказать...

- В армии есть порядок, дисциплина, их никому нарушать не позволено. Разве ты не знаешь, как надо было поступить?

- Я писал несколько рапортов, чтобы меня перевели в летный состав.

- Кому?

- Командиру полка.

- По инстанции мог бы и ко мне обратиться.

- Не дошурупил, товарищ генерал.

- Так вот, чтобы у тебя все "шурупы" были завернуты до конца, подумай хорошенько о своем поведении. Время, кстати, у тебя на это есть. Сколько суток еще сидеть на "губе"?

- Десять, товарищ генерал.

- То-то, - как бы подытожил командующий и заключил: - Я не имею права отменять наказание, наложенное на тебя командиром полка. А отбудешь гауптвахту - приезжай сюда. Отправим тебя в УТАП, учебно-тренировочный полк. Будешь летать.

Вскоре о таком повороте событий знал уже весь летно-технический состав. По-разному говорили об этом. Иные считали, что Вальке просто повезло, что о его выходке узнал не кто иной, как сам Михаил Михайлович Громов. Другие пытались поскорее замять этот случай. Только я не находил себе покоя. Повторить такое, конечно, не удастся. А как быть? Ведь вместе с Валькой писали рапорты о переводе в летный состав, вместе с ним обдумывали всякие варианты. И даже тот, ставший чрезвычайным происшествием. В конце концов нас обоих должны были поставить туда, где мы могли принести больше пользы. Мне доверяли уже быть оперативным дежурным во время вылетов полка на боевые задания. Иногда даже разрешали перегнать чей-либо самолет с одного аэродрома на другой.

Накануне отправки Тупицына в УТАП я был за оперативного дежурного; в землянке, где я находился, часто появлялись и начальник штаба, и командир полка.

Хотел завести с ними разговор, да обстановка не позволяла.

Но вот закончились полеты. В землянке оперативного дежурного остались только капитан Чухно и майор Еренков.

- Ну вот, отправим завтра Тупицына, и гора с плеч, - с облегчением сказал командир полка и взглянул в мою сторону. - А ты? Тоже, наверно, думаешь...

- Что ж мне остается, - пробормотал я. - Не одному же Тупицыну...

Чухно засмеялся. Еренков посмотрел на начальника штаба, потом на меня и тоже улыбнулся. Затем решительно махнул рукой:

- Пиши рапорт!

Я тут же написал рапорт, последний рапорт о желании стать летчиком. Командир полка наложил резолюцию: "В приказ" - и передал бумагу начальнику штаба.

Меня зачислили в третье звено первой эскадрильи на место погибшего старшины Мосякина под начало младшего лейтенанта Ивановского.

* * *

Затишье в боевых действиях - пора общественной работы летчиков, штурманов, техников и младших специалистов. Тут во всю ширь развертывают дела партийная и комсомольская организации - проводятся собрания в эскадрильях, политические беседы в группах, занятия по совершенствованию теоретической подготовки, проверки накопленных знаний. И, конечно же, находится время для развлечений.

Какой-то мудрец изрек: "Когда говорят пушки - музы умолкают". Неправда! Что бы ни говорили люди о тяжелых годах

войны - слов нет, Великая Отечественная принесла неимоверные страдания нашему народу, - но те испытания показались бы нам еще более тяжкими, если бы мы не пели песен, не слушали музыку. Испокон веков известно: как бы ни устал солдат на ученье или в бою, а запоет запевала песню да как подхватят ее дружно боевые его друзья - усталости будто и не бывало.

С самых первых шагов полка у нас сложился крепкий коллектив художественной самодеятельности. Как выяснилось, талантов в части - хоть отбавляй.

У механика по вооружению из второй эскадрильи старшего сержанта Васильева - приятный звонкий голос. И, главное, владел он им просто замечательно. А другой оружейник (из той же второй эскадрильи) сержант Юрий Каневский прирожденный юморист. Он стал у нас ведущим концертов - конферансье.

Особо хочется сказать о штурмане младшем лейтенанте Алеше Склеменове, парне из песенной Саратовской области. Он обладал исключительным музыкальным слухом. Стоило ему, например, только раз услышать в кино или по радио новую песенку, как он тут же мог напеть ее мелодию. Леша Склеменов стал руководителем полкового джаз-оркестра.

Коллектив художественной самодеятельности полка насчитывал в своих рядах около двадцати человек. А душой его был, конечно же, батальонный комиссар А. Д. Шрамко, сам отлично игравший на баяне.

По "заявке" нашего музыкального руководителя Алексея Склеменова я написал стихи на мотив пользовавшейся в свое время большой популярностью песенки Эдди Рознера "Наш джаз". Так же назвали мы и свою песню. Она долго оставалась в репертуаре оркестра. Сейчас не помню уж точно всех ее слов. Главное достоинство песни заключалось, по-моему, в том, что в ней перечислялись поименно почти все участники джаза. И когда Саша Васильев пел, например, "Наш Толя на баяне сильней меха растянет", весь коллектив лишь создавал музыкальный фон, а Толя Тумаков солировал. И так о каждом участнике. Песня создавала определенное настроение:

Мы и бомбою,
Мы и пулею,
Мы и песней фашистов бьем...

И действительно, песня была тоже нашим оружием,- помогавшим бить гитлеровцев.

* * *

Затишье... Редко оно на фронте. Да и тогда, когда полетов у нас не предвиделось, все летчики, штурманы и, конечно же, техники и механики спецслужб дежурили на аэродроме: вдруг

все-таки поступит боевой приказ.

В одну из февральских ночей 1943 года, когда о полетах и предполагать никто не мог - очень уж плоха была погода, - на командный пункт полка вызвали летчика Сергея Ергова и штурмана Георгия Маслова. Экипажу предстояло выполнить особо важное задание в районе городов Холм и Старая Руса, где до этого никто из полка не летал.

Вылетели в штаб воздушной армии. Там экипаж встретил штурман полка и разъяснил задачу:

- Придется вам, ребята, поработать в интересах знаменитой Панфиловской дивизии.

Экипажу предстояло прежде всего отыскать - при такой-то погоде! небольшую деревеньку близ линии фронта, где размещался штаб одного из полков панфиловцев. Капитан Антонов развернул карту, показал, какую именно деревню надо найти. Она была расположена севернее города Холм рядом с характерным изгибом речки Ловать, справа по руслу.

- Если погода не позволит пробиться к штабу полка - возвращайтесь на аэродром воздушной армии. Здесь всю ночь будет работать маяк, - сказал в заключение штурман полка.

Ершов и Маслов поднялись в воздух. Примерно через полчаса подлетели к линии фронта.

- Сергей, скоро должна быть речка Ловать, - предупредил Маслов Ершова.

- Вот она, излучина, - показал летчик рукой вниз. - Вижу!

- Точно, она, другой такой нет, - согласился штурман. - А вот деревни что-то незаметно.

Сделали над изгибом реки "коробочку". От опушки леса взвились две ракеты условный сигнал. Пошли на посадку. Самолет два раза коснулся лыжами снега, как бы ощупывая землю, и в конце пробега во что-то уперся. Маслов выскочил из кабины - У-2 правой плоскостью навалился на вешки полевой связи.

К самолету подбежали люди.

- Молодцы, что в такую погоду прорвались к нам!

- А где деревня?

- Деревни нет, сгорела.

В землянке штаба полка летчикам объяснили их задачу. Они должны были лететь за линию фронта, примерно на 30 километров, к разведчикам-панфиловцам. Разведчики прошли в тыл севернее Холма, взяли "языка". Но двое из них при этом были ранены, причем один тяжело. Сейчас у разведчиков нет ни боеприпасов, ни продуктов. Им нужна срочная помощь. Надо разыскать их, сбросить боеприпасы и продовольствие, а если

возможно, то сесть рядом и забрать с собой тяжелораненого.

Через несколько минут к самолету подъехала подвода. На санях лежали мешки с продуктами и ящики с патронами.

Разведчиков летчики нашли довольно быстро. Они, когда заслышали рокот мотора, разожгли три костра - условный сигнал. Ершов удачно посадил самолет на ровной поляне. Ящики и мешки передали из рук в руки. В кабину к штурману посадили раненого. И летчик повел самолет на взлет.

В ту же ночь разведчики двинулись на юго-восток.

А летчикам-комсомольцам предстояло еще три ночи сбрасывать панфиловцам мешки с продуктами и ящики с боеприпасами. В третью ночь, когда экипаж уже подходил к линии фронта, началась сильная метель Разведчиков найти не удалось.

Утром Ершов и Маслов вылетели в штаб воздушной армии. Там их ждало доброе известие: все разведчики благополучно перешли линию фронта и привели "языка".

Тот день для Ершова и Маслова стал радостным вдвойне: было 23 февраля 1943 года. Так они встретили 25-ю годовщину Красной Армии.

Особое задание

В один из партизанских отрядов, действовавших в тылу врага на нашем фронте, доставили двоих неизвестных. Кто такие? Первый из них - детина, косая сажень в плечах, с крупными чертами лица, светловолосый, в собачьих унтах "сорок последнего" размера, назвался летчиком Чернобуровым. Второй, среднего роста лейтенант, смуглый, с черной морской фуражкой в руках, представился штурманом Глинкиным.

- Мы, - с расстановкой начал первый, - из авиаполка легких ночных бомбардировщиков...

- Из Комсомольского... - подтвердил штурман. - Летали бомбить немцев на железной дороге. Да вот подбили наш "аэроплан", пришлось сделать вынужденную посадку.

- Машину успели поджечь, - вставил летчик.

- Не оставлять же ее фрицам, - перебил штурман. - Подожгли и скрылись в лесу.

- Это хорошо, что вы к нам попали, - сказал командир отряда и переглянулся с комиссаром. - Гостям с Большой земли мы всегда рады. Присаживайтесь, пожалуйста.

- Только уж не обессудьте, - заметил комиссар. - В отряде мы все ходим без оружия. Так что вам придется сдать пистолеты.

Командир и комиссар явно хитрили. Им надо было до конца выяснить, кто же такие эти гости.

Летчики отстегнули с поясов ножны с финками. Положили на

стол кобуры с ТТ.

Беседа длилась долго. К месту посадки самолета были посланы двое бойцов. Вскоре те вернулись и доложили, что видели останки сгоревшего самолета, но установить его принадлежность не сумели.

Перед выходом на операцию командир партизанского отряда собрал совещание.

- Что будем делать с летчиками?

- Они же говорили, что из Комсомольского полка! Значит, должны знать Давида и Алексея... - высказался один из бойцов.

Позвали летчиков и задали вопрос, который только что подсказал партизан.

- Давида Кричевского? - переспросил Борис Глинкин. - Лешу Томилова? Конечно, знаем. Да я вам могу назвать еще и Алексея Дорошенко, Алексея Федорова, Александра Анисимова... Неделю назад они летали в какой-то партизанский отряд, возили партизанам патроны и сухари.

Все облегченно вздохнули. На лице командира партизанского отряда летчики впервые заметили улыбку.

- Крепко нас выручили ваши ребята, - сказал он. - Мы и есть тот самый отряд.

Через некоторое время Александр Чернобуров и Борис Глинкин были переброшены в родной полк, на Большую землю.

Связь с партизанами на Калининском фронте наш полк по приказу командования фронтом и штаба партизанского движения поддерживал постоянную и бесперебойную.

"Партизанскую квалификацию" в полку получила третья эскадрилья, которой после гибели Г. С. Катилевского стал командовать Алексей Дорошенко. В задачу эскадрильи входило доставлять народным мстителям боеприпасы, легкое оружие, медикаменты, продовольствие, почту... Да мало ли в чем нуждались отряды лесной армии!

Обо всех важнейших переменах на своих участках фронта, не имеющего ни флангов, ни тыла, партизаны докладывали в Центральный штаб партизанского движения. А чтобы связь была устойчивой, руководителям партизанских отрядов требовались приемники, передатчики и электропитание. Доставлять все это в партизанские отряды обязаны были летчики нашей третьей эскадрильи.

Большой отряд белорусских партизан, длительное время державший под своим контролем значительный район между Витебском и Велижем, в конце ноября начале декабря 1942 года потеснили карательные части оккупантов. Народные мстители оказались отрезанными от продовольственных баз и лишились

складов боепитания.

"СРОЧНО ДОСТАВИТЬ В РАЙОН ДИСЛОКАЦИИ ОТРЯДА ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ", - потребовал Центральный штаб партизанского движения.

В первый полет на выполнение этого задания пошли четыре экипажа под командованием заместителя командира эскадрильи старшего лейтенанта Давида Кричевского.

Надо было решить, откуда летать к партизанам. Выбрали аэродром взлета поближе к линии фронта - в местечке Бухарь. А чтобы окончательно обезопасить возвращение на базу, каждый экипаж взял с собой по дополнительному бачку с бензином. (Несколько позже, по просьбе летчиков-ночников, летавших по таким вот дальним маршрутам, творцы небесного тихохода внесли изменение в конструкцию самолета - поставили в верхнем крыле, в центроплане, дополнительный бензобак.)

Еще днем летчики и штурманы тщательно изучили маршрут по карте. Запомнили условные световые сигналы, которыми ночью партизаны обозначают посадочную площадку.

Полтора часа полета прошли незаметно. Штурман командира группы Алексей Томилов, летавший прежде с Сашей Анисимовым, провел самолет к месту назначения без малейших отклонений.

Показался треугольник костров - условный сигнал. Кричевский делает "коробочку" над огнями, чтобы еще раз убедиться в правильности сигналов. Все правильно - можно идти на посадку.

Только посадил самолет - к дужке левой плоскости уже подскочил человек в валенках, дубленом полушубке и шапке-ушанке. Со знанием дела - были в отряде, видимо, и авиаспециалисты - показал, куда надо рулить. В условленном месте остановил машину, скрестив руки над головой.

На крылья, справа и слева, поднялись партизаны:

- Побыстрее, братва, побыстрее!

- Чего "побыстрее"? - спросил Томилов.

- Тут байки баять времени нет, - отозвался здоровенный бородач. - Где патроны?

- Да вот, под ногами у вас. Отвязывайте ящики.

Ящики, которые старательно привязывали к плоскостям оружейники и механики самолета, тут же отвязали и скинули в снег. Их подхватили другие партизаны и уволокли в темноту.

Томилов тем временем опоражнивал гаргрот, отсек сзади второй кабины, куда были погружены медикаменты.

Вслед за Кричевским посадили свои самолеты на партизанский аэродром Саша Анисимов, Павел Титаренко,

Алексей Федоров...

- Не задерживайте летчиков! - торопил своих бородач.

Ночную тишину разорвал винтовочный выстрел. За ним второй, третий...

- Это наши фрицев бьют, - доверительно сообщил молодой партизан, бережно принимая у Томилова питание для рации.

В редкий перестук винтовочных выстрелов вклинилась частая дробь автоматов.

- А цэ каратели отбрехиваются.

Стало понятно, почему партизаны так спешили с разгрузкой самолетов. Как потом узнали наши ребята, командир отряда отдал приказ заслону - любой ценой продержаться до рассвета. А там, если помощь не придет, отступить. Патроны, привезенные летчиками группы Кричевского, пришлись отряду как нельзя кстати.

* * *

Летчики, находясь ближе всех к "ангелам" и не веря ни в бога, ни в черта, бывали порой до фанатизма преданы самым неожиданным приметам. Правда, некоторые из них можно было и понять, и объяснить. Например, никто до вылета не читал писем. Всякие они могли быть. Вдруг известие неприятное. Будешь потом весь полет думать об этом. И, как знать, выполнишь ли успешно боевое задание?

А иногда с "приметами" и "талисманами" дело доходило до курьезов. Я знал одного летчика-штурмовика, который взял себе за правило перед вылетом обязательно посмотреться в круглое зеркало, снятое им в училище с У-2. Посмотрится, причешется, потом просит разрешения на вылет. Сделал более ста пятидесяти боевых вылетов на своем "горбатом". И ни разу не был сбит. Говорил, что талисман помог. Уже стал Героем Советского Союза, водил эскадрилью Илов, а свой талисман берег пуще глаза.

У Алексея Томилова приметой было носить меховой жилет вверх мехом.

Однажды группа Кричевского вылетела в партизанский район, который засекли гитлеровцы. В лагерь партизан ребята привезли патроны и взрывчатку, а обратным рейсом должны были вывезти деньги, собранные среди населения в фонд обороны, и раненых. Когда самолет Кричевского приземлился, над площадкой появился немецкий бомбардировщик "Юнкерс-88". С первого захода вражеский самолет сбросил на лагерь зажигательные бомбы, а затем, заметив на снегу самолет, стал обстреливать его из пулеметов.

У-2 стоял под разгрузкой с работающим мотором. Пока фашистский стервятник разворачивался на очередной заход,

партизаны подбегали к нашему "грузовику" и, стараясь взять с собой как можно больше груза, относили его в укрытие. А когда воздушный пират начинал поливать лагерь свинцом, прятались в щели. Между пятым и шестым заходом "юнкерса", когда самолет был уже разгружен, Кричевский с Томиловым подбежали к машине, быстро забрались в кабины, летчик дал полные обороты мотору, и У-2 взмыл в небо. Ночная темнота, казалось, поглотила маленький самолетик. Но в воздухе, находясь выше, фашист над заснеженной поляной обнаружил все-таки беззащитный самолет. И атаковал его. Томилову повезло: разбило ракетницу, что была под ремнем комбинезона, пробило в трех местах жилет, надетый впопыхах вверх мехом. Но сам штурман не получил даже царапины. Уже дома, на аэродроме, товарищи Томилова не преминули удивиться "модной" одежде Алексея:

- Медведь, как есть медведь. Это зачем такая маскировка?

Тогда у Томилова и сорвалось с губ сакраментальное:

- Если хочешь быть живым...

Так и летал всю зиму. Мол, примета хорошая. И казалось ему, что она ему помогала. На деле же все обстояло значительно проще: люди отлично готовились к боевой работе и отлично ее выполняли.

Бывали в ратной жизни ребят, работавших с партизанами, и не такие случаи.

Однажды противник каким-то путем выведал сигналы, которыми пользовались партизаны при приеме наших самолетов. Летчики третьей эскадрильи одиночно, с интервалом в восемь-десять минут, взлетали с аэродрома "подскока" и брали курс на партизанскую базу, не подозревая, что у костров, выложенных в форме треугольника с острым углом на юг, их ждут не друзья, а враги.

Первым, как всегда, в район цели вышел экипаж Кричевского и Томилова. На опушке леса - треугольник из костров. В воздух взлетели одна за другой две белые ракеты. "Все в порядке, можно идти на посадку", - подумал летчик и прибрал газ, переводя машину в режим планирования.

- Дима (так все звали Давида), ты что собираешься делать? - спросил в переговорный аппарат Томилов.

- Как что? Садиться, - ответил Кричевский. - Зачем напрасно бензин жечь?

- Погоди, командир, не торопись, - предостерег его штурман. - Мне что-то эта зала не нравится.

- Подозреваешь что-нибудь?

- В прошлый раз мы чуть дальше садились.

- Да тут все полянки одинаковые, все лесом окружены.

- Э, нет... На нашей была тропинка. А здесь не видно.

Экипаж сделал одну "коробочку" над посадочной площадкой, вторую...

- Знаешь что, Алеша, - предложил Кричевский. - Я сейчас сымитирую посадку. Перед самым приземлением дам газ и уйду на второй круг. А ты внимательно наблюдай за землей.

Самолет на малых оборотах мотора опустился до высоты выравнивания. И тут же на полном газу пошел вверх.

- Что там?

- На посадочной никого не видно, - ответил Томилов. - Подозрительно.

- Сделаем еще такой же заход?

- Поехали.

И при втором заходе на посадку аэродром не "раскрылся". Ну, хоть кто-нибудь бы выбежал да помахал рукой...

Зашли третий раз. У карателей нервы не выдержали. Они открыли огонь по нашему самолету.

- Вот и закрутилась сцена! - выдохнул Томилов. - Ныряй к лесу, а то зацепят!

Когда самолет вышел из зоны обстрела, Кричевский с облегчением вздохнул:

- Все ясно. Поворачиваем домой. Надо предупредить ребят, чтобы не попались в ловушку.

Самолет лег на обратный курс, давая красные ракеты через каждую минуту.

Летчики группы поняли: у партизан что-то неблагополучно. И, не сговариваясь, все повернули назад.

В другой раз пилоты-комсомольцы посадили самолеты в тылу противника без условных сигналов с земли.

Как всегда, над площадкой первым появился самолет Кричевского.

- Сигналов не вижу, - доложил штурман. - Не случилось ли чего?

- Смотри внимательнее, - посоветовал летчик.

- А ты растяни немного "коробочку".

Прошлись на высоте 200-300 метров над "пятачком" базы. На южной окраине лагеря увидели перехлестывающиеся трассы оружейного и пулеметного огня.

- Партизаны отбиваются, - заключил Кричевский.

- Надо бы помочь. Может, боеприпасов не хватает.

Кричевский смело повел самолет на посадку. Тем более что площадка ему была хорошо знакома

За ними приземлились Саша Анисимов и Алексей Федоров.

Федоров сразу же подошел к Кричевскому:

- Товарищ, старший лейтенант, надо бы помочь партизанам.

- Что ты предлагаешь?

- Разреши, мы с Угроватовым попугаем фрицев из пулемета, с воздуха.

- Дело говоришь, Алексей, - согласился Кричевский, но предупредил: Учтите, что рядом свои. Тут нужна ювелирная точность.

- Об этом не беспокойся.

Федоров с Угроватовым быстро разгрузили свой самолет и поднялись в воздух. С высоты 300-400 метров по пулеметным трассам и разрывам мин они ясно различали, где проходит линия боя.

- Алеша, чуть-чуть накрени самолет влево, - попросил Федорова Угроватов. Начинаю обстрел.

Получив двойную поддержку - боеприпасами и огнем с воздуха, партизаны нащупали слабые места в цепи карателей, пошли в наступление и смяли фашистов.

Случалось, комсомольские экипажи вынужденно, из-за сложных метеоусловий, довольно продолжительное время - двое-трое суток - оставались в тылу немцев. И тогда, чтобы не сидеть без дела, наши ребята отправлялись вместе с партизанами на диверсионные вылазки, а иногда и выполняли просьбы партизанского командования; выступали как представители Большой земли в роли агитаторов среди местного населения.

Дружный коллектив третьей эскадрильи совершил на базы партизан около двухсот боевых вылетов. За успешное выполнение заданий командования фронтом и штаба партизанского движения все экипажи третьей эскадрильи были награждены боевыми орденами и медалями "Партизану Отечественной войны" 1-й степени. А командир группы Давид Кричевский был удостоен еще и памятного оружия. Народные мстители вручили ему пистолет с дарственной надписью: "Летчику Кричевскому от партизан Белоруссии".

* * *

Приказом командующего 3-й воздушной армией наш полк с 15 апреля 1943 года был переведен в Резерв Главного командования, под Москву, в состав 312-й ночной легкобомбардировочной авиадивизии.

Подводя итоги боевой работы комсомольской части за период ее пребывания на Калининском фронте, командующий армией генерал-полковник М М. Громов высоко оценил вклад летчиков-комсомольцев в общее дело:

"Весь личный состав полка, - говорилось в приказе, - выполнял боевые задания с присущей комсомольцам нашей

Родины мужеством и отвагой, не щадя сил и жизни. Коммунисты и комсомольцы научились работать в самых сложных условиях. Полк способен выполнять любые боевые задания". Всему личному составу части командующий объявил благодарность.

Боевое братство

В августе 1943 года наш Степной фронт, находившийся в начале битвы на Курской дуге в Резерве Главного командования, был введен в действие на своем направлении. Позднее это направление нам станет известно в подробностях: Харьков - Полтава - Кременчуг - Кировоград... А тогда нашей главной задачей было помочь пехотинцам, артиллеристам, танкистам овладеть ключом от всей Левобережной Украины - городом Харьковом.

Эти ночи мне особенно памятны. 19 августа состоялось мое "боевое крещение".

На первое боевое задание я полетел со штурманом звена Иваном Дубовиченко, ставшим уже лейтенантом. Задача - бомбить скопления живой силы и техники противника в Мерефе.

Взлет, набор высоты - все вроде в порядке.

- Нормально, - подтверждает и Дубовиченко в переговорное устройство.

Разворачиваю самолет, курс - на цель. Учел поправку на ветер, снос и даже девиацию компаса. Об этом подумал еще на земле.

- Нормально, - снова слышу голос Ивана.

Приближаемся к линии фронта. Впервые наблюдаю ее с высоты птичьего полета. Пожары. Горят прифронтовые деревни и села... Светящиеся трассы пулеметных очередей прорезают воздушное пространство ниже нас. То тут, то там вспыхивают осветительные ракеты... Вспоминаю: белые ракеты в сторону противника - "Мы свои войска". Ожидал, что по нашему самолету на передовой немцы откроют сильный огонь, но заметил лишь редкие желтые строчки, проходившие далеко в стороне. Стреляли, но не по нас. Скорее всего на земле шел жаркий бой, и в его грохоте не было слышно тарахтенья нашего "кукурузника".

Прямо по курсу показался темный массив, в котором то и дело прорезывались вспышки света. Стал заглядывать за борта - влево, вправо. Дубовиченко понял, наверное, что я волнуюсь, - конечно же, волнуюсь! - и спокойно сообщил:

- Подлетаем к Мерефе

В стороне, чуть слева, прочертили чернильную темноту ночного неба пять желтых пунктиров. За ними еще такая же строчка. Это била немецкая автоматическая зенитная пушка "эрликон". Хотя огненные трассы прошли метрах в пятидесяти, я

чуть было не рванул рули вправо. Инстинкт самосохранения: показалось, что снаряды вот-вот заденут консоль крыла.

- Это далеко, - как-то по-домашнему сказал мне Иван и добавил: - За "молоком"...

Вдруг справа вспыхнул луч зенитного прожектора. Пошарив по темному небу, он скользнул по правому крылу самолета. Я успел нырнуть влево-вниз, как учили. Когда выровнял машину, сказал штурману:

- Гляди-ка, шутит фриц, - и, вспомнив недавние тренировки, добавил: - Как в Киржаче.

- Он тебе такой Киржач покажет... - Дубовиченко не закончил фразы. Смотри, справа по борту автоколонна.

Я повернул голову и увидел на земле движущиеся световые точки. "Вот они как выглядят с высоты, автомашины!"

- Доверии чуть вправо! - командует штурман. - Еще чуть-чуть... Так держать! Сейчас будем бомбить.

Все мое внимание сосредоточилось на выдерживании боевого курса. Стреляют зенитки - конечно, страшно. Но разве покажешь свой страх, когда за твоей спиной сидит такой же, как ты, человек и ему такая стрельба - семечки. На то она и война.

Почувствовал, как отделились бомбы от самолета - облегченную машину немного приподняло рывком. А вот и бомбы рванули - взрывной волной нас подкинуло еще выше...

Пришли домой - я словно заново родился. Почувствовал себя необычайно сильным. Меня просто распирало от радости.

Затем были полеты куда сложнее. Я уже не шарахался от далеких разрывов снарядов. Ползет этакая красная строчка к мотору - даешь рулей чуть вправо или влево, и уходит она под хвост, в сторону. Были и очень интенсивные обстрелы зениток. Случалось, брали мой самолет в слепящее перекрестье вражеские прожектора... Так это же со всеми бывало. И довольно часто.

Лечу на боевое задание с новым штурманом - Иваном Чернышевым, моим земляком, горьковчанином. Оба молчим. Я поставил самолет на курс к цели, на капоте показалась яркая звезда. Моя звезда. Стараюсь держаться за нее. Картушка компаса не шелохнется.

- Иван, погляди, какие звезды сегодня. Смотри, как они мерцают! Помнишь, у Лермонтова...

- Ты на звезды-то поменьше засматривайся, - одернул меня Чернышев. - На задание летим, а не на танцы.

Замолкаем до самой цели.

Выходим на станцию Новая Водолага. Сбрасываем САБ.

- Бомбим с крутого планирования! - дает указание штурман. - Боевой курс...

Цель просматривается очень хорошо. Ввожу самолет в крутое планирование. Скорость нарастает. Земля все ближе. Но вот машину слегка тряхнуло - бомбы отделились.

- Выводи! - кричит Чернышев.

Бомбы легли точно в цель. На путях начался пожар. В это время на восточной окраине железнодорожной станции вспыхнул прожектор. Он пошарил по ночному небу и выхватил из темноты наш самолет. Пикирую под луч. Но тут заработали еще два прожектора...

Как знать, чем бы все это для нас кончилось, только неожиданно все три луча сразу погасли.

Мы, как полагается, засекли время бомбежки и повернули на свой аэродром. Прилетаем, подробно обо всем докладываем.

- Вас, должно быть, дальние бомбардировщики выручили. Они в это время пролетали над нашей целью, - высказал предположение начальник штаба.

А часом позже мы узнали, что из огня нам выйти помогли наши боевые друзья - командир первой эскадрильи Сергей Дозмаров и его штурман Василий Доманов. Они на бреющем расстреляли прожектора. Так мы с Чернышевым в первый раз познали, что такое боевое братство...

Как всегда, когда нам предстояло выполнять наиболее сложный боевой приказ, полк выстраивался у командного пункта, а из штаба знаменосцы выносили Красное знамя.

- По-олк, слушай приказ! - привычное "вступительное слово" начальника штаба. - Командир дивизии приказал: "С 20.00 7 сентября до 4.00 8 сентября бомбардировочными действиями одиночных самолетов с интервалом в 10-15 минут уничтожать авиацию противника на аэродроме Карловка. Напряжение - 30 самолето-вылетов".

Весь день 7 сентября летчики и штурманы - участники налета на вражеский аэродром, тщательно изучали район полетов в полосе: справа - Харьков, Полтава, Кременчуг, слева - Балаклея, Павлоград, Днепропетровск. Особое внимание при этом обращали на характерные ориентиры района цели в радиусе 50 километров.

Штурман полка майор Иванов, до войны преподававший навигацию в Роганьской военной школе, определил по фотоснимкам и картам-километровкам направление захода на цель и дал точку прицеливания каждому экипажу в отдельности. Он втолковывал нам азы навигации, словно курсантам в школе. И казалось, с губ у него вот-вот сорвется: "Каждого лично проверю" Мы знали из плановой таблицы, что наш флаг-штурман тоже полетит на выполнение этого боевого задания. Летчиком экипажа был назначен комиссар полка майор А. Д. Шрамко.

Для целеуказания и надежности в ориентировке во время полета службой ВНОС{3} были выставлены светомаяки. Один западнее Харькова, второй - в километре западнее Сороковки.

Перед самым вылетом наш комэск майор Дозмаров собрал экипажи у своего самолета, чтобы еще раз уточнить план налета на аэродром.

- Нашей эскадрилье первой в полку выпала честь открыть счет уничтоженных самолетов противника! - сказал комэск с какой-то торжественностью в голосе. Подчеркиваю: открыть счет уничтоженным самолетам врага. Не посрамим же этой чести!

Он рассказал о своем плане бомбежки вражеского аэродрома:

- Мы со старшим лейтенантом Домановым выйдем на цель первыми и постараемся отвлечь на себя все зенитные средства. Через пять минут после нас вылетят Ивановский с Дубовиченко, далее с интервалом в десять минут - Ершов с Коновницыным, Щукин с Чернышевым, Даев со Склеменовым...

Договоримся об одном, - продолжал Дозмаров. - Когда нас с Домановым схватят прожектора, а они обязательно схватят, то идущие за нами Ивановский и Дубовиченко постараются их погасить. Мы сбрасываем две или три САБ при первом заходе на цель. А Ершов с Коновницыным поджигают "каэсами" самолеты на стоянках. На эти ориентиры выходят все экипажи полка.

- По самолетам! - раздалась команда.

- По самолетам! - как эхо, повторил нам комэск.

Загудели моторы, и У-2 один за другим ушли в ночное небо.

Зенитчики противника словно специально ждали визита "русс-фанер". Прожектора сразу же поймали самолет Дозмарова. Но экипаж был начеку. Доманов тут же сбросил одну за другой две светящиеся авиабомбы, нейтрализуя действия прожекторов, а Дозмаров ловким маневром вывел самолет из слепящего перекрестья. В это время Ивановский и Дубовиченко устремились в пикирование на световые точки. Серия осколочных бомб - и прожекторы погасли.

Но в другом месте они вспыхнули вновь. Самолет Дозмарова снова попал в их цепкие щупальца: он ныряет под лучи, виражит, снова ныряет, стремясь увести прожектористов за собой, подальше от аэродрома.

А в это время остальные экипажи эскадрильи делали свое дело. Возник пожар на стоянках самолетов, вверх взметнулся столб огня... Все смешалось в воздухе: треск пулеметов и грохот пушек, свист бомб и вой моторов.

Осколком снаряда ранило Василия Доманова. Но он молчит. Только когда самолет оказался уже в относительной безопасности, Доманов проговорил в переговорное устройство:

- Командир, кажется, меня немного зацепило. Дозмаров привел самолет на аэродром и посадил так, словно он вез хрусталь. Доманов вылез из кабины, лицо в крови. Тем не менее Василий нашел в себе силы пошутить:

- Вот, черт побери, как теперь на свидание пойдешь?

Пока первая эскадрилья на своей базе пополняла боезапас и заправлялась горючим, вторая и третья были уже над целью. Боевая работа продолжалась.

* * *

В конце сентября 1943 года полку пришлось буквально догонять быстро удаляющийся фронт. За декаду мы сменили один за другим три пункта базирования. В Хорошеве, пригороде Харькова, находились лишь двое суток. Не успели даже как следует приглядеться к поселку, в котором, по рассказам местных жителей, когда-то размещалась знаменитая коммуна имени Ф. Э. Дзержинского. На день больше задержались в Еленовке, близ Красноград. А в Паучках под Полтавой и суток не простояли; днем 29 сентября приземлились на местном аэродроме, а к вечеру уже перелетели в Павловку, что около города Кобеляки. Отсюда до Днепра - всего несколько минут лета.

В те сентябрьские дни Степной фронт, переименованный во 2-й Украинский, стремительно вышел на Днепр, а передовые его части с ходу переправились на правый берег, зацепившись за несколько небольших участков земли.

В октябре и ноябре наш полк вместе с другими частями 312-й авиадивизии выполнял боевые задания в интересах наземных войск по расширению плацдарма на правом берегу Днепра. Направления: Кировоград, Кривой Рог, Черкассы.

Майор Чухно зачитывает летному составу боевое задание на ночь. Полку предстоит отдельными экипажами вести разведку войск противника за Днепром. Другой группе самолетов - "дежурить" над наведенной переправой. Задача подавлять артиллерийские и минометные батареи гитлеровцев, обеспечив тем самым нашим войскам переход через Днепр на "пятачок".

Павел Ивановский с Иваном Дубовиченко сейчас над селом Домоткань. За ними взлетаю и я с Михаилом Киреевым. Не доходя до Днепра, видим близ переправы разрывы бомб. С левого берега ночное небо разрывают огненные трассы. Это по самолетам противника бьют наши зенитные пулеметы.

- Так недолго и своими подбитым оказаться! - возмущается Киреев.

- Ничего, Миша, - успокаиваю его, - своя пуля не тронет.

И верно: идем буквально сквозь рой светящихся пуль, и ни одна нас пока не зацепила.

- Ты бы повнимательнее глядел за правым берегом, - напоминаю штурману нашу главную задачу.

- Смотрю, смотрю, - бросает он в ответ.

Через некоторое время штурман докладывает, что обнаружил артиллерийскую батарею противника:

- Вон, посмотри, справа по борту - огненные вспышки. Бьют по нашей переправе.

Михаил командует, куда довернуть, чтобы точнее отбомбиться по артиллерийским позициям врага.

А на земле уже видны разрывы бомб. Это, вероятнее всего, атакуют вражеские позиции Ивановский и Дубовиченко. Туда же направляем смертоносный груз и мы. Нас сменяют другие экипажи. И так работаем всю ночь, до утренней зари.

А однажды, в одну из таких вот ночей, старший лейтенант Ершов и лейтенант Токарь без штурманов подняли свои самолеты в небо. Они повезли за линию фронта, на Правобережье, девушек-разведчиц. Где-то в районе Александрии девчата расстались с нашими летчиками, покинув самолеты с парашютами. Это была своеобразная "заявка" на дальнейшее наступление войск фронта на Правобережье. Позднее мы узнали, что разведчицы получили задание внедриться в обслуживающий персонал немецких авиационных гарнизонов, чтобы иметь возможность сообщать оттуда командованию фронтом о местах дислокации частей и намерениях летчиков люфтваффе.

* * *

Рядом с переправой у села Домоткань появилась переправа у села Мишурин Рог. Там, где был батальон, появился полк. За полком - дивизия. И вот уже пояса "Восточного вала" прорваны танкистами генерала Ротмистрова. Танки с пехотными десантами на броне неудержимой лавиной двинулись в степи Правобережной Украины... И вдруг...

- На плацдарме за Днепром у танкистов 5-й ударной армии на исходе горючее, - сообщает выстроившимся у командного пункта летчикам полка начальник штаба. Наша задача - доставить топливо танкистам. И сделать это надо так, чтобы немцы ничего не заметили.

Первым на выполнение этого рискованного задания вылетел комиссар полка майор Шрамко. Он нашел колонну танков, сел рядом с ними, передал ценный груз. Затем на выручку танкистов полетели другие экипажи. И танки, получив столь долгожданное горючее, вновь двинулись в глубь Правобережья.

А передовые наземные части, зацепившись за правобережный пятачок, уже требовали поддержки с воздуха. Необходимо было нанести удар по дальним тылам противника: по

железнодорожному узлу Кривой Рог и по другому крупному опорному пункту - станции Знаменка. Продолжительность полетов по три часа каждый, на предел возможного.

Тихая безветренная октябрьская ночь. Мы летим бомбить Кривой Рог. С первого вылета вернулись все довольные - поработали хорошо. На второй пошли, как говорится, уже по проторенной тропе.

Возвращались домой на утренней заре. Она уже алела впереди по курсу. Над Днепром вдруг заметили, что левый берег почему-то не просматривается. Дальше больше. Выяснилось, что вся низина на Левобережье окутана мощным слоем тумана.

На свой аэродром вышли по приводному маяку и по коротким "дугам", образуемым осветительными ракетами над туманом. Смекаем: если ракета, выстреленная из ракетницы вертикально, поднимается метров на шестьдесят-семьдесят, а дуги от ракет - метров десять-пятнадцать, то толщина тумана не менее пятидесяти метров.

Пятнадцать экипажей собрались на "коробочке". И никто пока не решается идти на посадку. Надо пробить эту ватную толщу, а кто гарантирует, что вовремя увидишь землю, вовремя выберешь самолет из угла планирования, сумеешь посадить машину и не столкнешься с каким-нибудь препятствием? А садиться все-таки надо: в бензобаках горючее неуклонно идет к нулю.

Вот кто-то решился: нырнул в серое месиво и словно растворился в нем. Ходим по кругу, ждем сигналов с земли. Наконец зеленая ракета: все в порядке.

Ушли с интервалом р. несколько минут второй, третий, четвертый самолеты. Решаемся и мы с Михаилом испытать свое счастье. Договорились: идем на посадку с курсом взлета. Я веду самолет на планировании по приборам, а штурман во все глаза смотрит за землей. Как увидит огни - сразу кричит: "Земля!" Тогда я стану выбирать самолет из угла планирования в зависимости от яркости света. Свет же на посадочной зажгли очень яркий. Он просматривался даже сквозь туман. Как позднее мы узнали, руководитель полетов распорядился сделать на посадочной линию костров из САБ.

Выхожу на огни. Киреев кричит: "Земля!" Выбираю рули высоты и чувствую, как машина "сыплется" - того и гляди плюхнется с большой высоты, и тогда непременно подломаются шасси. Инстинктивно прибавляю газ - самолет увеличивает скорость и плавно касается земли. И вот я уже чувствую, что кто-то подхватывает наш У-2 за консоли крыльев. Мы спасены.

Остальные экипажи также приземлились благополучно.

Опыт посадки в тумане в дивизии одобрили. Получил он

положительную оценку и в воздушной армии. Но пока еще нельзя было сказать, что мы, как гоголевский Вакула, схватили черта за хвост. Вскоре подобная ситуация повторилась, и тогда все окончилось далеко не так гладко.

* * *

26 октября полк первым из авиачастей 5-й воздушной армии перебазировался на правый берег Днепра, на маленький "пятачок" плацдарма, регулярно обстреливаемый немцами.

Большое село Попельнастое раскинулось по балке на несколько километров. Посадочная площадка здесь была мало приспособлена для посадки даже такого самолета, как наш По-2. Вверху, прямо по улице, расходящейся веером от центра к окраине, расположился каш аэродром. На взлете или посадке тут нельзя было уклониться даже самую малость: сразу врежешься в хату. Примечательным являлось и другое: всего в 5-7 километрах от нас находилась линия фронта...

Беспокойные, тревожные дни и ночи...

В одну из таких октябрьских ночей полк совершил очень удачный налет на крупный вражеский аэродром близ Березовки, что севернее города Александрии. Как позднее стало известно, в ту ночь мы уничтожили пятнадцать самолетов противника.

В налете на аэродром Березовка отличилась третья эскадрилья. Первыми на цель вышли командир эскадрильи Алексей Дорошенко со штурманом Павлом Закревским. Хотя аэродром был сильно защищен, летчики сумели прорваться через огненную завесу и точно сбросили бомбы. На стоянках самолетов возник пожар. Он стал хорошим ориентиром для выхода на цель остальным экипажам полка. С интервалом в 5-10 минут летчики-комсомольцы заходили на боевой курс и, пробившись сквозь зенитный огонь, бомбили аэродром.

В самолет Петра Жарликова и Василия Муратова угодил зенитный снаряд, взрывом повредило руль поворота и тросы управления. К тому же штурман Муратов был ранен. Но экипаж действовал самоотверженно. Едва перетянув линию фронта, летчик повел самолет на вынужденную посадку. Когда приземлились, Жар-ликов вытащил раненого друга из кабины и перевязал ему раны. А потом подлатал и боевую машину. Тросы управления "подстраховал" брючным ремнем. Помогли летчику и оказавшиеся поблизости наши минометчики.

Дождавшись рассвета, Жарликов поднял самолет в воздух и полетел на свою базу.

Самоотверженно действовал над целью также экипаж Николая Шмелева и Николая Ланцова. С первого захода штурман не сбросил бомбы, попросил летчика зайти еще раз.

- Ты что же мух-то ловишь, - упрекнул было его Шмелев. - Разве не видишь, как стреляют...

- А кто говорил, чтобы каждую бомбу в цель ложить? - заметил Ланцов. - Не пулять же нам в белый свет... Заходи еще раз! - уже скомандовал штурман.

- Есть заходить еще раз!

На втором заходе и схватили их в перекрестье шесть прожекторов. Целое море света. Однако перед этим комсомолец Ланцов уже отбомбился - бомбы угодили точно в капонир, вызвав очаг пожара.

Но и нашим смельчакам досталось. Тремя прямыми попаданиями продырявило фанеру, разорвало перкаль. Ранило Ланцова...

Утром, сразу после памятной ночи, о подвиге экипажей Жарликова и Шмелева знал уже весь полк. В специально выпущенном бюллетене все увидели фотографии отличившихся в ночном бою летчиков, смогли узнать подробности ночной операции.

...А нас уже ждала другая цель, другая очень важная боевая задача вывести из строя крупный железнодорожный узел - станцию Знаменка.

Знаменка, Знаменка... Знаменка-1, Знаменка-2. Очень уж вы памятны для летчиков нашего полка да и всей 312-й ночной авиадивизии. Недаром после освобождения этого крупного железнодорожного узла дивизии присвоили наименование "Знаменская".

Сам город Знаменка - небольшой. Во всяком случае, гораздо меньше, чем Кировоград, областной це"тр. Но стратегическое значение этого города трудно было переоценить. Крупный железнодорожный узел, Знаменка питала весь фронт боеприпасами, техникой, войсковыми резервами. Отсюда четырьмя лучами расходились "железки" - на север, в Черкассы, на юг, к Кривому Рогу, на восток, к Днепропетровску, и на северо-восток, к Кременчугу. Застопорится движение на станции Знаменка - худо придется немцам на всех четырех направлениях.

Значение Знаменки для обороны "Восточного вала" было огромно. И потому гитлеровцы сосредоточили здесь мощный зенитный заслон - множество прожекторов, зенитных пулеметов и скорострельных автоматических пушек. Знаменку как цель мы порой узнавали не по обилию железнодорожных путей, а по сильному зенитному огню, по свету прожекторов.

Тут в самый раз сделать маленькое "лирическое" отступление. В то время в полк пришло распоряжение направить одного офицера на учебу в Военно-воздушную академию имени Н. Е.

Жуковского. Прекрасно! Значит, дела у нас пошли хорошо, коль с фронта людей на учебу направляют. Кому же отдать предпочтение? Командование полка почему-то остановило свой выбор на моей персоне. Мне говорили: "Ты - молодой летчик, но с техническим образованием. А академия военно-инженерная. Более подходящей кандидатуры в полку нет".

Предложение, если судить с нынешних позиций, перспективное, многообещающее.

Но тогда было над чем поразмыслить. Сделаны первые полсотни боевых вылетов. Случалось, и туго приходилось. Уйти от трудностей - что обо мне тогда подумают мои боевые товарищи?

Однажды подошел ко мне штурман Петр Погорецкий, или Граф, как мы его прозвали еще в ЗАПе.

- Ну как, летчик, не надоело еще летать? - с долей иронии спросил он. Теперь знаешь, какой горький хлеб мы едим. Это тебе не в приборах ковыряться.

Что можно было ответить на это? Признать, что наш самолет самый беззащитный из всех, что поднимаются в небо, что при обстреле над целью каждая пуля может стать твоей? Так я знал, на что шел. И, пожалуй, не меньше Графа.

- По себе, что ли, судишь? - вырвалось у меня.

- Ну мы-то уже к этому привыкли, - высокомерно ответил он.

- Так то вы, а мы-то - простые смертные...

И вот выбирай, молодой летчик, куда держать курс-Можешь сегодня сказать: "Согласен!" И завтра: "До свиданья, друзья боевые. Здравствуй, столица!" Думай, голова, картуз куплю.

Боевая дружба, фронтовое братство взяли верх. Твердо ответил: "Нет, не время сейчас для меня теорию зубрить, учиться в академии. Свой путь я уже избрал".

- Правильно! Одобряю! - сказал по этому поводу комэск Дозмаров.

На Знаменку мы летали почти каждую ночь. И часто партизаны и регулярные наземные войска подтверждали эффективность наших бомбовых ударов, бомбардировочных действий всей 312-й ночной авиадивизии. Не раз важный железнодорожный узел выходил из строя на сутки, а то и на двое-трое.

Порой нам приходилось очень трудно.

...Ночь с 6 на 7 января 1944 года. Полк получил боевое задание - бомбить железнодорожную станцию Знаменка-2. Напряжение вылетов - максимальное. В ночное небо поднялись все находящиеся в строю экипажи. Погода - мороз и несильный ветер - не предвещала никаких осложнений. Но без них не обошлось. Они нагрянули как снег на голову.

Наша эскадрилья вылетела, как обычно, первой. На подходе к линии фронта, когда самолет еще не набрал необходимой высоты, Миша Киреев проинформировал меня, что потерял землю, ничего не видит.

- А ты разуй глаза-то, - шучу, - может, и увидишь что-нибудь.

- Да вроде как облаком затянуло, - совершенно серьезно говорит штурман.

Мы стали детально изучать обстановку. Спустились пониже - землю все равно не видно. Еще ниже - самолет оказался в облаках И никакого просвета. Что же это? Неужели туман? Чтобы не испытывать судьбу дальше, решили отбомбиться по запасной цели и быстренько вернуться домой.

К аэродрому подошли на высоте всего 300 метров. Землю не видно: туман. Наземные службы быстро сориентировались и, как на аэродроме в Павловке, выложили посадочную линию из костров САБ-3.

Что ж, надо садиться в тумане, благо опыт такой посадки у нас уже есть. Приземлились удачно. Вслед за мной с Киреевым сели Иван Даев с Алексеем Склеменовым, командир эскадрильи Сергей Дозмаров с Василием Домановым, Виктор Щукин с Иваном Чернышовым, Александр Анисимов с Сашей Костровым, Виктор Тягунов с Николаем Ефремовым... Нас провожают уже в столовую. Но какой тут ужин, когда над аэродромом в сплошной пелене тумана гудят на разных "голосах" самолеты твоих товарищей, твоих боевых друзей. Трудно, очень трудно приземлиться Аэродром-то - улица села. Малейшее отклонение от посадочных знаков и...

Гудят и гудят над аэродромом моторы. Но вот раздается глухой взрыв, затем еще один... Уж не подорвался ли кто на своих же бомбах? Нет. Как позднее выяснилось, это экипаж Сергея Безбородова, чтобы не рисковать, сбросил бомбы в болото, выйдя

на него по расчету времени.

Но вот "голоса" в небе затихли. Экипажи, словно сговорившись, ушли искать для посадки другое место.

Проявил находчивость летчик Николай Шабалин. Поставив самолет по ветру, чтобы быстрее обогнать туман, он пошел на левобережье Днепра на аэродром одного из полков нашей дивизии. Но тот тоже оказался закрыт туманом. Полетел дальше искать счастья. И нашел. Над одной поляной небо оказалось чистым, и Николай удачно посадил самолет, подсветив себе фарой и осветительной ракетой. Площадка оказалась вполне сносным естественным аэродромом Шабалин нашел на ней скирду соломы и поджег ее. Вскоре первый По-2{4} уже заходил на посадку... Вслед за ним приземлился второй, третий, а всего летчик на ту площадку посадил пять экипажей. Позднее мы все отметили эту точку на картах, назвав ее "аэродромом Шабалина".

А вот для командира звена Николая Карповича Белогубцева и штурмана эскадрильи Ивана Павловича Семина эта ночь стала последней в их жизни.

Николай был отличным пилотом, обладал безупречной техникой пилотирования. Скольких летчиков в ЗАПе он подготовил к ночным полетам! Он даже говорил, что сможет посадить По-2, глядя на хвост. Но в Попельнастом Белогубцеву не повезло. Мы, находившиеся на КП, не раз слышали "голос" его самолета, то приглушенный, когда машина вот-вот должна была коснуться лыжами посадочной площадки, то мощный, рокочущий, когда летчик уходил - в который уже раз! - на очередной круг.

Самолет Белогубцева врезался в нежилой дом примерно в километре от КП полка. Для летчика смерть наступила мгновенно. А штурман... Его силой инерции выбросило из кабины вместе с привязными ремнями метров на десять от самолета. При падении Семину поломало ноги и руку. Он не мог ни встать, ни даже ползти. И, чтобы привлечь внимание, стал стрелять из пистолета. Но за повисшим над аэродромом гулом моторов никто не слышал его выстрелов.

Утром 7 января, когда рассеялся туман, экипаж нашли. Но жизнь Ивану Павловичу Семину спасти не удалось. Николая и Ивана похоронили со всеми почестями на территории колхоза "Червоний партизан" Александрийского района Кировоградской области. А в село Николо-Пестровку Пензенской области, на улицу Ворошилова, 2, отцу Семина - Павлу Григорьевичу, а также в город Борисоглебск Воронежской области, на родину Николая Карповича Белогубцева, были отправлены печальные письма - похоронки.

* * *

Больше месяца прошло уже с тех пор, как экипаж Григория Усольцева и Василия Тимошкина не вернулся с боевого задания. Летали Гриша с Васей тогда вместе со всеми в основном на уничтожение живой силы и техники противника в Знаменке. Многие экипажи видели, как немецкие прожектористы вели одинокий "кукурузник", а светящиеся трассы пулеметных очередей и барашковые шапки разрывов зенитных снарядов, будто рой мошкары, облепили высвеченный самолет. А когда после возвращения домой узнали, что нет только двоих, все поняли, что именно Усольцев и Тимошкин попали в прожекторный капкан. И все-таки мы не хотели и не могли поверить, что их жизни оборвались. Какое-то шестое чувство подсказывало, что летчик и штурман живы, что надо набраться терпения и ждать.

В маленькой казарме на кроватях друзей, как всегда аккуратно заправленных, лежали стопочкой гимнастерки с чистыми подворотничками, выходные брюки и фуражки с "крабами".

Предчувствия друзей не обманывают. Остались живы Усольцев и Тимошкин. Но встретиться с ним вновь пришлось лишь через долгих сорок два дня.

Да, конечно же, это их самолет не сумел вырваться из цепких щупалец шести прожекторов над самым центром Знаменки. Усольцев не мог маневрировать скоростью: одним из снарядов разбило пропеллер, и мотор работал вхолостую. Израненную машину вряд ли бы удалось посадить, но, как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. В мощных лучах прожекторов - несколько миллионов свечей! - летчик хорошо разглядел землю и приземлился на северной стороне станции, у лесополосы.

Вокруг все сразу преобразилось - прожекторы выключились, огненные трассы исчезли, и стало совершенно темно Наступила тишина. Только где-то вдали, слева от наших летчиков, слышались голоса - немецкая речь.

Первое, что предстояло сделать ребятам, - уйти как можно дальше от места приземления. Они подожгли самолет и подались в сторону от доносившихся голосов. Немцы почему-то так и не организовали преследование. Грише и Васе повезло.

Утро 31 октября 1943 года застало летчиков на поле колхоза села Пантазиевки. Там и обнаружили ребят местные жители. Дали им хлеба, напоили молоком. Рассказали, где есть немцы, а где их нет. Посоветовали идти на хутор Червона Зирка и там найти Федора Ефимовича Шевченко.

День летчики провели в лесу, чтобы не попадаться на глаза посторонним. С наступлением сумерек отправились в хутор

Червона Зирка. Возле околицы увидели работающего мужчину. Подойдя ближе, спросили:

- Где живет Федор Ефимович?

- Здорово, хлопцы, заходьте...

Узнав, что перед ним те самые летчики, которые прошлой ночью были сбиты над Знаменкой, Шевченко оказал им самый радушный прием. Переодел в гражданское платье и "зачислил" на котловое довольствие в свою семью.

Через пару дней в Червону Зирку пришел Вася Кальниш, представитель партизан. Несколькими днями позже партизанский связной снабдил летчиков документами, по которым Григорий Усольцев и Василий Тимошкин стали числиться сельскохозяйственными рабочими и местными жителями. Как стало потом известно, эти документы были получены в Знаменке, в немецкой комендатуре, куда был внедрен наш человек.

С хутора Червона Зирка летчики один раз ходили с местными партизанами на боевое задание. А однажды Усольцев и Тимошкин участвовали в бою с полицаями, которые по приказу своих хозяев собирались перед отступлением учинить расправу над мужским населением хутора. Требовалось отбить обреченных на смерть и покарать фашистских прихвостней.

Операция "Освобождение" прошла успешно. В том бою Григорий из своего пистолета ТТ убил одного полицая и завладел его оружием.

Так проходил партизанскую закалку наш Гриша Усольцев. А Васе Тимошкину уже давно была знакома жизнь народных мстителей, еще по калининским, смоленским и белорусским лесам.

8 декабря 1943 года войска 2-го Украинского фронта освободили Знаменку, а 12-го Усольцев и Тимошкин возвратились в родной полк.

За активные боевые действия в помощь наземным войскам, и прежде всего за бомбовые удары по железнодорожным станциям Знаменка-1 и Знаменка-2, нашей 312-й авиадивизии приказом Верховного Главнокомандующего было присвоено почетное наименование "Знаменская".

Летчики Комсомольского полка по праву могли гордиться тем, что с честью справились с поставленной перед ними нелегкой боевой задачей.

Февральские дни и ночи

3 февраля 1944 года в восемь часов вечера столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 1-го и 2-го Украинских фронтов двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий за прорыв обороны немцев и завершение окружения

крупной группировки врага.

Приказ Верховного Главнокомандующего мы услышали в тот же день, находясь на полевом аэродроме в пункте Ленине, северо-западнее Пятихатки. И хотя в приказе о летчиках была всего лишь одна фраза: "В боях отличились войска генерал-лейтенанта авиации Горюнова", каждый из нас считал, что это благодарность и нам, летно-техническому составу Комсомольского авиаполка. Совсем недавно мы всем полком летали бомбить скопление вражеских войск и техники в крупном областном центре Украины Кировограде, затем на уничтожение "малого котла" в Лелековке. Кроме того, почти каждую ночь многие экипажи вылетали на боевые задания в интересах наземных войск, на разведку по тылам гитлеровцев.

В полетах на Лелековку отличилась третья эскадрилья во главе с Алексеем Дорошенко. Это по его инициативе здесь было испробовано такое мощное оружие, как бомбовый залп - залп всей эскадрильи.

Летчики третьей использовали яркое лунное освещение для полетов девятки самолетов строем. Сначала комэск проверил возможность ночного группового бомбового удара в составе звена. Затея понравилась и летчикам, и штурманам. Все они воочию убедились, что при такой атаке образуется мощный, концентрированный взрыв, поражающий осколками бомб значительную площадь. На следующую ночь, оказавшуюся такой же светлой, Алексей Дорошенко предложил отбомбиться по противнику залпом всей эскадрильи.

- Вылетаем, - наставлял летчиков комэск, - по одному. На "коробочке" собираемся в звенья, затем идем эскадрильей.

- Цель.бомбим по сигналу ведущего, - давал указания штурман эскадрильи Павел Закревский. - Частые моргания АНО{5} - "Взимание!". Еще одно, через интервал. - "Сброс!".

Бомбовые удары, нанесенные третьей эскадрильей по окруженным в Лелековке гитлеровцам, получились очень эффективными. Взятые в плен немцы рассказывали, что для них такие залпы были просто ужасны.

Гитлеровцы посчитали, что летчики "русс-фанер" применили какое-то новое оружие.

Большую помощь наземным войскам перед началом Корсунь-Шевченковской операции оказали полеты легкомоторной авиации на разведку войск противника. Ценные сведения, дбставленные воздушными наблюдателями, служили командованию фронтом своеобразным ориентиром при составлении плана "Днепровских Канн".

* * *

На исходе 29 января 1944 года, точно в срок, в назначенном месте встретились танкисты 1-го и 2-го Украинских фронтов. Первая часть операции, намеченной Ставкой Верховного Главнокомандования, была успешно завершена кольцо окружения замкнулось. А 3 февраля, когда Москва салютовала блестящей победе наших войск, Корсунь-Шевченковский "котел" кипел уже вовсю.

Силы окруженных были весьма значительны. Восемьдесят тысяч солдат и офицеров двух армейских корпусов имели в своем распоряжении многочисленную военную технику - около четырехсот танков и самоходных орудий, не менее тысячи пушек разного калибра, много минометов и свыше полутора тысяч пулеметов. На площади "котла" - а это почти 400 квадратных километров - находились большие склады боеприпасов, снаряжения, продовольствия. К тому же надо добавить, что на выручку окруженной группировке от Кировограда и Умани спешили танковые корпуса, задачей которых было прорвать "котел" извне.

* * *

Из штаба 312-й Знаменской ночной легкобомбардировочной авиадивизии - в штаб 930-го Комсомольского авиаполка: "Боевая задача: в течение ночи с 9 на 10 февраля действиями одиночных самолетов уничтожать скопление войск и техники противника в лесу, что непосредственно западнее пункта Городище, особенно в северной и юго-восточной частях".

Сумерки быстро сгущались. Многослойные, словно прокопченные дымом пожарищ, облака низко проносились над землей. Иногда казалось, что, изорванные снизу, они длинными причудливыми крюками вот-вот зацепят крышу штабной хаты и унесут ее неведомо куда. А то налетал вдруг вихрь из снежных хлопьев с дождем. За метр ничего не видать.

- Ну и погодку нам нагадали синоптики, - потирая ладони над раскаленной печкой-"буржуйкой", высказался Дима Климанов, летчик 2-й эскадрильи. - Что-то я такой за всю войну не припомню.

- Одним словом, мура, - поддержал своего командира штурман Иван Антонов.

- Руку вытянешь - пальцев не увидишь, - пробасил Павел Иванович Ивановский, ставший теперь заместителем командира 2-й эскадрильи.

- Ну, это и немудрено, - вставляет Сергей Мастеров, ростом почти вдвое меньше Ивановского. - Даже на моих вытянутых пальцы найдешь только ощупью.

Шутка пришлась по душе. Ребята загоготали.

- Загорай, хлопцы! - раздалось из темного угла казармы,

- Пропали наши боевые сто граммов, - пошутил Гриша Турик, ставший штурманом в экипаже Ивановского.

Этот разговор вряд ли кто принимал всерьез - просто ребята от вынужденного безделья, в ожидании хоть какого-то улучшения погоды сидели и "травили" баланду.

Так не раз бывало здесь, в Ротмистровке. Куда полетишь, если видимость почти нулевая, а скорость ветра временами достигает скорости нашего По-2. Сидели и загорали. Каждый заполнял вакуум "безвременья" как мог. Мне, помнится, тогда пришла бандероль из Алатыря с книгой Ф. Рабле "Гаргантюа и Пантагрюэль". И я с увлечением читал великого француза. В другом углу казармы за листом фанеры, ставшей игральным столом, в поте лица трудились доминошники. Оттуда доносился стук костяшек и временами, когда проигравшая пара на четвереньках проползала под столом, гиканье и громкий смех.

Но вот буран немного улегся, ветер утих. И казарма приняла боевой вид. Домино и книжки убраны. Механики самолетов ушли на стоянки разогревать моторы. Летчики и штурманы ждут команды на вылет. Боевой приказ уже всем известен, маршрут полета нанесен на карты.

Но тут неожиданно снова разыгрался "буран". В казарму вихрем ворвался любимец третьей эскадрильи младший лейтенант Шмелев или, как все его запросто звали, - Шмеля:

- Слыхали?! - он окинул взглядом летчиков и штурманов, находившихся в это время в казарме.

- Ну, что ты узнал? Говори! - за всех спросил Шмелю Петр Жарликов.

- Позор! Всем нам позор! - зло выкрикнул Шмелев и, переведя дыхание, уже спокойно стал размышлять вслух: - Конечно, погода нелетная. Но лучше она вряд ли станет. И приказ есть приказ.

- О чем ты? Говори толком!

- А вы сидите тут и не знаете? - опять распалился Шмеля и сообщил, что командир группы майор Чернобуров якобы позвонил в штаб дивизии и недвусмысленно заявил, что в такую погоду летать в тыл к немцам - только людей гробить. Словом, просил повременить с вылетом.

- Не может быть!

- А что тут возмутительного? - пытался охладить горячие сердца Вася Муратов, штурман в экипаже Жарликова. - Нашелся человек, который сказал то, что думал. На такое решиться тоже надо мужество иметь.

Молодые горячие души. Они думали не о своей славе, а о чести Комсомольского полка, о девизе комсомола - всегда быть

впереди.

- Да какое он имел право на это? - снова начал заводиться Шмелев.

- Как же так? - недоумевал Николай Шабалин.

- Соседи, говорят, уже полетели...

Неизвестно, долго ли бы еще продолжалось это необычное комсомольское собрание и чем бы оно закончилось, если б дверь казармы не открылась, и в ней не показались парторг полка капитан Изотов и командир третьей эскадрильи капитан Дорошенко. Голоса в казарме тут же стихли. Федор Данилович, парторг, сразу же уловил такую перемену:

- Почему замолчали?

- Да мы так, - примиренчески сказал Сергей Мастеров, - о погоде, о полетах...

- Вот и мы о том же с вами хотим поговорить. - Парторг не видел всего накала страстей. Он пришел просто для того, чтобы прощупать настроение. И сразу же - персональный опрос. И знал ведь кого спросить - Шмелева. - Ну, какова погодка, Николай?

- Да нормальная, - потупясь, ответит тот. - Прикажут полететь - полечу.

- Вот это я понимаю, слова не мальчика, но мужа, - похвалил Изотов. И сразу же к другому: - А что на этот счет скажет Дима Климанов?

- В нашем роду трусов не водилось! - выпалил летчик.

- Саша Токарь?..

- Со всеми вместе.

- А ты, Павел Иванович? - Изотов повернулся к Ивановскому.

- Какой может быть разговор, - с нажимом на "о" пробасил Паша.

На пороге вдруг появился начальник штаба дивизии полковник Бондаренко. Было видно, что он чем-то очень недоволен. Сопровождал его майор Чернобуров.

Капитан Дорошенко первым заметил начальство:

- Товарищи офицеры!...

Летчики дружно встали.

- Вольно, вольно, - остановил полковник капитана, когда тот начал было рапорт. - Продолжайте беседу.

- А мы уже обо всем договорились.

- И о чем же это?

- Товарищ полковник, группа Комсомольского авиаполка в составе четырнадцати экипажей к выполнению боевой задачи готова! - доложил капитан Изотов.

Полковник Бондаренко взглянул на Чернобурова, затем перевел взгляд на Изотова. Глаза начальника штаба дивизии

сразу как-то потеплели:

- Спасибо, капитан! Другого решения от комсомольцев я и не ждал.

На выполнение боевого задания полетели только самые опытные экипажи Ивановский с Туриком, Анисимов с Костровым, Жарликов с Муратовым, Климанов с Антоновым, Токарь со Скрябиным, Шмелев с Ланцовым, Титаренко с Суворовым, Дорошенко с Закревским.

Первыми поднялись в хмурое февральское небо Алексей Дорошенко с Павлом Закревским. Очень важно было нанести сосредоточенный бомбовый удар по противнику в населенном пункте Капустино. И потому Дорошенко с Закревским перед вылетом заявили, что они первыми выйдут на цель и сбросят на танки противника ампулы с горючей жидкостью - КС. Пожары послужат ориентиром для бомбометания другим экипажам.

Свое слово Алексей и Павел сдержали. В неимоверно трудных условиях они точно вышли на Капустине. И вот уже на земле вспыхнуло до пяти движущихся костров - это горели танки противника, посланные на прорыв кольца окружения.

Дорошенко и Закревский отошли от цели - их место на боевой вахте в ночном небе тут же заняли Шмелев и Ланцов. На головы фашистов полетели фугасные и осколочные бомбы. Затем на цель вышли Павел Ивановский с Гришей Турином, Дмитрий Климанов с Иваном Антоновым...

И вот уже в штаб полка поступила телеграмма: "По населенному пункту Капустине не действовать. Бомбардировать войска и технику противника в Корсунь-Шевченковском".

* * *

Группа гитлеровцев, попавшая в окружение, вела себя в "котле" довольно уверенно, надеясь на свои силы (как-никак - девять пехотных и одна танковая дивизии) и особенно - на помощь извне.

Советское командование с помощью установленных на передовой громкоговорителей передало на немецком языке ультиматум - предложение окруженным сдаться в плен во избежание ненужного кровопролития. Затем в расположение немецких войск были направлены парламентеры. Однако генерал Штеммерман отверг условия капитуляции.

* * *

Утром 15 февраля парторг полка Ф. Д. Изотов зашел к командиру группы А. И. Чернобурову - посоветоваться.

- Александр Иванович, а не кажется ли тебе, что плохая погода, долгое ожидание ее улучшения, вынужденное безделье летного состава расхолаживают коллектив?

- Не то слово, Федор Данилович, - Чернобуров, видно, тоже беспокоился в этой связи. - Не расхолаживают, а разлагают!..

- Ну, это ты, Батя, уж лишку хватил, - видно было, что Изотов в корне не согласен с такой оценкой. - Разлагающийся коллектив... - Парторг искал аргументы, чтобы опровергнуть слова Чернобурова. - Да если говорить откровенно, этот коллектив, ты уж не обижайся, оказался на голову выше командира. Помнишь, неделю назад в казарме был разговор?..

- Вмешательство подчиненных в действия начальства я и считаю верхом недисциплинированности.

- Позволь с тобой не согласиться. - Парторг пошел в наступление. - Я лично полагаю так: если подчиненные начинают обсуждать приказ командира, ища в нем лазейку, чтоб отсидеться в тепле, тогда - да, это... Согласен, это признак разложения. Но ведь комсомольцы в ту ночь возмущались как раз нерешительностью командира - лететь на задание или нет. И тогда, и сейчас я глубоко убежден в правильности действий летчиков. Ведь они четко определили свое отношение к главному вопросу дня: надо бить противника при любых погодных условиях. Ребята отлично понимают, что мы - Комсомольский полк. Это наименование обязывает нас быть впереди других частей. А ты тогда, чего уж там, смалодушничал, принизил значение боевого порыва молодежи.

- Такой "боевой порыв" может привести к неоправданным жертвам, поломкам самолетов...

- У меня иная позиция. Я за то, чтобы всемерно развивать разумную инициативу, боевую сметку нашей молодежи. И самое главное в этом деле - пример коммунистов. Молодежь надо вести за собой, больше доверять ей.

- Ты хочешь сказать, что я против такого доверия? Или я не веду за собой молодежь?

- Тогда я к тебе не пришел бы.

- Чем же мы закончим разговор?

- Предлагаю сегодня же провести открытое партийное собрание.

- Вопрос?..

- Вообще-то - "Об уничтожении окруженной группировки противника", а если конкретнее - об авангардной роли коммунистов группы на заключительной стадии Корсунь-Шевченковской операции.

- Кто выступит с докладом?

- Если позволишь, я.

Собрать людей парторгу тогда не составило труда: вылетов в этот день не было, все находились в казарме. Но вот как вызвать

их на откровенный разговор?..

Федор Данилович отвергал штампы в любых докладах и речах. Вот и сейчас он не стал говорить по давно установленной и чуть ли не утвержденной схеме: сначала о положительном, затем о недостатках, а потом о предстоящих задачах. Он любил брать быка за рога, анализировать обстановку на фактах. И еще одно он усвоил твердо: если хочешь на чем-нибудь сосредоточить внимание, выставляй такие факты в начало доклада.

- Доклада как такового у меня нет, - начал парторг после того, как председательствующий предоставил ему слово. - Хочу просто по душам поговорить с вами о наших сегодняшних и завтрашних делах.

Участники собрания переглянулись. Что-то Федор Данилович не то говорит. Как же это так: собрание без доклада?

- Вижу, кое-кто такой постановкой вопроса озадачен. - Изотов оглядел ряды летчиков, штурманов, механиков. - А я лично считаю, что в данной обстановке именно такой доверительный разговор, разговор по душам нам и нужен.

Парторг сделал маленькую паузу, чтобы по реакции в зале уловить настроение участников собрания. В первом ряду плечом к плечу сидели Павел Ивановский и Григорий Турик. Лица сосредоточены, напряжены. Но вот Ивановский, улыбнувшись, взглянул на Турина, Турик - на Ивановского. Летчик и штурман поняли друг друга без слов. Мол, посмотрим, что из этой затеи получится. А за нами в случае чего дело не станет.

Мотнул озорно головой Петя Жарликов: знай наших! Ведь Изотов - политрук их эскадрильи. О чем-то перекинулись несколькими фразами и Дорошенко с Закревским.

- Вчера, как и позавчера, полку боевая задача не ставилась. Видимо, из-за метеоусловий. Но мы все - и летчики, и механики - дежурили на аэродроме, продолжал свою беседу с залом Изотов: - Я уверен, что если б тогда нам предстояли боевые полеты, вся группа Комсомольского полка поднялась бы в буранное ночное небо. Правильно я говорю?

- Правильно!..

- Что за вопрос...

- И все-таки - или это мне только так кажется? - безделье кое-кого изводит, и мы занимаемся не тем, чем надо. Игра в домино, конечно, развлекает. И отвлекает. А кто скажет, куда нам сейчас предстоит лететь, каков был бы ожидаемый боевой приказ?

- Снова на Стеблев...

- На Лисянку...

- На Хижницы...

- А хорошо ли мы изучили предполагаемые цели? - ставил

вопрос за вопросом парторг. - То-то и оно, что не особенно хорошо. Погода между тем не улучшается, и значит, ориентироваться в воздухе будет очень сложно. Надо знать все характерные ориентиры в районе целей назубок. Мне думается, штурману полка коммунисту Иванову следует занять неожиданно образовавшееся свободное время подробным изучением географии Правобережья. Коммунисты - летчики и штурманы обязаны в этом деле быть примером для всех.

Далее Изотов обстоятельно говорил о сложившейся боевой обстановке в районе "котла", о том, что немецкие генералы предпринимают отчаянные попытки любой ценой вырваться из окружения.

- Сложившаяся метеообстановка не позволяет поднять в воздух штурмовики и истребители, - продолжал парторг. - По окруженным войскам можем воздействовать в данном случае только мы на По-2. Условия крайне сложные. И может случиться так, что с минуты на минуту, даже сейчас, днем, поступит приказ немедленно вылететь на боевое задание.

В такой обстановке задача каждого коммуниста группы, особенно летчиков и штурманов, - личным примером увлечь за собой весь состав. Вопрос стоит так: умереть, но задачу выполнить. Подчеркиваю: умереть, но задачу выполнить!

Изотов внимательно окинул взглядом ряды летчиков и не утерпел, задал вопрос, словно приглашая участников собрания к прениям:

- Что на это скажет коммунист Турик? Что думает об этом Павел Иванович?..

- Я так понимаю свою задачу, - сказал штурман звена Турик. - Умирать нам еще рановато, да и не с руки. Тут ты, Федор Данилович, немного перехватил. Нам еще хочется своими глазами посмотреть на торжество окончательной Победы над врагом. Ну а если обстановка сложится так, что на чашу весов будет положено жить или умереть в бою, то и смертью своей докажу, что традиции Комсомольского полка свято чтутся. Память об Иване Карпушкине и Михаиле Морозове, Трофиме Мосякине и Владимире Шаховцове в нас жива. Говорю это и от себя, и от имени командира - Павла Ивановича Ивановского: мы поведем за собой молодежь и любое задание Родины выполним с честью.

Слово взял парторг второй эскадрильи штурман экипажа Василий Козлов:

- Думаю, что выскажу общую мысль: не опозорим звания Комсомольского полка.

- Хоть сейчас готовы выполнить самую сложную боевую

задачу! - высказался, привстав с места, Иван Антонов.

На техсостав можете положиться - такая мысль прозвучала в выступлении механика Николая Подзерея.

В заключение выступили командир группы майор Чернобуров и штурман полка майор Иванов.

Собрание приняло постановление. Оно отвечало злобе дня, было по-деловому конкретно и лаконично.

* * *

Получилось так, что пока шло собрание, в штабе полка стало известно: обстановка на фронте изменилась. И летчикам пришлось прямо с собрания отправиться на аэродром. И - в полет. В полет днем, на бомбежку рвущегося из окружения противника. В тот день в воздух поднялись все 14 комсомольских экипажей, дислоцировавшихся на аэродроме в Ротмистровке.

* * *

Наступила ночь с 16 на 17 февраля, последняя ночь обреченных на смерть оккупантов.

Около полуночи сильно похолодало. Сорвался резкий порывистый ветер, порой до 15-20 метров в секунду, повалил, закружаясь во тьме, снег. А потом началась такая метель, какой ни мне, ни моим товарищам не приходилось до этого видеть ни разу. Свистел ветер, крупными хлопьями валил снег, и порой начинало казаться, что с неба на нас идет сплошная белая лавина. Но ночь от этого не стала светлее. Снежная пелена, нависшая над полями, делала мрак еще более непроглядным.

Мы отдыхали на нарах длинного барака. Никто из нас не предполагал возможности боевого вылета в такую погоду, и все-таки летчики и штурманы не спали: а вдруг...

И это "вдруг" произошло. В барак вошел майор Чернобуров и как бы шутя, когда группа построилась, спросил:

- Ну как, ребята, полетим?

- Если Родина прикажет... - в том же тоне ответил Николай Шмелев.

- Я серьезно спрашиваю, - повторил командир группы и рассказал, что минуту назад его вызвал к телефону командующий фронтом и попросил - попросил, не приказал! - найти в полку летчиков-добровольцев, которые в такую непогодь смогли бы подняться в воздух и выполнить очень сложное боевое задание разбомбить скопление фашистских войск в последнем оставшемся опорном пункте селе Шендеровке.

Никто из комсомольцев-летчиков не пожелал остаться в стороне. И когда майор скомандовал: "Добровольцы, шаг вперед!" - все, стоявшие в строю, дружно шагнули к командиру.

Через несколько минут Чернобуров докладывал

командующему фронтом:

- Есть добровольцы!

- Кто? - командующего интересовали фамилии, должности, звания храбрецов.

- Все! - последовал ответ.

На аэродроме, по которому с воем метался буран, закипела работа. Под крылья маленьких По-2 оружейники подвешивали бомбы и кассеты с ампулами КС. Бензозаправщики доливали горючее в баки. Через считанные минуты самолеты один за другим скрылись в снежной мгле ночи. Вслепую они пошли на Шендеровку.

Вместе с нами на бомбежку последнего опорного, пункта немцев вылетели и несколько самолетов соседнего полка.

Первым на цель вышел экипаж капитана Виктора Заевского и лейтенанта Владимира Локотоша. С минимальной высоты штурман сбросил на танковую колонну ампулы с горючей жидкостью. Огромное зарево, окрасившее в багровый свет снежную пелену, увидели другие экипажи. Вниз полетели фугасные и осколочные бомбы.

И в это время, получив от летчиков отличный ориентир для прицеливания, ударили по окруженным войскам артиллеристы. Поднялась в атаку пехота. В действие пришли все огневые средства обеих сторон.

Гитлеровцы, гонимые призраком смерти, ошалевшие от выпитого шнапса, лезли напролом и гибли сотнями. Трупы ложились на трупы.

Наступил момент, когда противник на узком участке одолел числом. Образовалась брешь в первом рубеже наших войск. В эту дыру хлынул поток немецких войск - ударные отряды прорыва - танки дивизии СС "Викинг", бронетранспортеры с офицерами.

С флангов наша артиллерия в упор расстреливала гитлеровские колонны. Под шквальным огнем войска противника быстро теряли свой первоначальный порядок. На дороге образовались пробки автомашин, танков, бронетранспортеров.

Только единицам из нескольких десятков тысяч окруженных солдат и офицеров противника удалось пробиться через огненное кольцо. Корсунь-Шевченковская операция была победоносно завершена.

...Буранные февральские ночи и один такой же февральский день... В них словно сфокусировались накопленный комсомольцами-летчиками опыт, умение летать в любых погодных условиях, боевой задор, свойственные молодежи смелость, отвага, мужество и героизм. Комсомольцы с честью выдержали труднейший боевой экзамен.

* * *

На другой день, 18 февраля 1944 года, в первом часу дня в эфир понеслись знакомые всему миру позывные Московской радиостанции. Торжественно-взволнованным голосом Юрий Левитан начал читать приказ Верховного Главнокомандования:

"Генералу армии Коневу..."

В приказе сообщалось, что войска 2-го Украинского фронта в результате ожесточенных боев, продолжавшихся непрерывно в течение четырнадцати суток, завершили операцию по уничтожению большой группировки немцев, в результате которой противник потерял на поле боя убитыми около 55 тысяч человек. Более 18 тысяч солдат и офицеров сдались в плен.

В приказе назывались отличившиеся войсковые соединения и части. За отличные боевые действия была объявлена благодарность всем войскам 2-го Украинского фронта, участвовавшим в боях под Корсунь-Шевченковским.

За отличное выполнение боевых заданий командования и проявленные при ликвидации корсунь-шевченковской группировки противника личным составом мужество, отвагу и героизм 930-й Комсомольский авиаполк Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Красного Знамени.

19 февраля к нам приехал американский корреспондент. Ему хотелось увидеть прославленных летчиков и штурманов, а также посмотреть с высоты птичьего полета на недавнюю арену грандиозного сражения. А посмотреть действительно было на что. Противник потерял в "котле" 471 самолет, 271 танк, 110 самоходных орудий, тысячи автомашин и множество другой военной техники. Вся она осталась в основном на дорогах, на аэродромах, в крупных селах.

Да и это еще не все. К потерям окруженной группировки следует приплюсовать урон, понесенный противником на внешнем кольце окружения. Здесь советские войска нанесли поражение еще пятнадцати фашистским дивизиям. Восемь из этих пятнадцати дивизий были танковые.

* * *

Разбушевавшийся 17 февраля над Правобережьем буран был, похоже, последним приступом зимы в здешних местах. Уже 18 февраля небо очистилось от туч и стало таким нежно-голубым, словно его только что постирали и разгладили. Засверкал, заискрился на солнце ярко-белый снег. Казалось, что все вокруг стало сразу светлее и чище. Это сама природа приветствовала нашу победу под Корсунь-Шевченковским.

Командир группы полка майор Чернобуров в распоряжение

заморского гостя выделил летчика Александра Токаря. Саша с огромным удовольствием облетел с корреспондентом на своем По-2 район недавних боев.

Американец все увиденное зафиксировал на пленку.

Когда самолет приземлился, гость стал рассматривать По-2. Он даже похлопал ладонью по фюзеляжу, по крыльям. Желал, видимо, узнать, из какого материала сделан аэроплан.

- О! Это невозможно себе представить! - воскликнул корреспондент по-английски.

- Чем он недоволен? - спросил переводчика Саша Токарь.

- Не верит, - ответил тот, - что на таких самолетах вы громите немцев.

- Скажи американцу, что в полку пока другой техники нет. Но и эта нам очень нравится.

- Может, наши опознавательные знаки ему кое-что прояснят? - вступил в разговор Иван Антонов, показывая на комсомольский значок, нарисованный на руле поворота. Потом повернулся к гостю: - Комсомол, комсомол, понимаете?

Корреспондент долго и пристально рассматривал рисунок на самолете, но ничего не говорил.

- Что это есть, - наконец по-русски спросил иностранец, показав на надпись, сделанную на фюзеляже - "Стахановец Татарии". И вдруг воскликнул: О, комсомоль отчень богат!

Сказать бы ему, да ведь не поймет, что в полку уже получено почти двадцать таких самолетов-подарков от наших шефов - комсомольцев Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. И все они с дарственными надписями: "Победа будет за нами!", "За Русь!", "Казанский комсомолец", "Комсомолец Татарии", "Кзыл Татарстан"...

Да, комсомол очень богат. Богат своим мужеством, своей стойкостью, своей отвагой, своей дружбой.

Заморский гость что-то записывал в блокнот. Но не знаю, опубликовал ли он все это в своей газете.

Компаньерос

Надрываясь, зуммерил полевой телефон. Наконец трубку взял командир полка:

- Двадцатый слушает!

- Двадцатый, двадцать пятый... - Командир дивизии полковник Кузнецов подковырнул не то принятую систему позывных, не то подавшего голос Еренкова. Что-то до твоего хозяйства, Михаил Дмитриевич, в последнее время дозвониться стало трудно.

- Да я... - попытался было возразить командир полка.

- Ну ладно, не оправдывайся, - уже примирительно сказало

высшее начальство. - Лучше доложи-ка, чем сегодня располагаешь для работы.

Еренков оживился. В этом плане у него положение довольно приличное. Введены в строй боевых экипажей два летчика-новичка: боевое крещение получил сержант Протопопов, недавно прибывший в полк, и допущен к ночным полетам бывший адъютант третьей эскадрильи старший лейтенант Хотяшов. Борис Протопопов до прибытия к нам летал где-то в эскадрилье связи на Р-5. А Иван Хотяшов в полку с первого дня. В начале войны - истребитель. Был тяжело ранен. После госпиталя (медкомиссия отстранила его от полетов) занимался штабной работой. И вот сейчас, окрепнув физически, настоял, чтобы его еще раз проверила медицина. Попросился снова летать. Прошел курс подготовки к ночным полетам в полку.

- У меня все "кареты" с "извозчиками", - доложил Еренков. - Могу всех отправить в дорогу хоть сейчас.

- Хорошо, хорошо, - отозвался на это командир дивизии. - А сейчас слушай меня внимательно... Кстати, ты сидишь или стоишь?

- Сижу, - откровенно признался Еренков и улыбнулся: ведь при разговоре с начальством положено стоять.

- Так держись крепче за стул. Новость для тебя, думаю, особенно интересная и приятная.

Трубка замолчала. Командир дивизии, прикрыв микрофон ладонью, скомандовал летчику звена управления: "Вылетайте немедленно в Бельцы! Подробности - у оперативного дежурного".

- Алло! Алло! - Еренков даже постучал по трубке. - Почему молчите?

- Не шуми, не шуми, Михаил Дмитриевич, слышу.

- Так что за новость, товарищ полковник?

- Жди к себе гостей из Испании.

- Из Испании?..

- Именно. Хотел было отправить их к Илларионову или Девятову, да вспомнил - Испания-то тебе роднее. Кстати, ты хоть что-нибудь по-испански еще помнишь?

- А как же! Амиго... компаньерос...

- Значит, я правильно поступил.

- Гостям мы всегда рады.

- Прими заодно поправку: не гости они, а летчики. Бери к себе в полк...

Испанцы Бартоломео Масс и Мигуэль Родригес прибыли в нашу страну после падения республики в Испании. Бартоломео сражался против фалангистов генерала Франко на стороне республиканцев. Воевал, говоря по-нашему, не жалея живота

своего, не щадя жизни. В трудную для Испании годину вступил в Испанскую коммунистическую партию. Личной храбростью, беззаветным служением идеалам революции заслужил большое доверие товарищей по оружию - был назначен командиром батальона...

Гибель республики явилась для Масса личной трагедией. И когда перед ним встал выбор, по какому пути идти дальше, он, не задумываясь, решил эмигрировать в Советский Союз, страну победившего социализма. Верил, что придет пора и он снова будет сражаться за счастье своего народа.

В солнечной Армении Бартоломео вместе с другими испанскими парнями, нашедшими в Стране Советов свою вторую родину, прошел курс первоначальной летной подготовки. А когда разразилась Великая Отечественная война, стал проситься на фронт. Всем своим существом понимал, что, защищая с оружием в руках великую Советскую страну, он будет бороться за свободу и независимость родной Испании.

Не сразу молодой испанский пилот стал фронтовым летчиком. Сначала волею случая Бартоломео оказался в разведывательно-диверсионном отряде. Прошел здесь хорошую школу владения стрелковым оружием. Отлично стрелял из пистолета, из винтовки, знал станковый и ручной пулеметы, ППШ, научился делать фугасы. Прыгал с парашютом... Вскоре с небольшим отрядом партизан Бартоломео должен был десантироваться в глубокий тыл фашистов. Но... на войне как на войне. Случилось несчастье. Одна из групп, в которую входили друзья Масса, при выброске из самолета напоролась на немецкую засаду и почти вся погибла. Выброску остальных десантников было решено задержать. Насколько - неизвестно. Бартоломео хотелось не ждать, а драться с фашистами. И он попросил перевести его в авиацию. Просьбу удовлетворили.

Не каждому в авиации суждено быть истребителем. Массу, чтобы летать на Яках или "лавочкиных", требовалось, кроме всего прочего, пройти сначала подготовку на УТ-2 и УТ-1, а затем на учебных истребителях. Процесс довольно сложный и долгий. А если ты хочешь быстрее попасть на фронт - иди в легкомоторную авиацию. Там матчасть уже знакомая. Изучить надо только технику пилотирования ночью.

Военная судьба Мигуэля Родригеса была схожа с судьбой его друга Бартоломео. Разница - в нюансах. И вот они уже на фронте, в Молдавии, ждут отправления в один из полков 312-й Знаменской ночной легкобомбардировочной дивизии. В дивизии - три полка. Одним командует майор Илларионов. Его так и именуют - илларионовский. Другой называют девятовским, по

фамилии командира полка полковника Девятова. А еще есть полк Комсомольский. Им командует бывший "испанец" майор Еренков.

- Вот куда надо проситься, Мигуэль, - говорит другу Масс.

Родригес молчит, занятый какими-то своими мыслями. Он и вообще не очень-то разговорчивый - прямая противоположность Бартоломео.

- Что же ты ничего не отвечаешь? - упрекает его товарищ. - Позволь тогда считать по-русски твое молчание знаком согласия?

- Хорошо, - кивает Родригес.

- Вот и отлично! Там нас быстрее выпустят в боевой полет. Вива, Испания!

* * *

Прибытия летчиков-испанцев в полк более всего ожидал майор Еренков. Только что он отправил на боевое задание все экипажи полка. Одни полетели бомбить живую силу и технику врага по дорогам Яссы - Тыргу-Фрумос, Яссы - Васлуй, Кишинев - Бужор - Хуши, другие - на переправы через Прут...

"Жди к себе гостей из Испании", - вспомнились Еренкову слова командира дивизии...

Испания... 1937 год... Как давно все это уже было...

На X съезде комсомола, который избрал Еренкова членом ЦК ВЛКСМ, познакомился он с летчиком Николаем Остряковым. С ним его свел секретарь ЦК по военной работе.

- Знакомьтесь, - сказал он, - надеюсь, будете друзьями. Во всяком случае, поговорить вам есть о чем. А у меня, извините, дела...

- А-а, Еренков!.. - Николай Остряков даже чуть растерялся. - Слыхал, слыхал. Даже мечтал о встрече. Ух, думал, какой богатырь!

- Реальность разочаровала?

- Наоборот. Что не великан - даже лучше: меньше загрузка в самолете.

Оба сдержанно улыбнулись.

- При чем тут мой вес?

- Твой вес довольно значительный, - перевернул фразу летчик. - А загрузка - другое дело. Думаю пригласить тебя в экипаж на побитие мирового рекорда. Как на это смотришь?

- Хорошо смотрю.

К собеседникам снова подошел секретарь ЦК комсомола. Уловив суть беседы, хотел вступить в разговор, но в это время раздался звонок на очередное заседание. Напоследок сказал:

- Когда будем формировать экипаж, вызовем.

Съезд закончился. Еренков отправился в свою часть. А там уже ждала телеграмма: вызов в Москву. "Ну, будет мировой

рекорд!" - подумал Михаил.

Но в столице разговор пошел совсем о другом...

Воспоминания командира полка прервали вошедшие в штаб летчики и штурманы, только что вернувшиеся из разведывательного полета:

- Товарищ майор, экипаж Титаренко - Ланцов боевое задание выполнил. Восточнее пункта Мунтель и западнее Хендерешти, как и предполагалось, противник оборудовал полевые аэродромы. Отбомбились по стоянкам самолетов в Хендерешти. Аэродром сильно прикрыт зенитным огнем, - Ланцов выложил на стол карту и показал, где именно установлены зенитные батареи.

- Докладывает экипаж младшего лейтенанта Чернышева и сержанта Протопопова. - К столу командира подошел Иван Чернышев. - На дороге Яссы - Тыргу-Фрумос обнаружена колонна автомашин, идущая к Пруту. Бомбы сбросили на окраине Тыргу-Фрумос. Похоже, угодили в склад с боеприпасами.

- Заходили на Феркешени, - доложил лейтенант Костров, штурман из экипажа Александра Анисимова. - В полкилометре восточнее Феркешени - аэродром. Подсветили его САБ и насчитали до тридцати Ю-87...

Я в ту ночь летал на разведку по маршруту Кишинев - Котовск - Бужор Хуши. Не доходя до Кишинева, в лесу восточнее Милешти, мы с Киреевым заметили мигающие огоньки.

- Миша! - крикнул мне Киреев. - Погляди на землю. Что-нибудь видишь?

- Вроде бы автомашины идут в гору.

- А что им на горе делать-то?

- Это у фрицев спросить надо.

- Давай спросим.

Штурман дал боевой курс. Затем заставил довернуть самолет куда следует... И вот я почувствовал, как раскрылись кассеты и высыпались ампулы с горючей жидкостью. Один за другим раздались несколько взрывов. Немцы открыли по нашему самолету бешеный огонь.

Прилетели на аэродром, зарулили на "красную линию".

- Бомбы! Скорее бомбы! - что было сил крикнул оружейникам Киреев.

- Что, эшелон на дороге дожидается? - пошутил Юра Каевский, известный в полку юморист.

- Нет, - принял вызов Михаил. - Два Ганса греются у костра.

- Тогда жди очереди.

- Так ведь уйдут, уйдут же! Колонна автомашин... Представляешь!..

Шутки шутками, а задерживаться нам было никак нельзя.

Киреев пошел докладывать о результатах разведывательного полета, а я вместе с оружейниками и механиком самолета Николаем Подзереем стал готовить По-2 к очередному вылету.

Утром на другой день, часов примерно в восемь-девять, мы были подняты по боевой тревоге. Требовалось вылететь на спецзадание - доставить боеприпасы и горючее для истребителей и штурмовиков. Так перенацеливались мы уже не первый раз. Дело в том, что к тому времени наземные части 2-го Украинского фронта вырвались далеко вперед. Оккупанты же при отступлении вывели из строя почти все железные дороги. А по грунтовым нельзя было проехать и на волах - их размыло весенним половодьем. Передовые истребительные и штурмовые полки заняли полевые аэродромы в долине реки Реут, поблизости от линии фронта. А баз снабжения рядом не оказалось. У немцев таких трудностей не было. Создалось положение, при котором самолеты 5-й воздушной армии, располагая численным и качественным перевесом, не могли его реализовать. "Худые" (так иногда мы называли немецкие истребители "мессершмитты") заходили с верховий Реута и до самого устья безнаказанно прочесывали наши аэродромы.

В задачу летчиков-комсомольцев входило как можно более быстрое и полное обеспечение бензином и боеприпасами наших самолетов. Надо было дать им возможность как можно чаще подниматься в воздух.

Первая часть задачи - "быстрее" - в целом решалась нами довольно успешно. Что же касается второй ее половины - "больше", - то... Сколько бы мы ни привозили горючего для истребителей и штурмовиков, им хватало его лишь на один вылет. Все зависело от того, сколько самолетов пользуется нашей "заправочной". Так же дело обстояло и с боеприпасами.

Немецкое командование, видимо, раскусило фокус с ответными вылетами советских истребителей. Теперь для гитлеровских асов не стало цели важнее, чем самолет По-2, который они буквально караулили на наших грузовых маршрутах.

В один из таких напряженных дней и прибыли к нам в полк летчики-испанцы. Новички сразу оказались в центре внимания всего состава полка. Каждому из нас хотелось поближе познакомиться с новыми товарищами, в чем-то помочь, что-то посоветовать...

Командир полка майор Еренков не торопился бросать новоприбывших в пекло боя. И хоть полеты на спецзадания у нас почему-то не считались боевыми: мол, это полеты в тылу, а следовательно, достаточно безопасные, атакам "мессеров" мы подвергались, пожалуй, чаще, чем когда бы то ни было раньше. За

довольно короткое время таких вылетов на спецзадания полк потерял самолетов больше, чем за год боевой работы на Калининском фронте. Получили ранения многие опытные летчики. Не обошлось и без невосполнимых потерь. В течение только нескольких дней были ранены Павел Ивановский, Иван Боков, Федор Черепенников, Иван Хотяшов, Виктор Тягунов. Погибли Алексей Федоров, Андрей Левчук...

Бартоломео Масс благодаря своему открытому общительному характеру быстро вошел в коллектив полка. Мы его вскоре перекрестили в славянина и стали называть по-русски Борисом, Борей. Но нашему Борису этого было мало.

- Я приехал сюда, чтобы бить фашистов, моих врагов. А меня не допускают к боевой работе, - возмущался он. - Может быть, мне не доверяют?

У испанских летчиков почти ежедневно проверяли технику пилотирования. Провозные они совершили под руководством командира звена Николая Шмелева и даже под опекой заместителя командира полка по политчасти майора Шрамко. Комиссар докладывал в политотдел дивизии: "Мною лично проводилась тренировка летчиков-испанцев днем и ночью. Отмечаю, что они летают неплохо, к полетам относятся с большим вниманием и подают большие надежды".

Но то были только тренировочные полеты.

Настойчивость и бойцовский характер Масс показал не только перед нами. Однажды, выбрав время, он съездил в расположение дивизии и обратился к начальнику политотдела полковнику Гусеву:

- Почему меня не пускают на боевые задания? Гусев внимательно выслушал летчика-испанца и твердо пообещал:

- Будете летать! - И прибавил: - Надеюсь, что вскоре сам вручу вам награду за ваш самоотверженный ратный труд.

Начальник политотдела дивизии нашел возможность тактично поговорить с командиром полка о боевой работе испанских летчиков. Вскоре Бартоломео Масс и Мигуэль Родригес были включены в боевой расчет.

* * *

Майор Чухно перед строем зачитал только что полученную боевую задачу. Вместе с нами в строю стояли Масс и Родригес. Они наравне со всеми комсомольцами-летчиками уходили в ночное небо, чтобы бить фашистов за свою родную Испанию, за свободу и честь своей второй Родины - СССР.

На боевое задание Бартоломео Масс ушел с Алексеем Томиловым. Первый полет, первый боевой вылет всегда самый памятный. Ночной тем более. Алексей провел своего нового друга

по маршруту четко, не допуская рискованных сближений с немецкими зенитчиками.

- Боря, прибери газок! - скомандовал Томилов, когда их самолет подходил к крупному опорному пункту противника - городу Яссы. - Тут зениток много.

А когда они все-таки напоролись на прожекторы близ немецкого аэродрома, Алексей скомандовал Массу:

- Убирай газ! Вниз, под луч!

Зенитчики открыли огонь, но били они уже вхолостую.

Отбомбились Борис с Алексеем по движущимся автомашинам на дороге. Повернули домой. Когда пересекали линию фронта, Масс не смог скрыть радости:

- Альёша, давай споем!

- Я не знаю по-испански.

- Запевай свою, русскую.

- Ее мы споем со всеми вместе, на земле. Немного помолчали. Потом Томилов спросил:

- Боря, как по-испански - друг?

- Амиго.

- А товарищ?

- Компаньерос.

- Компанейский, значит. Ты и я с сегодняшнего дня - амиго...

Этой же ночью принял боевое крещение и Мигуэль Родригес.

* * *

Компаньерос Масс и Родригес служили в нашем полку до Победы. Много и успешно летали. Оба были награждены орденами Отечественной войны I степени. Но, как это обычно и бывает, в конце концов наши жизненные пути-дороги разошлись.

В середине 60-х годов журналистская судьба привела меня в город Тейково Ивановской области. И здесь совершенно неожиданно для себя я снова встретился с Бартоломео Массой. Звали его теперь Борисом Эммануиловичем и был он советским гражданином. О чем мы только тогда с ним не переговорили. Вспоминали войну, родной Комсомольский полк, боевых друзей... Пытался я у Бориса разузнать и о судьбе Мигуэля Родригеса.

Где он? Как живет? Чем занимается? Однако Масс ничего о своем бывшем соотечественнике не знал и поэтому ничего конкретного сообщить мне не мог.

Выяснилось лишь одно: после войны Родригес возвратился на родину. А дальше... Как знать, ведь в те годы в Испании у власти находился генерал Франко. И ко всем, кто был связан дружбой с Советским Союзом, тогдашние власти относились с подозрением.

Борис и сейчас живет в Тейкове. В 1977 году, после того, как в Испании окрепла демократия, он съездил на родину. Повидал

своих родных и знакомых.

В Тейкове обрусевшего испанца частенько навещают бывшие летчики Комсомольского авиаполка.

Под Яссами и Кишиневом

Маршал С. К. Тимошенко вез в штаб 2-го и 3-го Украинских фронтов план "Новых Канн". По замыслу Ставки предусматривалось прорвать оборону противника силами двух фронтов на далеко отстоящих друг от друга участках: северо-западнее Ясс и южнее Бендер. И, развивая наступление по сходящимся к району Хуши-Васлуй направлениям, окружить и уничтожить основные силы немецких и румынских войск группы армий "Южная Украина" в приграничных районах, не допуская их отхода к Фокшанским воротам, обеспечивая тем самым нашим войскам быстрое продвижение в глубь Румынии и выход к границам Болгарии, Югославии и Венгрии.

В это время наш Комсомольский авиаполк вместе с БАО базировался на небольшой площадке близ села Нигурени, а боевую работу вел с аэродрома подскока, что находился недалеко от села Сарата.

Началу Ясско-Кишиневской операции предшествовала напряженная боевая работа. В то время полк в несколько ослабленном составе (большая группа летчиков, штурманов и техников выехала в Казань за самолетами и в ЗАП за пополнением личного состава) выполнял самые разнообразные задания командования. Вел разведку войск противника, бомбил узлы сопротивления врага, сбрасывал парашютистов в расположение молдавских партизан. Почти ежедневно мы вылетали также и на спецзадания по переброске боеприпасов штурмовикам и истребителям. По сути дела, и днем и ночью летать нам приходилось с максимальным напряжением сил. На сон и отдых времени почти не оставалось, и уставали мы, конечно, изрядно.

В одну из ночей я с Михаилом Киреевым вылетел на разведку по маршруту: Кишинев - Котовск - Хуши. Вместе с нами в воздух без штурманов поднялись командир звена Сергей Ершов из нашей эскадрильи и Николай Шмелев из третьей. Им предстояло южнее Котовска сбросить в расположение партизан парашютистов.

Парашютисты-диверсанты, парашютисты-разведчики, партизаны... Со всеми из них нам уже приходилось иметь дело. Сначала на Калининском фронте, затем на Украине. А недавно отряд партизан гостил на Большой земле.

Они появились в Негуренях около полудня - пестрая колонна вооруженных людей. Фуражки, кепи и, несмотря на жару, даже меховые шапки. Солдатские хлопчатобумажные гимнастерки и

рубашки-косоворотки, расшитые цветными нитками на груди; брюки галифе и шаровары; широкие матросские брюки клеш и обыкновенные штаны. Брезентовые и кирзовые сапоги, ботинки и туфли... У каждого за плечами или на груди ППШ или же трофейные "шмайссеры" с магазинами-рожками и складными прикладами. Почти у всех к поясам подвешены гранаты. Некоторые крест-накрест перехвачены пулеметными лентами...

Партизаны, ни с кем не вступая в разговоры, стали устраиваться на привал у колодца с журавлем.

Кто-то из наших ребят, наблюдая за партизанским привалом, заметил:

- Вот что значит привычка. Даже в такой обстановке, можно сказать, на отдыхе, ведут себя безупречно.

В это время из-за каменного забора большого дома вышли женщина и две девочки. Видно, хотели поглядеть на народных мстителей. Вслед за ними с большим бочонком в руках показался и глава семейства.

- Ребята, хлопчики! Разве по такому случаю холодную воду из крыницы пьют? Угощайтесь вином! - Он поставил бочонок на стол. - Наливайте! Свое, виноградное!

С разрешения командира отряда партизаны выпили по одному стакану. От второго, поблагодарив хозяина за гостеприимство, отказались, объяснив, что там, откуда они пришли, в тылу у немцев, у них действует сухой закон.

Один из молодых партизан-бородачей показался мне очень знакомым. Каштановые волосы, черные цыганские глаза...

- Климов! Виктор! - невольно вырвалось у меня.

- О-о! Сколько лет, сколько зим!..

Мы расцеловались.

- Помнишь запасной авиаполк?..

- Еще бы!..

- А как в партизаны попал?

- Сбили.

- Значит, борода-то пригодилась?

- Как видишь, в самую пору.

- А самолеты?..

- О них все время мечтаю. Буду, обязательно буду летать!

Вот какие порой случаются встречи. Недаром говорят, мир тесен...

Сгустились над селом сумерки, партизаны двинулись дальше в тыл, а мы полетели на аэродром подскока. Снова - на разведку по дорогам и на сброс парашютистов в тыл.

В отсутствие опытных экипажей быстрей приобретали боевой опыт молодые. Пришло время, и я стал среди летчиков считаться

уже "стариком". Полк получил боевое задание разбомбить аэродром противника близ города Роман. Меня и штурмана-комсомольца Ивана Чернышева командир полка послал в голове боевого расчета. Мы должны были первыми прийти в район цели и сбросить на аэродром ампулы с горючей жидкостью.

- На этот пожар выйдут молодые экипажи, - наставлял нас начальник штаба майор Чухно. - Смекаете: сегодня на вас будут равняться все.

К вылету мы с Иваном готовились очень тщательно. Но на меня вдруг напала какая-то хандра, вызванная непонятным тревожным предчувствием. Более всего меня смущала боевая заправка самолета - ампулы с КС. А ведь к ним мы уже вроде привыкли. Порой и в разведку летали - просили подвесить кассеты с ампулами.

Первые полеты с такой заправкой действительно страшили. Да и как было не опасаться, когда все наперебой советовали да стращали: мол, не делайте то да остерегайтесь этого. На взлете, смотрите, хвост не передерите, а то капот "зароется", начнется тряска, ампулы в кассетах треснут, жидкость потечет, самовоспламенится... Стращали и тем, что над линией фронта самолет может поджечь обыкновенная шальная пуля. С бомбами летишь - обстрел не страшен: попадет пуля в бомбу - срикошетит. Ну а если она угодит в кассету с ампулами пожара не избежать, сгоришь, не долетев до земли. Летали мы без парашютов, и, конечно, кассеты с ампулами над сильно защищенной целью были очень опасны. Попадешь над аэродромом противника в лучи прожекторов - только о кассетах и будешь думать.

Все эти прежние страхи, о которых я напрочь уже успел забыть, сейчас словно сфокусировались в одной точке: можно сгореть над целью.

Пока в полку не хватало летчиков, мне приходилось летать на боевые задания почти со всеми штурманами. С Иваном Чернышевым летать мне нравилось. С ним было как-то весело в полете - шутки, побасенки, да и землячество нас сближало - оба родились в Горьковской области.

Сейчас Иван заметил мою скованность и попытался развеселить.

- Ты что скис? - ткнул он меня в бок. - Может, перед полетом в бане помылся? - Мыться в бане перед боевым вылетом считалось плохой приметой.

- Нет, Ванечка, - ответил я на полном серьезе, - водные процедуры мною принимаются, как правило, после приземления.

- Так, может, ты по пути на аэродром попа на дороге встретил?

- Опять не угадал. Если б встретил, то сейчас мы бы с тобой еще не летели.

- Почему?

- В обход пошел бы, а это путь неблизкий.

- Ну, тогда письмо перед вылетом получил и прочитал? Так?

- Получить - получил, а прочитаю, когда прилетим.

- В таком случае ничего не понимаю.

- Что-то меня кассеты смущают, - поделился я с другом опасениями...

Предчувствие на этот раз не обмануло. Вражеские прожектора поймали наш По-2 дважды. Первый раз на полпути к цели, близ Ясс, а второй...

Город Роман встретил нас сильным заградительным огнем. Однако эти "рифы" мы с Иваном миновали удачно. Чернышев подал команду:

- Боевой курс!

Вскоре вышли на цель. Под нами аэродром, стоянки самолетов. Тут-то мы и попали вторично в перекрестье лучей прожекторов. И сразу же ударили немецкие зенитки.

Иван открыл кассеты с ампулами, как мне показалось, с опозданием. Хотелось крикнуть другу, чтоб быстрее сбрасывал "каэсы", чтоб не испытывал судьбу... Но Чернышев сам знает, что делать, здесь я ему не советчик. Штурман в этой огненной круговерти сумел точно прицелиться и сбросил кассеты прямо в "десятку". Ампулы с горючей жидкостью легли очень удачно - на прожекторы. Два из них сразу погасли. А вскоре выключились и другие.

Цель была обозначена, и следовавшие за нами экипажи, удачно отбомбившись, без потерь вернулись на аэродром.

Перед самым началом Ясско-Кишиневской операции в полк прибыли экипажи из Казани и ЗАПа с новыми самолетами и пополнением летного состава.

К тому времени транспортники подремонтировали дороги, подтянулись отставшие тылы, базы снабжения.

Днем 18 августа полк перебазировался на новую точку, ближе к линии фронта. Явный признак приближающегося наступления.

Ночь с 19 на 20 августа 1944 года - ночь начавшегося прорыва войск нашего фронта. До этого мне не приходилось видеть с воздуха крупных наземных сражений. А тут столько артиллерийских батарей, столько "катюш" сразу вступило в дело! Воздух буквально содрогался от грохота артподготовки.

"Мельница" из всех родов войск добросовестно работала и днем 20 августа.

К исходу 21 августа вражеская оборона была сокрушена.

Танкисты и артиллеристы расширили прорыв до 65 километров по фронту и до 40 километров в глубину и вышли на оперативный простор, овладев городами Яссы и Тыргу-Фрумос.

К концу дня 22 августа Ставка Верховного Главнокомандования приказала командующим 2-м и 3-м Украинскими фронтами замкнуть кольцо окружения в районе Хуши, разгромить основные силы противника и открыть таким образом путь к основным экономическим и политическим центрам Румынии.

Точно в назначенный срок войска двух фронтов, преодолевая упорное сопротивление врага, вышли к реке Прут и почти замкнули кольцо окружения огромной группировки противника. Еще через день операция была уже близка к стадии своего завершения: все пути отхода за Прут были перекрыты. Представитель Ставки доложил 23 августа в Москву: "В результате четырех дней операции войска 2-го и 3-го Украинских фронтов сегодня - 23 августа завершили окружение кишиневской группировки".

* * *

Село Кэзэнешти - первая точка нашего иностранного базирования. В глаза бросилась страшная бедность крестьян. Убогие домишки, столь же незавидные хозяйственные дворы. Очень мало домашнего скота - только куры и уцелели. Видно, немецкие власти со своими союзниками не особенно церемонились.

Нам еще до вступления на румынскую землю выдали на руки карманные книжечки-разговорники; по ним мы уже объяснялись с молдаванами. Сейчас, вступая в Румынию, каждый из нас мог уже несколько фраз сказать румынам на их родном языке. Что-то попросить, о чем-то узнать. Экипажи разместились с комфортом - каждому в распоряжение была отдана целая хата. Ребята знакомились с хозяевами, вникали в дела и заботы местных жителей.

- Вы одни живете? - спросили хозяина дома Петр Жарликов и Василий Муратов.

Тот ответил, что сейчас в доме живут только двое - он и жена.

- А на фотокарточке кто?

- Это старший сын, - ответил хозяин. - Он погиб под Одессой. А рядом младший. Тоже с войны не вернулся. Говорили, что погиб под Сталинградом.

- Может, не погиб, - успокоил Жарликов. - Под Сталинградом много румын в плен сдалось.

Алексею Томилову хозяин квартиры попался какой-то робкий. Дичился, в разговор вступал неохотно, с опаской. Но так

продолжалось недолго. Через какой-то день-два советский летчик и румынский крестьянин уже стали друзьями. Узнав у Томилова, что тот родом из Сибири, хозяин спросил:

- А что у вас там растет?

- Как что? Все растет. Лес всякий, больше хвойный - тайга. А также хлеб.

- Хлеб? - удивился румын. - Так в Сибири же страшные морозы?

- Зимой - да, морозы сильные бывают, аж земля трещит. А лето у нас жаркое.

Как выяснилось, хозяин неспроста завел этот разговор. Слыхал он, что Сибирь - это ссылка. И немцы пугали румынских крестьян: "Вот придут русские, всех в колхоз загонят. А кто в колхоз не пойдет, в Сибирь сошлют".

Томилов в популярной форме объяснил, что Сибирь - это его родина и что лучше ее он ничего на свете не знает. Рассказал и о колхозах, да так доходчиво, что румынский крестьянин убежденно заявил: "Если так, то другое дело. Колхоз - это добрый помощник бедняку. Если так, то я за колхоз".

- И никто вас в колхоз загонять не собирается. Вы сами будете решать, как вам жить.

Крестьянин повеселел.

В результате победоносного завершения Ясско-Кишиневской операции Румыния вышла из гитлеровского союза и пошла вместе с нами против фашистской Германии.

Рядом с Дебреценом

Вот и мы, авиация, на земле последнего сателлита фашистской Германии приземлились на полевом аэродроме в Венгрии. Позади - горы. Впереди - широкая равнина.

Истребители, штурмовики и большегрузные бомбардировщики еще базировались где-то в долине Мурешула, в Румынии, а наши самолеты, словно грачи-разведчики ранней весной, сели поблизости от линии фронта.

До этого мы много и плодотворно поработали, чтоб не дать противнику осуществить одну из последних его наступательных операций под кодовым названием "Цыганский барон". Вместе с наземными войсками, активно помогая им, 930-й Комсомольский авиаполк принял непосредственное участие в боях за Северную Трансильванию и ее столицу Клуж. Приказом Верховного Главнокомандующего полку было присвоено почетное наименование "Трансильванский".

* * *

Кереш-Ладань - первый в Венгрии "занятый" Комсомольским авиаполком населенный пункт. "Населенный" - звучит, пожалуй,

не совсем точно, вернее будет сказать - безлюдный. В какой дом ни загляни - ни души, все кругом будто вымерло.

Пропагандисты геббельсовского ведомства поработали и здесь. Мадьяры, стар и млад, покинули родные жилища в страхе, что придут большевики - коммунисты и комсомольцы, "эти чудовища в образе человека", которые... Словом, так же, как и в свое время в Румынии, фашистские агитаторы и венграм внушали о нас всяческую чушь. Вплоть до того, что мы будем толпами угонять местных жителей в большевистское рабство, а непокорившихся вешать и расстреливать.

Жители Кереш-Ладани снялись с насиженных мест так поспешно, что в некоторых домах остались не вынутыми из печек приготовленные к обеду супы и вторые блюда. И везде, в каждом доме, по полкам было расставлено множество самых разнообразных солений, варений, маринадов.

Во дворе дома, выделенного адъютантом эскадрильи для экипажей Жарликова и Анисимова, друзья обнаружили в горячей еще печке аппетитно пахнущие румяные караваи хлеба.

- Слышишь, Петя, как они потрескивают? - с видом знатока сказал Муратов, штурман Жарликова.

- Как бывало дома, у мамы, - вставил Анисимов. - Эх, ребята. Перекусить бы...

Батальон аэродромного обслуживания, наш кормилец, безнадежно отстал. Очевидно, на такой рывок никто не рассчитывал: нам даже не выдали питание сухим пайком. Бензозаправщики и автомашины с боепитанием тоже находились где-то в пути. Вылетов на боевое задание ожидать не приходилось. И поужинать в такой обстановке было бы в самый раз.

- Ну и пусть БАО где-то плутает, - поделился вслух своими мыслями Саша Костров. - Перейдем на подножный корм, - и весело добавил, показывая на уставленные яствами полки: - Вон сколько всяких закусок для нас приготовили мадьяры!

- А что, мысль ценная!

- С таким аппетитом сейчас порубаем!..

Но в это время раздался отрезвляющий голос вошедшего во двор адъютанта:

- Отставить! Что за разговорчики? А вдруг вся эта пища специально для нас оставлена?

- Хочешь сказать - отравлена?

- Хвалю за догадливость.

...Только к утру следующего дня в Кереш-Ладань въехал длинный обоз нашего БАО. Завтракали мы уже в своей столовой. Днем все встало на свои места. А когда стемнело, полк всем

составом уже летал на бомбежку вражеских опорных пунктов.

* * *

Ночь с 6 на 7 октября 1944 года оказалась для нас трагической - с боевого задания не пришли сразу два экипажа: старший лейтенант Ивановский с младшим лейтенантом Туриком и младшие лейтенанты Протопопов и Сиверсков. И мы уже знали, что они не вернутся. Погибли над целью.

Не верилось, что такие отличные ребята больше не появятся среди нас.

Павел Иванович Ивановский... Именно Павел Иванович, а не Паша и даже не Павел. Его все привыкли уважительно называть по имени-отчеству, хотя и был он наш ровесник.

За что его все в полку любили? Трудно ответить на этот вопрос. Наверное, прежде всего за щедрость, за доброту. И еще за прекрасный голос. Если кто-то из ребят в свободное время заводил широкую, раздольную русскую песню, то тут уж без Павла Ивановича было не обойтись. Особенно он любил петь "Вечерний звон", когда песню исполняли на три-четыре голоса. Служил я под началом Павла Ивановича больше года, но не помню случая, чтобы он хоть раз повысил на меня голос. А ведь далеко не все у меня тогда получалось так, как надо. Ему было достаточно посмотреть на провинившегося, улыбнуться как-то по-особенному да головой покачать, и все становилось яснее ясного.

И ему все платили взаимностью. Вот, помню, совсем недавно, когда мы стояли еще в Молдавии, в Негуренях, Павел Иванович раненый лежал в полковом лазарете. Кто-то сказал, что выздоравливающим полезно виноградное вино. Этого было достаточно, чтобы друзья Ивановского, а их у него было много, прикатили к его окну в санчасти целую бочку вина: только быстрей поправляйся.

Борис Владимирович Протопопов... Москвич. У меня даже сохранился его адрес: Зеленые горы, 16. Кряжистый, крепко сбитый, широкоплечий парень. Весельчак и острослов. Все у нас звали его просто Борей. Он. как-то быстро вошел в нашу эскадрилью и в коллектив полка. Этому способствовала, пожалуй, наша художественная самодеятельность. Протопопов, тогда еще сержант, пришел однажды на репетицию нашего джаз-оркестра и, улыбнувшись, со знанием дела заметил:

- Что это за джаз без настоящего ударника! - И тут же, взяв палочки, выкинул такое коленце, что все участники самодеятельности решили: быть тебе, Боря, ударником в джазе!

Борис так сжился с оркестром, что со своим инструментом не расставался никогда, даже при выполнении боевых заданий. Барабан он хранил в гаргроте самолета.

Летал новичок смело, я бы сказал, с улыбкой, как и играл в джазе. И, безусловно, не портил общего строя "боевой песни". Однажды в экипаже с Иваном Чернышевым Борис разбомбил большой немецкий склад с боеприпасами и был награжден орденом Славы III степени. А вскоре ему было присвоено звание офицера.

Как и многие другие летчики, Борис не был исключением в соблюдении различных примет. И барабан в гаргроте самолета он считал чуть ли не спасательным талисманом.

Гриша Турик... Григорий Ильич, штурман в экипаже Ивановского, комсорг второй эскадрильи. Этим, пожалуй, все сказано. Недавно был принят в члены ВКП(б), но продолжал работу в комсомоле. Скромный парень-трудяга. С ним я тоже познакомился в нашей полковой художественной самодеятельности. Еще на Калининском фронте. В литературных монтажах он обыкновенно очень выразительно читал патриотические стихи. А потом "за компанию" освоил гитару. В песне "Наш джаз" фигурирует и его имя:

...Турик Гриша,
Киреев Миша
Наш большой веселый коллектив.

С Протопоповым в экипаже штурманом постоянно летал мой земляк Сережа Сиверсков. Родом он был из Павлова-на-Оке. Там на улице Кирова, 9/38, в квартире No 2 жила его мать Анна Арсентьевна, которая вот уже четыре года ждала сына. А ее Сережа, Сергей Петрович, остался навечно в Венгрии.

В полукилометре от города Сарваш, у дороги Сарваш - Дьюла, выросли четыре холмика земли и четыре обелиска, увенчанные красными звездами...

Гибель боевых друзей всегда горька. Вот и сейчас эта утрата вновь переполнила сердце комсомольцев-летчиков ненавистью к врагу.

- Гибель четверых замечательных наших боевых друзей зовет к отмщению, сказал на траурном митинге летчик Григорий Усольцев. - И мы не успокоимся, пока не отомстим за жизнь каждого из них, уничтожив десятки, сотни фашистов!

* * *

Осенние ночи везде и всюду - осенние. И в Венгрии они тоже были тогда хмурыми, темными и очень длинными. Фронт продвинулся далеко на запад. Цели для бомбометания тоже отодвинулись. Любой боевой полет - на полный расход горючего. И каждый экипаж Комсомольского авиаполка в этих условиях делал по два-три вылета. Мы бомбили скопления войск противника в Чонграде, в Сольнове, часто летали на разведку.

По себе знаю, как каждый из нас уставал в таких изнурительных полетах. Вспоминается полет на бомбежку войск противника в городе Чонград. Продолжительность полета - три часа. Мы с Мишей Киреевым пошли на третий вылет. Мотор гудел монотонно и убаюкивающе. Мне страшно хотелось спать. Что я только не делал, чтобы не уснуть, - и щипал себя, и кулаком по ногам бил... И все-таки усталость взяла свое - я заснул. Спал недолго, самое большее минуты две. Но успел даже сон увидеть. Проснулся же от резкого нырка самолета видимо, склонился головой на ручку управления, машина пошла в пике, и я стукнулся головой о приборную доску... Быстро выровнял самолет по горизонту, в переговорное устройство спросил штурмана:

- Мишель, как чувствуешь себя?

Молчание. Я громче и строже:

- Мишка! - кричу. - Где мы находимся?!

Ни звука.

Пришлось прибегнуть к ручке управления. Резко качнул машину влево, вправо...

- А? Что? Что случилось?.. - услышал наконец голос штурмана.

- Ты что же это, спишь?

- Вот черт, и правда, задремал, кажется, малость...

- А я так и вовсе уснул.

Только сейчас до нас дошло, чем мог кончиться этот третий полет на Чонград.

Вернулись домой, рассказал ребятам о нашем приключении. Комэск Сергей Ершов, вопреки ожиданиям, не стал мне читать мораль.

- Бывает, - сказал он. - Я тоже недавно чуть не уснул. Но я предупредил штурмана Коновницына. Кстати, Костя умеет управлять самолетом в воздухе.

- Когда штурман может пилотировать, это хорошо, - включился в разговор Иван Хотяшов. - Но искусству пилотирования быстро не обучишь. А против сна у меня есть верное средство, действует моментально. Достаю папиросу, беру из нее немного табака и растираю на ладони мелко-мелко, почти до пыли. Нюхну такое зелье - непременно чихну. И сон как рукой снимает.

Иван Игнатьевич, как всегда, оказался прав. Таким средством я и многие другие летчики не раз пользовались в длительных полетах - выручало.

Наука Ивана Хотяшова осталась в памяти на всю жизнь. Помнится, лет двадцать пять спустя после войны сидел я на одном представительном совещании.

Доклад был очень скучным, и у меня, что называется, начали слипаться глаза. Подумал: "Чего доброго, захраплю еще... Придется тогда краснеть". Вспомнил фронтовой противосонный рецепт. Достал папиросу, растер в ладони табак, понюхал... И сонливости как не бывало...

* * *

Запомнилась нам и происшедшая в те дни встреча с американскими летчиками, совершавшими так называемые челночные операции. Назывались эти полеты челночными потому, что самолеты, как челнок в ткацком станке, сновали из одного конца фронта в другой. Вылетали откуда-то из Англии и, отбомбившись по объектам в Германии, садились на нашей территории. Заправлялись здесь топливом, пополняли боезапасы и отправлялись на запад. Попутно бомбили войска противника в секторе нашего фронта.

О челночных операциях мы, конечно, были наслышаны. А тут довелось узнать новость прямо-таки сенсационную: две "летающие крепости" ("летающие крепости", а не наши "кукурузники"!) приземлились поблизости от нашего аэродрома, совершив вынужденную посадку: их подбили над Сольноком, над целью, которую мы бомбили не менее 200 раз. Самое смешное, пожалуй, заключалось здесь в том, что мы на своих "русс-фанер" не потеряли ни одного самолета, а "боинги" с первого вылета сели на вынужденную.

Некоторые комсомольцы-летчики ездили с визитом вежливости к союзникам. Там-то и узнали они историю с вынужденной посадкой. Должен заметить, что с американцами у нас тогда отношения были очень хорошими.

* * *

Скопление войск и техники противника в Сольноке наш полк бомбил в ночь с 13 на 14 октября. Максимальное количество вылетов на эту цель было сделано и в ночь на 15 октября.

15 октября утром, сразу после завтрака, мы, по обыкновению, настраивались на отдых. Но в столовую чуть ли не бегом влетел начальник оперативного отдела штаба капитан Лятецкий.

- Внимание! - он поднял руку над головой. - Летчикам и механикам не расходиться. Сейчас подойдет машина, поедем на аэродром. Получена телеграмма срочный вылет на спецзадание.

Приказ есть приказ. Его не обсуждают, а выполняют. Ночь без сна летчику-ночнику дело привычное. Да и дневные спецзадания после боевых ночей нам не в диковинку. Сели в машины - и на аэродром. Всем составом полка полетели под Дебрецен, находившийся еще в руках противника, на полевой аэродром в Орадие-Маре.

Приземлились на новой точке часов в десять. Чтобы скоротать время, а заодно уж и погреться, кто-то разжег костры. В дело пошел хворост-валежник, сложенный на окраине площадки у лесочка.

- Полк, становись! - послышалась команда.

Мы все быстро построились.

Подполковник Чернобуров (Еренков к этому времени получил новое назначение, и теперь он командовал полком) объяснил задачу:

- Три дня назад войска конно-механизированной группы генерала Плиева во взаимодействии с 33-м стрелковым корпусом освободили город, близ которого мы сейчас находимся, и стремительным броском двинулись на север. А сейчас плиевцы оказались в окружении где-то юго-западнее пункта Хайду-Собосло, - командир развернул карту и уточнил: - Это недалеко от Ньиредьхазы.

Мы тоже достали карты. Нашли названный пункт. А подполковник после небольшой паузы продолжил:

- Нам приказано сегодня, сейчас, - Чернобуров поглядел на чистое голубое небо, затем на строй летчиков, - разыскать окруженных конников, наладить с ними связь и с максимальной напряженностью вывозить в расположение плиевцев боеприпасы и продукты питания.

Строй полка стоял словно наэлектризованный. Не хватало только искры-разрядки. Это чувствовали, безусловно, и командир, и комиссар полка. Как поступить? Что предпринять? Ведь задание должно быть выполнено во что бы то ни стало! Кого послать в такой опасный рейс? Нужен самый храбрый, самый надежный экипаж. И, видимо, вспомнив ситуацию, сложившуюся в свое время под Корсунь-Шевченковским, Батя решил еще раз испытать коллектив полка на мужество:

- Кто желает добровольно полететь на розыск конно-механизированной группы? - Командир еще раз оглядел строй и скомандовал: - Шаг вперед!

И, как тогда, под Корсунем, весь полк шагнул к командиру. Никто не хотел оставаться в стороне от выполнения рискованного задания.

Командир и комиссар улыбнулись: мол, иного и не ожидали. Но теперь им самим предстояло решить, кого же отправить в этот, смертельного риска, полет. Выбор пал на экипаж комсомольцев Николая Шмелева и Ивана Суворова. Их вызвали из строя, и минут пять комполка с комиссаром о чем-то с ними совещались. Впрочем, нетрудно было догадаться, о чем именно: разговор, конечно же, шел об одном - как выполнить боевое задание.

Шмелев и Суворов улетели на север, к линии фронта. Улетели работать.

Оставшимся на земле тоже было не до отдыха. Все с нетерпением поглядывали на часы. Как томительно тянутся минуты!.. Прошел час - никаких известий. Раскрутился второй... Не слышно знакомого рокота мотора, ничего не видно на ясном горизонте.

Расчетное время кончилось: в бензобаке самолета израсходовался весь бензин. Дальше лететь можно, как иногда мы шутили, только на самолюбии.

Снова весь полк в сборе, в строю. Нет только экипажа Шмелева. "Кого еще пошлют сейчас в полет?" На этот раз приказ на вылет получили сразу два экипажа - Дмитрий Климанов с Иваном Антоновым и Александр Анисимов с Александром Костровым. Расчет, видимо, был такой: кто-то из двоих все-таки прорвется сквозь огонь врага и найдет плиевцев. Боевой приказ будет выполнен.

Строгие, сосредоточенные лица летчиков. Натянутые до предела нервы...

Снова короткое совещание улетающих с командованием полка. Ни напутственных слов, ни прощаний... Всем хотелось верить, что ребята улетают ненадолго, что скоро они вернутся.

Вылетели парой. Климанов ведущий, Анисимов ведомый. Через несколько минут, идя на бреющем, они уже скрылись из виду. Да, в таких условиях, днем, на такое рискованное боевое задание можно идти, только близко прижавшись к земле, прячась от противника в складках местности, в перелесках, обходя крупные населенные пункты.

Вот и линия фронта - окопы с ходами сообщений, блиндажи... Гитлеровцы и хортисты открыли по низко летящим самолетам огонь из всех видов оружия. Но поздно. "Поликарповы-2" уже вышли из опасной зоны.

Что спасало смельчаков? Трудно ответить. Прежде всего, наверное, смелость. И бреющий полет. А значит, и верный расчет: как можно быстрее проходить зону обстрела.

Умело используя складки местности - овраги, балки, перелески, обходя крупные населенные пункты, смело маневрируя по высоте полета, экипажи Климанова и Анисимова довольно быстро сумели обнаружить нашу конно-механизированную группу. Конники несказанно удивились неожиданному прилету комсомольских экипажей:

- Не надо нам ничего! Все у нас есть, - сказал полковник-кавалерист. Можем и с другими поделиться своими запасами.

- Даже пленные, - добавил, улыбаясь, офицер-штабист, -

только вот не знаем, кому их сдать.

Все это действительно было так. Но командование фронтом располагало более точными сведениями. В штабе, например, уже знали о намерении гитлеровцев блокировать конников крупными силами и ликвидировать эту группу советских войск, приносившую так много неприятностей в немецком тылу. Потому-то наше командование и принимало срочные меры.

Ребята подыскали близ Хайду-Собосло небольшую посадочную площадку, на которой можно было принимать самолеты. Договорились о сигнальных кострах и вскоре отправились в обратный путь.

Стемнеть еще не успело, и немцы вновь на линии фронта встретили наши По-2 ураганным огнем. И вновь смельчаков выручила избранная ими тактика бреющего полета, укрытия в складках местности.

Это было похоже на чудо - двухчасовой полет в ясную солнечную погоду над территорией, занятой противником, закончился для обоих экипажей вполне благополучно. Если, конечно, не считать множества пробоин на крыльях и в фюзеляжах самолетов.

С последними лучами заходящего солнца Климанов и Анисимов посадили свои машины на аэродроме Орадие-Маре.

- Саша, жив?! - первым Анисимова обнял парторг полка капитан Изотов, наш политический наставник.

А Саша лишь смущенно улыбался: мол, чего уж там, просто мы исполнили свой долг.

Да, быстро летит время... Кажется, совсем недавно лейтенант Анисимов был сержантом, самым молодым летчиком в полку. Чуть перешагнув за 17 лет, он открыл счет своим боевым вылетам. В неполные восемнадцать получил первую награду Родины - орден Красного Знамени. Федор Данилович хорошо помнил, как 16 декабря 1942 года третья эскадрилья отмечала день совершеннолетия Саши. Погода была нелетная, на всю ночь отбой. На столе сэкономленный за два дня фронтовой паек водки - всего на два тоста, больше нельзя.

- Ну, товарищ Анисимов, за твое совершеннолетие! - торжественно-иронично, нажимая на слово "товарищ", сказал тогда Изотов. - Теперь ты взрослый, и с этого дня имеешь право "избирать и быть избранным". Никто не запретит тебе жениться. Гордись и будь здоров!

И вот какой орел из того птенца вырос!

Изотов любил вспоминать свои боевые вылеты в экипаже с Анисимовым. Однажды - это было еще на Калининском фронте - их самолет попал в мощное перекрестье лучей шести

прожекторов. Почти одновременно по освещенной цели ударило столько же "эрликонов". Как летчик сумел вырваться из этого ада, на это он и сам вряд ли бы смог ответить.

На аэродроме, подсчитывая пробоины в самолете, Изотов спросил молодого пилота:

- Сильно трухнул, Саша?

- Очень...

- Я тоже...

Вот и пойми ты русского человека: сознается, что страшно, что "трухнул", а ведь комиссар сам только что видел, как спокойно, расчетливо, смело вел себя Анисимов в бою.

Анализируя такие "острые моменты", Изотов позднее скажет: "Храбрость и умение неразлучны для летчика, они немыслимы отдельно друг от друга".

Да, повзрослел, возмужал за эти годы Александр Анисимов. То же самое можно было сказать и о Дмитрии Климанове, об Иване Антонове, об Александре Кострове, о Николае Шмелеве, об Иване Суворове, о многих из нас. О каждом.

На нашу площадку уже подвезли ящики с артиллерийскими снарядами и патронами, мешки с сухарями. С наступлением темноты двадцать экипажей полка с интервалом в пять минут полетели курсом, проложенным Климановым и Анисимовым. Кстати, Климанов и Антонов, Анисимов и Костров и на этот раз оказались лидерами. В ночной рейс они полетели первыми.

Из полета к плиевцам Климанов возвратился радостно-возбужденный и взволнованный:

- Днем мы с кавалеристами договорились только об условных сигнальных кострах, - доложил он в штабе. - А там сейчас выложили настоящий ночной старт с электрическим Т.

Штабисты расцвели в улыбках:

- Это Шмелев оборудовал посадочную площадку электростартом!

- Как - Шмелев?! Он жив?

- Живы и здоровы оба - и Шмелев и Суворов!

* * *

В ночь с 16 на 17 октября боевое задание осталось прежним - продолжать доставку боеприпасов частям шестого кавалерийского корпуса. Более опытные экипажи садились на выбранной площадке и разгружались, как говорится, из рук в руки. Менее опытные сбрасывали боеприпасы с низкой высоты к выложенным кострам.

Как оказалось, эти полеты вылились в добрый опыт. На другой день последовало дополнение к прежнему распоряжению: "В ночь с 17 на 18 октября выделить лучшее звено По-2, выслать

его к 19.00 на аэродром Сечхалом, где летному составу 392-го и 992-го авиаполков передать опыт сбрасывания боеприпасов ночью с малой высоты".

Воздушный мост от аэродрома Комсомольского полка к часто меняющим свое местоположение кавалеристам стал действовать надежно и бесперебойно.

* * *

29 октября 1944 года совместными усилиями конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева (в окружении находилась только небольшая часть корпуса), Дунайской флотилии, 5-го гвардейского танкового корпуса и 33-го стрелкового корпуса был освобожден важный промышленный и административный центр - город Дебрецен. Вскоре весь состав нашего полка перебазировался на стационарный Дебреценский аэродром. Отсюда мы продолжали с максимальной напряженностью летать к окруженным конникам, которые переместились к этому времени на южную окраину Ньиредьхазы, ведя тяжелые бои с крупными силами противника.

Перед одним из вылетов в штаб полка доставили телеграмму:

"Командиру группы По-2. На основании распоряжения Каманина приказываю: немедленно выслать самолет По-2 на южную окраину Ньиредьхазы. Свяжитесь с Плиевым. Необходимо забрать там венгерского пленного капитана Паренак.

Зам. начальника штаба 331 НАД подполковник Чистых".

Задание вывезти пленного мадьяра в Дебрецен получил экипаж командира звена третьей эскадрильи Павла Титаренко. Павел со штурманом Николаем Ланцовым доставили от кавалеристов венгерского офицера. Капитан оказался важной птицей. Через него командование венгерской армии намеревалось начать переговоры с советской стороной о выходе Венгрии из войны и о совместной борьбе против немецких оккупантов.

Гитлеровцы узнали о происках своего последнего сателлита и ужесточили контроль над соединениями Хорти, введя, по сути дела, "новый порядок" на всей территории Венгрии, оставшейся под их контролем.

Блокировав севернее Дебрецена отдельные кавалерийские части генерала Плиева, немецкие войска стремились ликвидировать их любой ценой. В какой-то мере это могло бы поднять пошатнувшийся престиж гитлеровской военной машины.

Ох, как опасен недобитый зверь!.. Мы это почувствовали на себе.

27 октября, с вечера, полк в полном составе был готов к вылету на выручку к друзьям-конникам. К крыльям самолетов привязаны ящики с патронами и снарядами. Баки заправлены

бензином. На картах нанесен маршрут: Дебрецен южная окраина Ньиредьхазы. Осталось дождаться связного самолета - командира первой эскадрильи капитана Ершова. Он должен прилететь от плиевцев и сообщить, на какую площадку садиться и где будет организован прием груза на сброс.

Уже начали спускаться сумерки. Что же так долго нет Ершова? Не случилось ли чего там, у кавалеристов?

Предчувствия не обманули. На подходе к аэродрому появился самолет с зажженными аэронавигационными огнями.

- Почему он не выключает АНО?

- Он и себя демаскирует, и аэродром...

- Что-то случилось, наверно.

На "коробочке" самолет поморгал бортовыми огнями. Земля ответила включением посадочных огней. Капитан Ершов, большой мастер ночного пилотажа, притер По-2 на три точки у Т. Быстро срулил на нейтральную полосу. Все, кто находился на аэродроме, окружили комэска-1. Рассказ Ершова был краток:

- Немцы прижали конников. Плиев решил выходить из окружения.

У плиевцев, как оказалось, было звено самолетов связи. Ночью летчики звена не летали. Но не оставлять же "живые самолеты" врагу! Ершов сказал летчикам-связистам, что включит АНО, и это будет хорошим ориентиром для них, чтобы собраться вместе и строем лететь в Дебрецен. И вот летчики-связисты над нашим аэродромом.

- Надо создать для них дневные условия посадки, - предложил Ершов.

С ним моментально все согласились. Над аэродромом взлетели одна за другой белые ракеты. Не успевала погаснуть одна, как загоралась другая. Летчики-связисты благополучно приземлились.

Никто в этой суматохе не заметил, как к аэродрому подошел еще один самолет с включенными АНО. Хитрость врага сработала: его приняли за своего. Правда, не все.

В стороне прогрохотала очередь из крупнокалиберного пулемета - это стрелял кто-то с самолета-штурмовика Ил-2 (штурмовой полк в это время базировался на одном с нами аэродроме). Но на эти выстрелы никто не обратил внимания. Подумали, что оружейники пробуют пулеметы, готовя самолеты к вылету.

И вдруг раздался характерный визг падающих бомб.

- Воздух! - послышалась запоздалая команда.

- Ложись!!!

Летчики бросились на землю.

Мелкие бомбы-лягушки, прозванные так за их свойство подпрыгивать после удара о землю и рваться настильно, создали сплошную стену огня.

- Погасить стартовые огни, - скомандовал командир полка.

Но до выключателя так просто не дотянешься - к нему надо бежать. Вот кто-то быстро поднялся и тут же упал, скошенный осколками. Смертельно ранен лейтенант Ефремов. Еще семь человек получили тяжелые ранения. В их числе командир звена Сергей Безбородов, штурман звена Николай Ланцов, летчик капитан Горбачев, оружейник старшина Деканов...

Прибавилось работы нашему полковому врачу Георгию Морозову{6}. Пожалуй, за всю войну ему не приходилось работать так напряженно. Это напряжение чувствовалось во всем - и в торопливых, но уверенных действиях рук, и в сосредоточенно остром взгляде внимательных серых глаз. Состояние доктора выдавали выступавшие на высоком лбу тяжелые капли пота. Сестра милосердия милая наша сестричка - ловким движением проворных рук снимала эти капли кусочком марли.

Застонал пришедший в сознание Сергей Безбородов. Морозов, только что закончивший "штопать" лицо капитана Горбачева, сразу переключился на обработку ран Безбородова...

Военные медики... Они не ходили в атаки, не уничтожали самолеты и танки, переправы и узлы сопротивления врага. Но в каждом подвиге солдата есть доля героического труда людей в белых халатах. У них в войну были свои сражения сражения за человеческие жизни.

На другой день, рано-рано утром, немецкие самолеты проштурмовали аэродром в Дебрецене. Много наших самолетов получили повреждения.

Неудачи могут сломить слабых. Но мы себя не относили к их числу. Через день, когда наши механики починили поврежденные По-2, комсомольцы полка сквитались с фашистскими асами, разбомбив ночью их аэродром.

В небе над Будапештом

Будапешт... Еще вчера ты был в стороне от наших опасных воздушных дорог. И на своих картах-пятикилометровках мы закладывали тебя под обрез планшета. На всякий случай - может, пригодишься. В навигационном отношении ведь отличный ориентир: большой город на большой реке. Вернее, две твои почти равные части, Буда и Пешт, разделенные голубым Дунаем, текущим почти по компасу с севера на юг. И тут же, посреди реки, остров Чепель.

Будапешт... Мы уже были наслышаны о тебе, о красоте твоих улиц, площадей и мостов через Дунай, об удивительно красивой

архитектуре дворцов и замков, о легендарной горе Геллерта.

Честное слово, хотелось свидеться с тобой, славный город на Дунае... Но только не так.

...Сначала в нашем лексиконе появилось словосочетание "будапештское направление". Направление наступления 2-го Украинского фронта. Были сделаны первые боевые вылеты на разведку войск и техники противника по дорогам, идущим к венгерской столице. До Будапешта мы еще не долетали. Он пока находился в радиусе недосягаемости для наших самолетов. Да и кто из нас мог тогда подумать, что мы на По-2 будем его бомбить?

Пришлось бомбить, причем много раз.

2 ноября мы с аэродрома подскока, который располагался в восьми километрах юго-западнее пункта Девааньи, летали на бомбежку вражеских войск в Надьюкереш и по дорогам от пункта Дион на Кечкемет. Будапешт находился в 130 километрах от линии фронта.

Полк перебазировался на новую точку. Только и она оказалась уже далеко от передовой. Начали вновь работать с аэродрома подскока: полеты на разведку в районы Уйсас, Ясладань, Ясапати, Ясберень, Надьката.

Наступил день 3 ноября 1944 года. Его очень хорошо запомнили летчики-комсомольцы. Был получен боевой приказ - бомбить войска и технику противника в самом Будапеште.

Ночь с 3-го на 4-е выдалась на редкость светлая, полнолунная, с дымкой на горизонте.

Чтобы максимально обезопасить экипажам работу над целью, нам предложили с бомбовым грузом набрать "потолок" - кто сколько сможет. И с планирования, так, как мы уже привыкли, выискивать противника на улицах Будапешта. С планирования и бомбить.

- Товарищ лейтенант, самолет к вылету готов, - доложил мне старшина Подзерей. Чувствуется, что механик тоже волнуется.

Мы с Киреевым для порядка проверили подвеску бомб, стопорные "усики" на ветрянках взрывателей, запас белых и красных ракет. Запустили мотор. Все в порядке, гудит ровно.

- Ну, ни пуха! - напутствует нас штурман эскадрильи.

- К черту!

...Широкая лента великой реки, появившаяся слева, вызвала какое-то трепетное чувство. Словно после долгих лет разлуки вернулся на родную Волгу.

Будапешт... Даже с нашего "потолка" он виден нам не весь. Замечаем на одной из улиц колонну автомашин. А может, это танки?

- Видишь? - спрашивает штурман.

- Вижу.

Киреев берет бразды правления в свои руки. Командует, сколько надо довернуть и когда: "Так держать!"

Прилетели домой - у всех только и разговоров о Будапеште, о Дунае, о только что завершенном полете.

В первом налете на столицу Венгрии участвовало лишь одиннадцать экипажей. Все отбомбились успешно. Второй вылет оказался, как всегда, труднее. Вражеские зенитки были уже начеку. Однако и он закончился для нас вполне благополучно.

Когда Будапешт стал прифронтовым городом, мы летали бомбить войска и технику противника в нем уже всем составом полка. Летали в любую погоду. Порой, чтобы только точнее, эффективнее поразить цель, снижались чуть ли не до крыш.

В полетах на венгерскую столицу более других отличился экипаж в составе летчика Федора Парфенова и штурмана Мубарака Зарипова. И летчик и штурман в полк прибыли сравнительно недавно. Но молодой коммунист Парфенов сразу же показал себя грамотным командиром. За последние два-три месяца Федор летал почти с каждым из штурманов второй эскадрильи. И каждый о нем говорил: "Смелый, находчивый летчик". К летчику-коммунисту в экипаж дали молодого штурмана-комсомольца Зарипова, татарина по национальности, малоразговорчивого, спокойного и какого-то уж очень тихого. Но летчик и штурман, как говорится, быстро нашли общий язык. Как сказали бы теперь, в экипаже установился идеальный психологический микроклимат. Летчик отлично владел техникой пилотирования самолета ночью. Мубарак безошибочно ориентировался на местности и мастерски бомбил. Большего тогда не требовалось. А ребята еще были страшно злы на фашистов. У Федора Парфенова на фронте погиб отец. У Зарипова - брат. И они буквально рвались в бой, чтобы отомстить гитлеровцам за смерть родных, за все злодеяния фашистов на нашей земле.

* * *

Праздник 27-й годовщины Великого Октября мы встретили, можно сказать, у ворот Будапешта. Сначала полк базировался в пункте Кендереш, затем в Яношхиде. Отсюда до Будапешта было уже рукой подать.

Как-то, забыл, правда, на какой именно из стоянок полка, нам довелось встретиться с венгерским патриотом по имени Иштван. Иштван на удивление хорошо владел русским языком. Оказалось, что во время первой мировой войны он, после знаменитого Брусиловского прорыва, попал в плен и длительное время жил у

нас в Сибири. После победы Октябрьской революции, когда Советская власть провозгласила лозунг "Мир народам!", уехал к себе на родину. Да не один, а с молодой женой.

Иштван хорошо помнил Венгерскую советскую республику 1919 года, не раз видел вождя венгерской революции Белу Куна, который, как и Иштван, был сначала военнопленным в России, а затем, вступив в ряды Красной гвардии, командовал отрядом венгерских интернационалистов. Иштвану остались близки идеи Венгерской республики.

- Наши крестьяне, - говорил нам новый друг,--всем сердцем вместе с Советами. Если вам нужна какая-то помощь, только скажите. Мы все сделаем для Красной Армии.

И Иштван действительно искренне старался во всем помочь Комсомольскому полку: в размещении личного состава, в оборудовании посадочной площадки...

От него наш парторг Федор Данилович Изотов узнал довольно интересную подробность из текущей жизни Венгрии. Иштван рассказал о том, что регент Хорти, четверть века правивший страной, а в последние годы прислуживавший Гитлеру, смещен с поста. Вместо Хорти к власти в Венгрии немцы поставили Ференца Салаши, главаря нилашистов, который по радио объявил на весь мир о намерении продолжать войну вместе с Гитлером до победного конца.

Из других, уже официальных, источников мы узнали, что немцы сняли из Греции, Югославии и с Западного фронта не менее 25 дивизий и бросили их на защиту столицы Венгрии.

* * *

Между тем бои за Будапешт продолжались. Обойдя столицу Венгрии с юго-запада, войска маршала Толбухина (3-й Украинский фронт) развернулись к Эстергому. Туда же с востока устремились и войска нашего 2-го Украинского фронта. Несколько ночей Комсомольский полк с максимальной напряженностью бомбил переправы через Дунай у Эстергома, затрудняя немцам маневр войсками и техникой.

И вот гигантские клещи вокруг Будапешта сомкнулись. Бои разгорелись сразу на нескольких направлениях. Танки и кавалерийские части 2-го Украинского фронта, заняв город Вац, ринулись на юг по берегу Дуная и вскоре подошли вплотную к северным и северо-восточным пригородам венгерской столицы.

188-тысячная будапештская группировка противника оказалась в кольце.

* * *

Осенняя погода - погода неустойчивая. Верно, это о таком времени года говорится - на дню семь перемен. Были одна или

две ночи ясные, полнолунные, с легким морозцем. А затем небеса словно прохудились: то дождь, то снег, то дождь со снегом. На земле - слякоть. Но мы летали и в такую погоду. В ночь на 9 ноября экипажи полка сделали 60 вылетов на разведку с попутным бомбометанием. Один из объектов - город металлургов Мишкольц - находился в ста километрах от аэродрома. Каждый полет длился не менее двух часов. И все же и в таких условиях летчики полка делали за ночь по нескольку вылетов.

Выдержку и мужество проявил во время одного из полетов интернациональный экипаж - летчика-испанца Бартоломео Масса со штурманом Иваном Дубовиченко. Над целью, это было над Будапештом, мотор самолета стал работать с перебоями поврежден.

- Ничего страшного, Боря, - успокоил Масса Дубовиченко. - Главное, без паники. У нас есть еще высотенка. Думаю, до своих дотянем.

- Нет паника, Ванья, - проговорил Борис. - А посадке к немцам - такой расчет у меня никогда не был. К черту!

- Правильно, Боря! Так держать!

На подбитом моторе летчик сумел перетянуть через линию фронта. Пошел на вынужденную посадку. Штурман подсветил белой ракетой момент приземления. Бартоломео удачно посадил машину. Через пехотинцев Дубовиченко связался с командованием полка, сообщил координаты своего местонахождения. А к рассвету на место посадки По-2 механики третьей эскадрильи уже привезли новый мотор и быстро восстановили боеспособность самолета.

Что такое посадка ночью на подбитом самолете, хорошо знаю по себе. Примерно недели через полторы после описанного случая мы со штурманом Иваном Чернышевым летали бомбить Будапешт. Нас тогда тоже зацепило - оказался перебитым тройник масляной помпы. Масло вытекло, мотор заклинило, и мне пришлось сажать самолет. От гибели нас спас тогда счастливый случай. Нам просто повезло.

* * *

Вокруг Будапешта все сильнее сжималось кольцо окружения. Одновременно с этим наши войска, развивая наступление на запад, продвинулись вперед примерно на 60 километров. Осажденной группировке было трудно рассчитывать, что ее выручат из "котла". Но из Берлина получен приказ - защищать Будапешт так, как защищали Сталинград русские. Гитлер еще надеялся, что каким-то чудом удастся сдержать у стен древнего города девятый вал наступления Красной Армии.

Войска 2-го Украинского фронта готовились к штурму

венгерской столицы. Советское командование, чтобы избежать ненужного кровопролития, спасти столицу Венгрии с ее замечательными памятниками истории и культуры, направило в Будапешт парламентеров с ультиматумом - немедленно прекратить все военные действия и сложить оружие. Но...

Совершилось чудовищное преступление. Погибли два молодых советских офицера - капитан И. А. Остапенко, украинец, и капитан Миклош Штейнман, венгр по национальности, сражавшийся в Испании в бригаде легендарного генерала Лукача.

На другой день Совинформбюро оповестило весь мир о злодейском убийстве парламентеров. У нас в полку, как, вероятно, и в других частях, по этому поводу состоялся митинг. Злодеяние фашистов вызвало взрыв возмущения.

Начался штурм Будапешта...

* * *

В осажденном городе немцы сражались с яростью обреченных. Это мы чувствовали в каждом полете - по силе зенитного огня, по его плотности, по пробоинам в перкалевой обшивке самолетов.

Но комсомольцы в долгу не остались. Полк ответил на это непрерывной бомбежкой, организацией самолетовылетов на цель с вечера и до самого утра. "Карусель" из одиночных "Поликарповых-2" замкнулась. Кто-то еще только просил старт, кто-то с набором высоты уже брал курс на Пешт, два или три самолета подходили к цели, столько же экипажей искали другие объекты для бомбежки. А вылетевшие первыми, сбросив смертоносный груз, разворачивали самолеты к дому.

На аэродроме тоже шла напряженная работа. Особенно доставалось механикам по вооружению. У нас в эскадрилье их было пятеро: Алексей Зубков, Александр Боровков, Федор Бондаренко, Анатолий Российский и Мария Михайлова, родная сестра первого секретаря ЦК ВЛКСМ. И хотя богатырским сложением никто из наших парней не отличался, работали они так, что иному богатырю впору бы и позавидовать. Алексей Зубков, например, на спор один подвешивал на бомбодержатель под крыло бомбу-сотку. Ну а Толя Российский - это наш сын полка. Как он появился в эскадрилье, никто уж теперь и не помнил. Совсем недавно, кажется, еще под крылом По-2 "пешком ходил", а теперь подрос, "вес набрал". Во всяком случае, осколочную бомбу в 25 килограммов подвешивает без посторонней помощи. Его у нас перекрестили и зовут не Россинский, а Рокоссовский. До знаменитого маршала Толе, конечно, еще далеко, но... Словом, дело свое он знает, и довольно прилично.

Кроме Марии Михайловой, были у нас в полку еще две девушки-оружейницы: Полина Баканова, доброволец из Чувашии, и Лидия Орлова, москвичка. Замечательные трудяги. От ребят девушки старались не отставать. В споры, кто сильней, правда, не вступали, но полусотку каждая из них, если приходилось, могла подвесить без посторонней помощи.

Механики по вооружению в те памятные ночи под Будапештом работали очень напряженно. Не успевали подвесить боекомплект под одним самолетом, как приземлялся другой. За ним еще один, и еще... И так всю ночь, до утра. Сто самолето-вылетов, по 200 килограммов бомб для каждого По-2. 20 тонн сосредоточенного груза требовалось "перелопатить" - перетаскать со склада на автомашины, с машин под плоскости самолетов, подвесить на бомбодержатели. Кроме того, надо было подготовить САБ, ракеты, малые зажигалки... И ничего, никто не хныкал. Потому что знали - в небе над Будапештом еще тяжелее.

Вспоминается одна из напряженнейших ночей уходившего 1944 года. Приземлился после второго за ночь вылета, спрашиваю:

- Витя Щукин где?

- Только что ушел на третий.

- А Вася Чудин с Сашей Гиматутдиновым?..

- Ждем. Вот-вот должны подойти со второго. А вот Уляхина что-то нет, не видели. С первого еще не вернулся.

- Может, заблудился? - высказывает предположение механик самолета.

- Да тут и захочешь - не заблудишься. Ориентировка ведь проще простого знай себе держи "железку" слева по борту. И на цель выйдешь, и на свой аэродром вернешься, - говорит кто-то из летчиков.

Комсомолец Уляхин - новичок в полку. К боевой работе допущен недавно. Неужели что-то случилось?

Худшие опасения подтвердились. Когда мы с Киреевьм приземлились после третьего вылета, механик сказал, что экипажа до сих пор нет. До рассвета все, кто оставался на аэродроме, ожидали не вернувшихся с первого вылета летчика лейтенанта Семена Уляхина и штурмана лейтенанта Василия Козлова. Не дождались. Не вернулись на аэродром также летчик-комсомолец Виктор Пахилкин и штурман Григорий Киряшов. На второй день в полк пришло сообщение, что ребята погибли. Позднее, когда в освобожденном Будапеште воздвигнут памятник погибшим советским воинам, на его открытие из нашего полка полетит штурман первой эскадрильи Георгий Маслов. Когда он вернется в полк, то расскажет нам, что имена Пахилкина и

Уляхина, Козлова и Киряшова золотом высечены на граните обелиска.

На другой день над целью были повреждены еще два самолета. "Повторно повезло" Климанову с Антоновым. Зенитный снаряд разорвался около задней кабины и пробил лонжерон фюзеляжа и нижнюю плоскость. Ни летчика, ни штурмана не задело. Климанов, как всегда, безупречно посадил подбитый самолет на своем аэродроме.

- Ну и счастливчики же вы с Иваном, - сказал летчику механик самолета Константин Крупанов, осмотрев пробоины. - Ведь еще бы чуть-чуть...

- Чуть-чуть в Москве не считается, - отшутился Дмитрий.

На самолете Григория Усольцева зенитным снарядом перебило рули высоты, зацепило тросы управления. Пилотировать таким самолетом, особенно на посадке, очень сложно. Но Усольцеву уже не впервой попадать в такую ситуацию. Григорий приземлился мастерски.

Боевые потери и пробоины в самолетах, конечно, сказывались на настроении в полку. Но в уныние никто не впадал. Лишь злее мы становились.

За три декады декабря комсомольцы-летчики уничтожили в осажденном городе до 80 автомашин, подожгли несколько складов с горючим и боеприпасами. В результате наших бомбежек многие сотни фашистов отправились к праотцам.

* * *

Ночь под новый, 1945 год летчики Комсомольского авиаполка провели в небе венгерской столицы. Взрывы зенитных снарядов заменяли нам новогодние елочные огни - это для нас "старались" немцы. Мы тоже не собирались оставаться в долгу: на бомбах, которые наши штурманы ровно в полночь намеревались сбросить на гитлеровцев, оружейники мелом написали: "Новогодний подарок фрицам!"

В нашей эскадрилье первым на боевую вахту в небо Будапешта под Новый год ушли Иван Даев с Алексеем Склеменовым и Сергей Ершов с Георгием Масловым. А комэск третьей Алексей Дорошенко, вспомнив групповые бомбовые удары в Лелековке под Кировоградом, собрал эскадрилью в строй "клин звеньев" и повел своих ребят на Будапешт - праздничный фейерверк гитлеровцам был обеспечен.

Все экипажи отлично справились с боевым заданием. Итог боевой работы парка в новогоднюю ночь оказался достаточно внушительным: около 15 уничтоженных автомашин, два сожженных железнодорожных эшелона.

В эти напряженные ночи летчики Комсомольского авиаполка

жили одними помыслами с артиллеристами, с гвардейцами-танкистами и пехотинцами.

Погода не баловала нас. В горах неожиданно начались снегопады. Они затрудняли экипажам ориентировку на маршрутах, выход на цель, осложняли возвращение на свой аэродром. Но комсомольцы-летчики и в таких условиях отлично справлялись с боевой задачей.

В одну из ночей экипаж Александра Анисимова сумел пробиться к цели - она находилась западнее Эстергома, пройдя сквозь сплошную снежную завесу. Трудно пришлось и летчику и штурману: горизонтальная видимость нулевая, да и внизу почти ничего различить невозможно - там лишь поблескивает русло реки и еле заметно выделяются темные пятна лесных массивов. А снизиться ниже 800 метров нельзя: справа и слева хребты гор. Помогло отличное знание района полетов и такой ориентир, как характерная излучина Дуная восточнее Эстергома. Лейтенант Анисимов безупречно выдержал курс, а лейтенант Костров вывел самолет на цель и без промаха отбомбился по переправе, наведенной немцами через реку.

А когда погода благоприятствовала, все экипажи Комсомольского с вечера и до рассвета висели над вражескими позициями, поражая немецкие танки новыми противотанковыми бомбами - ПТАБ. Каждая такая бомба весила не больше килограмма и похожа была на обычный взрыватель с ветрянкой. Сила же ее направленного взрыва равнялась бомбе-сотке. Этими "игрушками" наши оружейники заполняли кассеты и подвешивали их под плоскостями самолетов. Каждый вылет "Поликарповых-2" наносил немцам невосполнимый урон.

Трудно пехоте атаковать противника в открытом поле - негде укрыться от свистящих пуль. Нелегко наступать в лесу или горах - там стреляет каждое дерево, каждый камень. Но нет ничего труднее штурма большого города.

В Будапеште нашим пехотинцам, артиллеристам и танкистам приходилось сражаться буквально за каждый дом. Мы же в последнее время стали работать в тесном взаимодействии с наземными войсками. Летчики вместе с полетными картами брали с собой разделенный на квадраты план венгерской столицы. И тут снова показал себя экипаж Федора Парфенова и Мубарака Зарипова. 23 января Федор с Мубараком в квадрате No 103 подожгли немецкий бронетранспортер и двумя попаданиями в здание, где засели гитлеровцы, вызвали сильный взрыв. 29 января Парфенов с Зариповым отличились при бомбежке объектов в квадратах No 104 и No 128 - там было отмечено шесть прямых попаданий в здания, занимаемые противником.

Отлично взаимодействовали с пехотинцами и артиллеристами также и другие экипажи Комсомольского полка.

30 января 1945 года на заседании партбюро полка рассматривалась возможность выпуска специального бюллетеня, в котором ярко и доходчиво отмечались бы наиболее удачные вылеты летчиков и штурманов. "В первом же из них отметить летчиков Анисимова, Ершова, Тягунова", - было записано в решении партбюро. В тот же день бюллетень вышел в свет. Вот его краткое содержание:

"Товарищ, Пешт взят!

Смертники ожесточенно сопротивляются в Буле.

Хозяева ночного неба над венгерской столицей - мы. Вот они, герои штурма". И далее следовали фотоснимки, удачно сделанные парторгом полка Федором Изотовым, а также описание дерзких полетов наших летчиков. Боевой листок призывал:

"Товарищ! Маршалы Жуков, Рокоссовский и Конев со своими войсками уже в Германии. Пусть твоим девизом будет: "Чем больше набьем гитлеровцев в Будапеште, тем меньше их придется бить в Берлине".

Вперед, на штурм Буды, орлы Комсомольского полка!"

И летчики Комсомольского, беря пример с лучших своих товарищей, стремились летать эффективно, в каждом боевом вылете наносить противнику наибольший урон.

13 февраля 1945 года крупная будапештская группировка противника прекратила свое существование. В этой победе была и доля нашего ратного труда.

Последний боевой вылет

В середине марта 1945 года войска 2-го и 3-го Украинских фронтов начали Венскую операцию. Соединения 46-й армии и 2-го гвардейского механизированного корпуса нашего фронта наносили удар от Будапешта на северо-запад. Прорвав оборону противника севернее Чаквар, механизированные колонны двинулись на Дьёр, намереваясь во взаимодействии с Дунайской военной флотилией выйти в район Комарно, чтобы отрезать немцам путь отхода от Эстергома, прижать их к Дунаю и уничтожить.

Из штаба 312-й Знаменской легкобомбардировочной авиадивизии - в штаб 930-го Комсомольского Краснознаменного Трансильванского авиаполка: "В ночь с 20 на 21 марта 1945 года одиночными самолетами сопровождать корабли Дунайской военной флотилии, подавлять береговые орудия противника. Особое внимание обратить на проход судов под мостом в Эстергоме. В случае противодействия отвлечь внимание

противника от флотилии. В дальнейшем подавлять все огневые точки немцев по берегам Дуная, сопровождая корабли до места высадки десанта".

Перед строем полка подполковник Чернобуров уточнил экипажам боевую задачу:

- В момент высадки десанта мы должны осветить местность САБ. Для наземных войск это послужит сигналом: корабли пришли в назначенный пункт.

- Задание не из легких, - предварил свои соображения штурман полка капитан Самков. - Связь экипажей самолетов с командами кораблей флотилии - только зрительная, точнее - световая. Каждому летчику и штурману следует быть предельно внимательным, при подавлении береговых орудий противника соблюдать ювелирную точность бомбометания.

Такие предупреждения не были излишними: малейшая оплошность могла привести к неприятным последствиям. Ведь рядом находились корабли флотилии.

На предполетной подготовке третьей эскадрильи майор Дорошенко четко распределил обязанности между экипажами. Один самолет выделил для непосредственного сопровождения кораблей. Выполнение этой почетной и ответственной задачи поручалось командиру звена лейтенанту Анисимову и штурману лейтенанту Кострову. Остальные экипажи обязаны были подавлять береговые батареи и наносить бомбовые удары по Эстергому.

- Прошу учесть еще одно обстоятельство, - уточнил комполка. - Над берегами Дуная снизимся до минимальной высоты и пойдем на максимальных оборотах моторов. Рокот наших моторов должен будет заглушить шум корабельных двигателей.

В первой и второй эскадрильях также было выделено по одному экипажу на непосредственное сопровождение флотилии. Это летчики Григорий Усольцев и Федор Парфенов, штурманы Иван Чернышев и Мубарак Зарипов. Самые опытные экипажи.

В первую половину ночи наши По-2 бомбили в основном Эстергом и артиллерийские батареи на берегах Дуная. Усольцев с Чернышевым, идя на предельно малой высоте, обнаружили рядом с мостом через реку артиллерийскую батарею, которая открыла огонь по самолетам Анисимова и Парфенова. Верный своей тактике, Иван Чернышев с низкой высоты сбросил ампулы с горючей жидкостью на артиллерийские позиции врага. Пожар на батарее значительно снизил активность зенитчиков. Довершили начатое Иваном дело Саша Костров и Мубарак Зарипов. Они довольно точно отбомбились по зенитным орудиям, а главное, позволили кораблям Дунайской военной флотилии

незамеченными пройти под мостом у Эстергома.

Во вторую половину ночи полку предстояло бомбить войска и технику противника в Комарно, куда уже полетели экипажи 992-го авиаполка, базировавшиеся на одном с нами аэродроме. Парторг полка капитан Изотов побывал на КП соседей, поговорил с летчиками. Вернувшись, Федор Данилович обошел все экипажи, готовившиеся к полету на Комарно, и провел с комсомольцами индивидуальные беседы.

- Куда, Сережа, лететь собираетесь? - спросил он у Ершова.

- На Комарно.

- Тогда слушай меня. Наши войска там с юга уже подошли к Дунаю, учти это. Я только что был у девятовцев.

- Девятовцы туда уже летали?

- Да, недавно вернулись. Говорят, что цель сильно прикрыта зенитками и прожекторами. Я присутствовал при их докладах. Прожекторов там три. - И Федор Данилович подробно объяснил, где установлены прожекторы. - Зенитки же бьют из трех мест: с юго-восточной окраины - две и одна с северной. Давай я тебе отмечу на карте-схеме.

Такие беседы парторг полка провел почти с каждым экипажем, улетавшим на Комарно. Подошел Изотов и к самолету старшего лейтенанта Дмитрия Литвинова. Литвинов прибыл в наш полк недавно и теперь летал с одним из лучших штурманов полка - лейтенантом Суворовым. Капитан Изотов знал, что Литвинов и Суворов в эту ночь были свободны от полетов.

- Иван Васильевич! - обратился он к Суворову, которого помнил еще по Калининскому фронту. - Рад тебя видеть в боевом снаряжении. Но, как мне известно, ты сегодня отдыхать должен...

- Должен, да не обязан, - отшутился штурман. И уже всерьез: - Не такая сегодня ночь, чтобы отсыпаться.

Литвинову и Суворову Изотов тоже рассказал об обстановке в зоне противника, указал расположение зениток и прожекторов. В конце добавил:

- Ну а как действовать над целью, не мне вас учить.

- Будь спокоен, Федор Данилыч, не посрамим земли русской, - отозвался Суворов.

Это был последний полет экипажа. Вылетев следующей ночью на выполнение боевого задания, молодой коммунист Дмитрий Литвинов и комсомолец Иван Суворов на свой аэродром больше не вернутся...

После того как Комарно был освобожден, командир первой эскадрильи капитан Ершов и штурман старший лейтенант Маслов получили у командира полка разрешение слетать днем в район города на поиски невернувшегося самолета. Вместе с ними

полетел и экипаж Анисимова.

Сделали круг над городом. На земле среди множества воронок от бомб и снарядов Ершов обнаружил бесформенную кучу металла.

- Похоже на мотор, - сказал Маслов и спросил Ершова: - Сможешь посадить самолет поблизости от этого места?

- Что за вопрос? Конечно, смогу.

Оба самолета пошли на посадку.

Бесформенная масса металла и в самом деле оказалась мотором М-11 с самолета По-2. Ершов прочитал его заводской номер, затем заглянул в свою записную книжку:

- Это мотор с самолета Литвинова.

К летчикам подошли местные жители и солдаты военной комендатуры.

- Что ищете? - по-русски, хотя и с сильным акцентом, спросил пожилой мужчина, словак.

- Здесь погибли наши боевые друзья, - ответил Изотов.

Старик некоторое время стоял молча, опустив голову.

- Хорошие были у вас друзья, - наконец сказал он. - Они погибли, как герои. Не знаю, что у них случилось в воздухе. Но мотор гудел. А вот тут, - он показал рукой на разбитую неподалеку площадку, - были зенитные орудия. Самолет врезался в расположение артиллеристов. Немцы тогда многих своих недосчитались... А ваших ребят мы той же ночью в воронке похоронили...

"Не посрамим земли русской..." - вспомнил парторг слова Суворова перед вылетом.

Солдаты из комендатуры по просьбе Ершова принесли саперные лопаты. Раскопали землю в воронке. Да, это были тела наших летчиков - Дмитрия Литвинова и Ивана Суворова.

Ершов и Маслов, Изотов и Анисимов сняли шлемы. Обнажили головы и все, кто пришел сюда.

Минута молчания. Самая длинная минута на свете. Минута памяти и минута раздумий. Перед мысленным взором парторга полка Федора Изотова встал русский летчик Иван Васильевич Суворов, один из лучших штурманов в полку, не раз летавший на выручку к партизанам Белоруссии, Калининской и Смоленской областей. Отважный навигатор, отличный разведчик и бомбардир, совершивший свыше 500 боевых вылетов ночью...

Особенно тяжело было прощаться с Иваном Суворовым Георгию Маслову. Перед началом войны судьба свела их в одну эскадрилью. Отступали, оборонялись. И наступали. В одном строю. Под одним знаменем. И вот до Победы - рукой подать, все кругом оживает, цветет... А друг гибнет. "Прощай, Ваня! Пусть

словацкая земля будет тебе пухом!.."

Летчики с помощью солдат военной комендатуры перезахоронили тела погибших, отдав им последние воинские почести.

Впоследствии на этом месте появится мраморный обелиск. И каждую новую весну будут приходить сюда благодарные словацкие друзья, каждую новую весну будут ложиться к его подножию живые цветы...

Комарно... Наши летчики прошли по узким улочкам города. Заглянули в крепость. На ее стенах еще сохранились орудия, из которых немцы стреляли по наступающим войскам Красной Армии, по нашим самолетам... В одной из комнат, вероятнее всего, штабе, на стене висела картина, намалеванная немецким художником: войска фюрера наступают, строчат из пулеметов, а русские солдаты в буденовках падают и сдаются на милость победителей. Маслов, плюнув, сорвал со стены эту мазню:

- К чертям! Власть переменилась!

* * *

4 апреля войска 2-го Украинского фронта освободили от немецких захватчиков столицу Словакии Братиславу. Перед летчиками полка встали новые задачи. Началось сражение за Брно.

Наземные войска, прорвав оборону противника и выйдя на оперативный простор, наступали мощно и стремительно. Одно направление - от Братиславы на запад, вверх по Дунаю, на Вену. Другое - по долине Моравы, на север, на Брно. И вот уже нашему самолету удается слетать за ночь только один раз: ходим на полный радиус действия.

Одна из таких ночей стала для нас особенно памятной: 17 апреля полк совершил налет на аэродром противника в двух километрах юго-восточнее Брно. Лидером атаки на этот раз стал экипаж старшего лейтенанта Григория Усольцева. Штурман экипажа Иван Чернышев вывел самолет на цель и сбросил сразу две САБ. "Фонарики" на парашютах высветили капониры, в которых были видны бомбардировщики и истребители.

- Гриша, держи капониры справа по борту! - скомандовал Иван.

- Есть! - ответил Усольцев, и через несколько секунд ампулы с горючей жидкостью устремились к земле.

Через каждые четыре-пять минут, сменяя друг друга, экипажи Комсомольского, несмотря на ураганный заградительный огонь, обрушивали бомбовые удары на стоянки самолетов, на аэродромные сооружения.

Затем полк несколько ночей подряд бомбил войска и технику

противника в самом Брно. А 26 апреля город стал свободном от оккупантов.

Все мы чувствовали, что приближается час окончательного разгрома гитлеровской Германии. Нам было известно, что войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в это время штурмовали Берлин. На побережье Балтийского моря в "котел" попала большая группировка немцев. Дело шло к победному концу.

И вот наконец для Комсомольского авиаполка наступила последняя боевая ночь. Ночь с 8 на 9 мая 1945 года.

В первом боевом вылете нам со штурманом Александром Мантуровым было приказано нанести бомбовый удар по сосредоточению войск противника в местечке Славянский Гроб. Видимость, помню, была неважной, и я вел самолет по приборам, лишь изредка посматривая на землю. Линию фронта прошли нормально. Снизу время от времени взлетали вверх осветительные ракеты. Их свет отражается заревом на облаках. Я, оторвавшись на мгновение от приборов, посмотрел вперед. И вдруг прямо перед собой увидел самолет, идущий нам лоб в лоб. Можно было уже даже различить огни выхлопных патрубков. Быстро, в какую-то долю секунды, свалил свою машину в левый крен. Левой ногой ввел самолет в вираж. Шедший навстречу "кукурузник" ударил нас струей воздуха справа. Мы разошлись, едва не задев друг друга колесами.

- "Радость" последних ночей! - крикнул мне штурман, когда пришел в себя. Кто-то шутить изволит.

- Да, мы могли бы, наверно, и косточки свои здесь оставить, - говорю ему.

- И никто бы их не нашел.

Так мы шли на цель, обсуждая случившееся. Вышли на тот самый Славянский Гроб, отбомбились по отступающему противнику и взяли курс на свой аэродром.

Чуть раньше нашего там приземлился Иван Хотяшов и на чем свет стоит клял неизвестного летчика, который чуть было не столкнулся с ним в полукилометре за линией фронта. А ведь виноват в создании аварийной ситуации в воздухе был прежде всего он сам. Мы с Мантуровым шли по маршруту, по прямой на цель. А Иван держался линии фронта, разбрасывая вдоль передовой листовки. На "перекрестке" маршрута он должен был лететь особенно осторожно, мог бы даже подняться "этажом" выше.

К часу ночи, то есть в первом часу 9 мая, весь фронт уже знал, что Германия безоговорочно капитулировала. В это время весь наш полк находился в полете.

Мы с Мантуровым возвращались от цели на свой аэродром, когда увидели, что на линии фронта стали взлетать вверх осветительные ракеты всего фронтового спектра - белые, красные и зеленые. Странно и непривычно. Затем где-то в районе нашего аэродрома ударили зенитки, и небо прошили трассирующие пулеметные очереди...

- Что это, как думаешь? - спросил Мантуров.

- Думаю, Саша, что это - Победа!

И, как бы подтверждая мою мысль, кто-то из летчиков-ночников выстрелил белой и зеленой ракетами.

Ему тут же ответили. И вот уже в воздухе, как и на земле, заиграл огромный фейерверк!

Подлетели к своему аэродрому и долго никак не могли посадить самолет: каждый приземлившийся экипаж салютовал Победе из всех видов оружия - из пулеметов, автоматов, винтовок и пистолетов.

Но вот, выбрав момент, приземлились и мы.

К самолету подбежал наш механик Николай Подзерей:

- Победа!..

Солдаты всего 2-го Украинского фронта в этот час устроили праздничный салют. До самого рассвета. Наступило утро Великой Победы. Оно пришло на смену темной ночи господства фашизма.

Так пришел к нам на фронт последний день войны.

Победа! Даже в горькое время отступления мы верили в тебя. В минуту опасностей и сомнений жили тобой. В горячих сражениях боролись и умирали за тебя.

Жить тебе в веках!

Примечания

{1}ЗАП - запасной авиационный полк.

{2}Так в шутку называли полки легкомоторной авиации.

{3}ВНОС - воздушное наблюдение, оповещение, связь.

{4}Так в честь авиаконструктора Н. Н. Поликарпова стали называть самолет У-2.

{5}АНО - аэронавигационные огни.

{6}В настоящее время академик АМН СССР, профессор Георгий Васильевич Морозов возглавляет Всесоюзный ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательский институт общей и судебной психиатрии имени В. П. Сербского.